Достижения в психологии

И. А. Джидарьян

Психология счастья и оптимизма

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

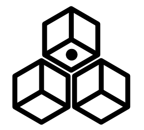
Достижения в психологии

Российская академия наук
Институт психологии

И. А. Джидарьян

Психология счастья и оптимизма

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2013

УДК 159.9
ББК 88
Д 41

Джидарьян И. А.

Д 41 Психология счастья и оптимизма. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 268 с. (Достижения в психологии)

ISBN 978-5-9270-0254-2

УДК 159.9
ББК 88

В книге собраны уникальные в плане содержания работы видного отечественного психолога И. А. Джидарьян, по профессиональным представлениям и складу научного мировоззрения принадлежащей к школе С. Л. Рубинштейна, традиции которой она развивает. Прекрасное владение методологией психологического исследования, глубокое знание философской традиции и современных работ по проблемам позитивной психологии, оригинальность мышления в сочетании с искренним сопереживанием человеку на его жизненном пути позволяет автору рассматривать темы, которые мало кто решается развивать в психологии: веры, надежды, любви, оптимизма и счастья.

ISBN 978-5-9270-0254-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Закономерно, что эта книга выходит в издательской серии «Достижения в психологии». Появление работ Инны Аршавировны Джидарьян всегда ожидают с интересом все, кто хочет услышать новое слово об основных закономерностях психической жизни человека. Автор хорошо понимает, что каждый человек хочет счастья, а в трудных обстоятельствах ему помогают вера, надежда и любовь…

Есть такие основополагающие психические явления и понятия, рассмотрение которых под силу не каждому исследователю. Для этого нужно обладать глубокой гуманитарной культурой, знанием философии и методологии, обширными познаниями в области современной психологической науки, ее методов и новых направлений. Уникальность И. А. Джидарьян как исследователя и как автора состоит в редком синтезе глубокого ума и искреннего чувства, на что читатель всегда откликается.

И. А. Джидарьян было выполнено достаточное число работ более чем за полувековую научную деятельность в институтах Академии наук. Сначала это была аспирантура Института философии АН СССР в секторе, основанном С. Л. Рубинштейном. Затем талантливая аспирантка успешно защитила кандидатскую диссертацию, стала сотрудницей, а в 1972 г. перешла вместе с коллективом сектора философских проблем психологии во вновь организованный Институт психологии АН СССР (ныне – ИП РАН), где раскрылись ее дарования. В 1976 г. в издательстве «Наука» вышла в свет первая монография И. А. Джидарьян «Эстетическая потребность», не потерявшая своего научного значения и сегодня. В сборниках научных трудов и «Психологическом журнале» регулярно публиковались ее статьи, а в 2001 г. издательство «Алетейя» выпустило в свет первую в российской психологии книгу о счастье. Это была вторая монография И. А. Джидарьян «Представление о счастье в российском ментали-

тете». К настоящему времени книга стала библиографической редкостью. И именно текстом этой работы о счастье (в новой редакции) открывается настоящая книга.

Плодотворными для Инны Аршавировны оказались 2008–2012 гг., когда одна за другой в разных изданиях выходят ее статьи, посвященные животрепещущим вопросам современной жизни – оптимизму и пессимизму. Автором впервые показан сложный и неоднозначный характер взаимоотношения этих феноменов и понятий. Прослеживаются также глубинные связи позитивной психологии с идеями, высказанными известными отечественными учеными – С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым. Подборка этих публикаций составила вторую часть настоящей книги.

И. А. Джидарьян во многом открыла для российских специалистов и широкого круга читателей развиваемую в западном гуманистическом направлении «позитивную психологию», внесла существенный вклад в ее разработку, обогатив своими уникальными исследованиями, обращением к классической русской литературе, к отечественной и мировой гуманитарной мысли, создав свой оригинальный стиль изложения.

Достижения современной позитивной психологии непосредственно связаны с именем И. А. Джидарьян. Ею выполнен сопоставительный анализ позитивной психологии в контексте истории отечественной научной мысли. В частности, одна из глав данной книги посвящена анализу наследия С. Л. Рубинштейна, в таком ключе еще никем не рассматриваемого. А в главе, посвященной научным представлениям Б. Г. Ананьева о человеке, автор говорит о приоритете и своеобразии отечественной гуманитарной мысли в обосновании гуманистического подхода к человеку. Есть также глава, посвященная основаниям и перспективам развития самой позитивной психологии. Уникальным, с нашей точки зрения, является материал, который открывает вторую часть книги. *Так* о вере, надежде и любви не удавалось еще говорить никому в психологической науке, а сама идея их «триединства» является перспективной для разработки.

Настоящее издание позволяет представить достаточно полную картину работ И. А. Джидарьян, выполненных в период с 2001 по 2012-е годы. Кроме упомянутого выше монографического исследования «Представление о счастье в российском менталитете» (2001), это статьи И. А. Джидарьян, опубликованные в 2008–2012 гг. (в сборниках Института психологии РАН): «Оптимистические основания веры, надежды и любви» (2011); «Современные тенденции в психологических исследованиях оптимизма» (2012); «Философ-

ская концепция С. Л. Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии» (2011); «Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании» (2008).

Таким образом, по содержанию книги можно составить впечатление о научных изысканиях И. А. Джидарьян в области психологии личности, относящихся к новому веку и тысячелетию. Та научная традиция, которую она представляет, благодаря ее усилиям передается от одного исторического времени к другому, позволяя заполнить некоторые «пустоты», образовавшиеся в отечественной психологии из-за кризиса идеологии и методологии 1990-х годов. На страницах книги читатель встретит имена и ссылки на произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, почти забытых, но замечательных поэтов и писателей советского периода, прекрасных философов прошлого и современности, а также глубокий анализ отечественной и западной психологической мысли.

Мы надеемся, что молодых ученых может вдохновить проложенный И. А. Джидарьян путь к эмпирическому исследованию представлений о счастье, а также к включению в свои концепции важнейших феноменов человеческой жизни – веры, надежды, любви, счастья, совести, доброты и чести.

Член-корреспондент РАН
А. Л. Журавлев

Профессор, доктор психологических наук
М. И. Воловикова

ЧАСТЬ I

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ В РОССИЙСКОМ МЕНТАЛИТЕТЕ

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей работы не в том, чтобы представить очередной трактат с очередными пространными рассуждениями о счастье, которых в мировой науке более чем достаточно. Это и не попытка предложить новый подход или новое понимание природы этого удивительного и парадоксального по своим проявлениям феномена человеческой жизни, в которых тоже нет недостатка. Не стояла перед нами в качестве специальной задачи и проблема систематизации и обобщения накопленных в мировой науке знаний, как и содержательного анализа различных подходов и концепций счастья, хотя по мере необходимости и по конкретным вопросам такой анализ частично проводился.

Наконец, монография не содержит и каких-либо конкретных «технологий» и «рецептов» по овладению «секретами» счастливой жизни, не дает практических рекомендаций и многообещающих советов, как обрести счастье. Это отдельная и специальная тема, которая выходит за рамки профессиональной компетенции автора и задач книги. По этим вопросам существует специальная психотерапевтическая литература, к которой каждый читатель при желании может обратиться самостоятельно. Мы же, со своей стороны, хотели бы в этой связи напомнить миниатюрную юмореску А. П. Чехова «Жизнь прекрасна! (покушающимся на самоубийство)» и в качестве первого шага прислушаться к содержащимся там советам. Как бы иронизируя над желаниями людей иметь «счастье без перерыва, даже в минуты скорби и печали» (Чехов, 1983, с. 235), писатель в присущей ему юмористичеки-насмешливой манере называет два простых житейских правила, соблюдая которые можно находится всегда в счастливом расположении духа. И в этом юморе, как всегда, содержится большая доля правды.

В соответствии с заявленной темой перед автором стояла другая принципиальная задача – взглянуть на проблему счастья через призму российской ментальности, попытаться раскрыть русскую «бытийность» счастья в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. При этом мы исходили из идеи о том, что счастье как феномен культуры и выразитель состояния народного духа, напрямую связанный с миром ценностных отношений и приоритетов, верований, представлений народа о высшем и желанном, а также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия мира и т. д., является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета, тем более российского.

Подобная «менталистская» ориентация нашего исследования не является, конечно, случайной. Но было бы неверно видеть в ней одно лишь желание следовать модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли и связанной с ним проблематике. Для нас этот выбор имеет более глубокие основания: он определен внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований, проведенных за последние годы, а также гражданской позицией автора, его глубокой озабоченностью драматической ситуацией, в которой оказались сегодня и российское общество в целом, и российский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях вообще и счастье в частности.

Драматизм ситуации заключается в том, что некогда абстрактное и, казалось, далекое от страны и ее народа понятие «кризиса» неожиданно и сразу стало реальностью нашей жизни, травмирующим фактором для миллионов российских граждан. Причем сам кризис приобрел сегодня в масштабах страны системный и непрерывно углубляющийся характер, так что речь, по существу, идет уже, по авторитетному мнению некоторых наших известных социологов, не просто о кризисе, а о «социальной деградации российского общества» (Руткевич, 1998, с. 3).

Сегодня совершенно очевидно, что развал социалистической системы и великого союзного государства под общие разговоры о перестройке и рыночных реформах, помимо экономической разрухи и полной финансовой зависимости от развитых стран Запада и международных валютных фондов, грозит народу еще и потерей его духовной «безопасности», утратой ценностных и культурогенных потенций, угасанием самосознания. Очередная утопия осчастливить в ближайшие годы Россию капиталистическим бла-

годенствием, неким потребительским «раем» на деле обернулась для большинства людей не только полунищим существованием, но и упадком нравственных сил, внутренним ожесточением, безысходностью, при которых начинают распадаться и традиционная русская всеотзывчивость, доброжелательность, сострадательность и другие привлекательные качества. Подобно «шагреневой коже» из романа О. Бальзака, все больше сжимается то необходимое пространство жизни, которое обычно поддерживает веру и оптимизм в людях, без которых русский человек, если прислушаться к мнению Ф. Достоевского, – «дрянь».

Драматический характер современного российского кризиса, особенно духовного, не может не вызывать у многих наших соотечественников чувства крайней обеспокоенности и тревоги, желание что-то предпринять, как-то отреагировать, наконец, воспротивиться – и не только криком души и болью в сердце, но и делом, словом, поступком, печатным изданием, научным аргументом, жизненным актом и т. д. – всем тем деструктивным процессам и силам, которые неумолимо разрушают исторический потенциал страны, делают проблематичной саму возможность ее достойного существования и развития как великого государства. Этим чувством руководствовались и мы при написании данной книги, отстаивая духовный «суверенитет» и «самобытный лик» (И. А. Ильин) русского народа, сознавая губительное для его менталитета сползание страны в болото потребительского самодовольства, циничного эгоизма и опустошительной вседозволенности.

На конкретной проблематике счастья мы пытаемся, в частности, противопоставить различным прагматично-рыночным, духовно-приниженным моделям «счастья» подлинные ценности человеческой жизни, заложенные в архетипе русского сознания и выражающие наиболее важные черты национального характера русских. Сформированные тысячелетним историческим опытом народа, проявленные в трудах и жертвах многих поколений людей, они несут в себе необходимую для «самостоянья» (А. С. Пушкин) человека нравственно укрепляющую силу, направленную вверх, а не вниз – в духовные пустоты и темные расщелины бытия.

В новой системе ценностей, которая изначально была заложена в курсе реформ и которая под давлением официальной пропаганды и средств массовой информации все глубже проникает в сознание и сферу взаимоотношений людей, счастье начинает восприниматься, прежде всего, как удача, успех, обладание, где все в конечном счете решают деньги. Например, исконно русскому представлению о том,

что «не в деньгах счастье» уже найден и широко противопоставляется другой, альтернативный вариант – «не в деньгах счастье, а в их количестве». Современным «любителям» и «идеологам» больших денег, как и их «счастливым» обладателям за счет различных способов «отъема» у других, будет небесполезно напомнить, что деньги на Руси не только никогда не абсолютизировались, а напротив, вызывали в народе недоверие, чувство тревоги и опасности, ибо это «от чёрта, это болото, а там кикиморы живут» (А. М. Панченко).

С незапамятных времен уверовал русский человек – и без всякого чудачества, имея на это веские основания, – в греховную, нечистую силу денег, особенно больших денег. И это убеждение нашло отражение в народном фольклоре, во многих национальных обычаях, приметах, обрядах и т. д. Об одном из них – «чертогоне» (буквально: «изгнание беса»), ныне уже практически забытом, но в свое время очень почитаемом в среде московского денежного купечества, напоминает нам одноименный рассказ писателя Н. С. Лескова. Глубокий знаток исконно русских нравов, в особенности московской старины, он с большим мастерством и знанием дела рассказывает о многих из них в своих произведениях, в частности, в «Чертогоне». О настороженном отношении на Руси к деньгам как к чему-то опасному и недоброму свидетельствует также одна давняя и практически уже забытая народная примета, согласно которой нахождение клада считалось дурным знаком, предвестником беды и несчастий. Причем, чем весомее был сам клад, тем опаснее и страшнее казалось будущее его нашедшему. Нелишне в этой связи напомнить и о глубоком убеждении нашего национального и всемирно признанного авторитета, человека мудрых мыслей и большого жизненного опыта, писателя Л. Н. Толстого, что богатство не может быть праведным. Такого же мнения придерживался и А. П. Чехов (1987, с. 38).

Конечно, менталитет русского народа, как, впрочем, и многих других европейских народов, формировался под влиянием евангельской притчи о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай. Но нигде, пожалуй, отношение к богатству и связанному с ним накопительству и ростовщичеству как к неправедному делу не приобрело характера такой искренней и непоколебимой веры, не укоренилось так прочно в глубинах сознания, как у нашего народа. «Я так понимаю, – говорит один из героев А. П. Чехова, – ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать» (Чехов, 1985в, с. 215).

Об устойчивости этого стереотипа в национальном самосознании русских свидетельствуют и современные представления россиян о богатстве и его приобретении, содержание которых принципиально не изменились за последнее десятилетие проводимых в стране разрушительных реформ. Исследования показывают, что лишь меньшинство наших граждан, как это и ни парадоксально на первый взгляд, хотели бы оказаться на месте самых богатых людей России. По-видимому, это связано с тем, что значительная их часть убеждена в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет «воровства, разграбления страны» (41%), а также «злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции» (40%) или «жульничества, обмана других» (39%) и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о неправедности богатства российское сознание по-прежнему отвергает веру в возможность существования «трудолюбивых, талантливых и удачливых» богачей. Способных в это поверить среди опрошенных оказалось только 9% (Бетанели, 1997).

Наряду с культом денег и поклонения «золотому тельцу» сегодня в российское сознание активно внедряется еще один, не менее сомнительный, а по сути хищнический и весьма агрессивный принцип счастья – «Бери от жизни все», «Лови момент», «Не упусти свой шанс», «Сорви удачу» и т. д. С экранов телевизора не сходят рекламные ролики с примитивными сюжетами и представлениями о счастье. Например, симпатичные, сияющие от блаженства молодые люди уверяют нас: «Когда я жую жвачку, моя душа поет» или «Окна Бамо. Счастье – вот оно!» и т. д.

Одновременно с рекламированием такого «хватательного» и «жвачно-рамочного» счастья всех нас пытаются убедить в том, что быть счастливым или несчастливым – это наша частная и сугубо личная проблема и что ни общество в целом, ни новые порядки и условия жизни, ни тем более власть, ответственная за эти самые порядки и условия, не причастны ко всем нашим бедам, сломанным судьбам, душевным изломам. За неимоверно короткий срок произошло беспрецедентное и чрезвычайно опасное по своим последствиям для целостности национального самосознания и чувства идентичности россиян разделение общества на малочисленное «мы» – политическая и денежная верхушка, быстро почувствовавшая себя чем-то вроде «элиты», «хозяев» и новых «властителей» жизни – и «они», включающих все остальное многомиллионное население страны или народ в целом.

В положении русского народа, который на протяжении всей истории государства российского по праву считался героическим и великим, за последние годы произошли такие социальные изменения, которые сделали возможным говорить о нем, особенно о старшем поколении, в оскорбительном тоне, используя обидные и некорректные слова и выражения: «быдло», «придурки», «красно-коричневые», «коммуняги», «коричневая харя» и др. Причем все это произносится публично, с нескрываемым озлоблением и, что особенно прискорбно, не рядовыми гражданами, а некоторыми известными политиками, должностными лицами, журналистами, представителями художественной интеллигенции.

В этой связи нельзя обойти молчанием поразившее нас своим откровенным цинизмом заявление одного из первых вице-премьеров в одном из бывших правительств эпохи ельцинских «реформ» о том, что «этот многострадальный народ сам виноват в своих страданиях».

Нет смысла комментировать это весьма примечательное для идеологов и сторонников проводимого в стране курса прозападных рыночных реформ высказывание высшего должностного лица, ответственного как раз за ту самую «шоковую терапию», за ту хитроумную ваучеризацию и приватизацию государственной, всенародной собственности, в результате которых большинство населения страны, ее народ, создатель этой собственности и ее истинный хозяин, оказался за чертой бедности, на грани выживания. Вместо комментария мы хотели бы привести весьма поучительные для современных отечественных политиков слова нашего известного писателя Н. С. Лескова, сказанные им более ста лет тому назад и весьма актуальные сегодня: «Понимать свое время и уметь действовать в нем сообразно лучшим его запросам – это не значит раболепствовать воле масс; нет, это значит только чувствовать потребность „одной с ним жизнью дышать и внимать их сердец трепетанью“» (Лесков, 1957, с. 439).

Именно так, как говорил Н. С. Лесков, – трепетно и в унисон с народом – билось всегда сердце русской поэзии, представленной самыми достойнейшими и яркими представителями, для которых «доля народа, счастье его» были, как для Н. Некрасова, превыше всего другого. По контрасту с приведенными выше циничными словами нашего недавнего первого вице-премьера, по-прежнему мелькающего на экранах ТВ и делающего очередные похожие заявления, невольно вспоминаются проникновенные по душевности и по теплоте выраженного в них чувства любви к родной стране – России следующие строки К. Бальмонта:

Страна великая, несчастная, родная, которую, как мать, жалею и люблю!

И еще:

…И сколько бы пространств – какая бы стихия
Ни развернулась мне, в огне или в воде, –
Плывя, я возглашу единый клич: «Россия!»
Горя, я пропою: «Люблю тебя – везде!»

(Бальмонт, 1980, с. 309–310)

В этих строчках поэта, близких знаменитым блоковским – «О, Русь моя, жена моя, до боли…» – обнажен глубинный нерв русской поэзии, как и всей культуры в целом. В них нет не только какой-либо нотки противопоставления себя народу, тем более позиции превосходства и высокомерия, но и нейтральности, благодушия, а есть естественный порыв любящего сердца навстречу человеческому горю простых людей, есть чувство единения с народом в его страданиях, есть одна общая боль и крест, выпавший на его долю.

«Старая русская интеллигенция, как бы, не в пример нынешней, – писал несколько десятилетий тому назад Г. П. Федотов, – была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы» (Федотов, 1992, с. 221). И далее он высказывает проникновенные слова о том, что достоинство интеллигенции – не в противопоставлении ее народу и что она должна по-прежнему склоняться перед нищим и страдальцем. Этой духовной российской традиции надлежало бы следовать всем тем, кто причисляет себя и сегодня – вольно или невольно, заслуженно или незаслуженно, скрытно или явно – к элите общества, считает себя представителем интеллигенции.

Трудное историческое время, которое переживает сегодня российское общество, тревожные размышления и чувства, которые вызывает оно у многих наших соотечественников, невольно воскрешают в памяти один удивительно объемный образ из повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Это художественное описание «раздавленного репья среди вспаханного поля» и выброшенного на обочину дороги его ярко распустившегося цветка. Этот символический образ служит, как известно, началом для всего дальнейшего изложения писателем одной давней кавказской истории со смертью главного героя, которая вспомнилась ему по ассоциации с погубленным цветком репейника: он, такой прекрасный в своем естестве, на родном кустарнике и такой весь жухлый, аляповатый, сразу увядший, как только его от стебля отодрали. Повесть «Хаджи-Му-

рат» создавалась в один из сложных периодов российской истории, связанный с поражением в Крымско-турецкой войне. И, возможно, пораженческие настроения, охватившие тогда передовую русскую общественность, уязвленное чувство национального достоинства и общая подавленность, вызвали в творческом сознании писателя этот емкий, многозначительный образ цветка-репейника, который представляется таким созвучным сегодняшнему состоянию и мироощущению российского общества.

Созданный нашим великим соотечественником более века тому назад, этот емкий художественный образ таит в себе и некий пророческий смысл, который легко улавливается читателем в следующих заключительных строчках писателя: «Когда я наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь» (Толстой, 1956, с. 22).

Не так ли сегодня и с нами? Удастся ли нам как стране, как единому и великому народу удержаться на родной почве и на собственном «стебле», отстоять национальное достоинство и право самим определять свою судьбу и направление исторического развития? Хватит ли внутренних сил и воли сохранить свою самобытность, противостоять агрессивному натиску заокеанской ментальности и не раствориться, не исчезнуть в ее пучинах? Не сотрется ли из исторической памяти народа его уникальный духовный опыт, созданный и завещанный нам предшествующими поколениями русских людей со всеми своими национальными особенностями и культурными традициями, характерными нравами, святынями и ценностными ориентирами? Или, подобно цветку репейника из повести Л. Н. Толстого, сорванному и выброшенному на край пыльной дороги, также окажемся на обочине мировой истории?

Конечно, никто ответов на все эти вопросы с достоверностью сегодня не знает. И загадывать тоже нет смысла. Россия – единственная страна, у которой, по общему признанию, не только будущее, но даже и прошлое непредсказуемо. Однако утешает и обнадеживает сознание того, что в самые разные и не менее трудные для страны и народа исторические времена лучшие и авторитетные люди России всегда верили, продолжая верить и сейчас, несмотря на очень трудное время, в неминуемое прозрение и новое возрождение сво-

его отечества. И, как теперь мы об этом достоверно знаем, ни разу не обманулись в своих оптимистических ожиданиях, поскольку после тяжелых испытаний и потрясений, как писал И. А. Ильин на основе своего исторического анализа, народ с тысячелетним прошлым отвечает «возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил» (Ильин, 1992, с. 93).

Поэтому в завершение этой вводной части, в которой читатель не мог, конечно, не уловить чувства тревоги и настороженности в отношении современного состояния страны и развития ее духовного потенциала, было бы самым правильным с нашей стороны присоединиться к трезво оптимистическому ответу известного русского мыслителя Г. П. Федотова на свой же собственный вопрос, волновавший его в годы вынужденной эмиграции. Будучи глубоко озабоченным судьбой большевистской России, он писал: «На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи „Будет ли существовать Россия?“, я не могу ответить простым успокоительным: „Будет!“. Я отвечаю: „Это зависит от нас. Буди! Буди!“» (Федотов, 1992, с. 184).

Глава 1

СЧАСТЬЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБРАЗАХ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О счастье писали всегда, писали люди разных поколений, во всех странах и культурах, пытаясь ответить на вопросы о том, что такое счастье и что делает людей счастливыми или несчастливыми в их жизни. Это один из тех вечных вопросов человечества, в отношении которых свои мысли высказывали не только философы и ученые, но и писатели и художники, деятели культуры и религии, известные политики и публицисты; вопросы счастья как вопросы о самом сокровенном и желаемом находили широкое отражение и в народном творчестве – в сказках и легендах, в многочисленных поговорках и пословицах, афоризмах и изречениях.

Несмотря на обширную и разноплановую литературу о счастье, созданную за долгую историю человеческих исканий истины и стремления к счастью, на многие поставленные вопросы и сегодня нет удовлетворительных ответов. Л. Н. Толстой был во многом прав, когда писал о тщетности наших усилий отвечать на вопросы, данные человеку «только для того, чтобы они вечно оставались вопросами». И хотя многие вопросы, считал он, будут «вечно» стоять перед человечеством, человечество вряд ли когда-нибудь откажется от попыток искать и находить на них ответы (Толстой, 1960, с. 96). И действительно, каждое новое поколение людей заново ставит и решает для себя проблему счастья, соглашаясь или не соглашаясь и даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники.

В истории науки были предложены сотни определений счастья, выдвинуто множество теоретических подходов и концепций. Как отмечает в своем эссе о счастливой жизни Роберт Шпеман, еще римский философ Варрон (116–37 г. до н. э.), а вслед за ним и Августин Блаженный (354–430 г. до н. э.) «насчитали не более, не менее, как двести восемьдесят девять различных точек зрения на счастье»

(цит. по: Вацлавик, 1960, с. 8). Однако ни одно из них не закрепилось в науке, не стало общепринятым.

При научном изучении проблемы счастья сразу же обращает на себя внимание не столько то, как много сказано и написано на эту тему, сколько то, что сказано и написано так много противоречивого и даже прямо противоположного[1]. Противоречивость взглядов и чрезмерный субъективизм в оценках и суждениях о счастье нередко порождали скептицизм в отношении возможностей его объективного, строго научного исследования (Бердяев, 1990а, с. 62). Многие из этих возражений и замечаний действительно имеют под собой реальные основания, поскольку сама природа счастья и его достижения весьма относительны, субъективны и глубоко индивидуальны. Не зря в народе говорится, что «на счастье нет закона» (русская пословица).

Тем не менее вопросы счастья как вопросы о самом заветном и желаемом находили широкое отражение не только в народном творчестве (в сказках, былинах и легендах, поговорках и пословицах, песнях и сказаниях и т. д.), не только в художественной литературе и поэзии, в афоризмах и высказываниях многих известных мыслителей и публицистов, но они никогда не переставали быть предметом научных изысканий и специальных исследований, попыток дать четкие, точно сформулированные положения, отвечающие требованиям и критериям научности. Сошлемся, в частности, на совсем близкий нам по времени пример – попытки академика Л. Ландау уточнить проблему счастья с позиций научного опыта и математической строгости. Ученый искренне сожалел о том, что не успел реализовать до конца свою главную идею – как следует жить, чтобы быть счастливым (Ливанова, 1983, с.215).

Особенно заметно возросли научные позиции и статус этой проблемы со второй половины 1960-х годов, когда в западной, прежде всего, американской науке стали активно проводиться социально-

---

1 Приведем для примера наиболее выразительные по своей противоречивости суждения и высказывания разных авторов: «Счастье не в нас и не внутри нас» (Б. Паскаль); «Можно познать счастье, не будучи счастливым» (Ф. Вольтер); «Несчастнее всех счастливцы» (Сенека); «Счастье не нужно» (Г. Флобер); «Только желание быть счастливым нужно» (Н. Г. Чернышевский); «Счастлив тот, кто не знает об этом (Р. Товарнер); «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив» (Ф. М. Достоевский); «Удовольствие не есть благо» (Н. Мальбранш); – «Удовольствие – высшее благо» (Эпикур); «Счастье – это борьба» (К. Маркс); «Счастье – это покой» (О. Шпенглер) и т. д.

психологические, в том числе и экспериментальные исследования различных аспектов счастья и удовлетворенности жизнью. В отличие от большинства работ предшествующих лет, содержащих преимущественно теоретические рассуждения о том, что есть счастье и как его достигнуть, в этих эмпирических исследованиях акцент был сделан на психодиагностику и измерение счастья и удовлетворенности жизнью и на выявление их корреляций с другими характеристиками и параметрами личности.

В результате исследований, многие из которых проводились по международным научным проектам, удалось получить достаточно большой массив конкретно-научных данных, позволивший увидеть не только общие тенденции и закономерности, но и некоторые особенности их проявления в разных странах, у разных народов и в разных культурах.

К сожалению, наша страна не принимала участия во многих таких проектах, связанных с проблематикой счастья и жизненного благополучия людей, практически не было и своих собственных исследований по этой тематике, в то время как во многих западных странах они уже давно и успешно проводились. Основная причина традиционных замалчиваний или «невнимания» советской науки к определенным проблемам или даже целым направлениям исследований хорошо известна – они не укладывались в четко выстроенную в те годы систему идеологических и пропагандистских установок. И действительно, уже сама постановка вопроса о том, в какой мере счастливы или несчастливы люди в обществе победившего социализма, должна была показаться неправомерной с позиций этих установок, не говоря уже о перспективе получить негативные результаты на основе конкретных, социально-психологических исследований.

Ограниченность эмпирической базы для прямого сопоставительного анализа современных менталитетов наших народов по данному параметру сделала необходимым расширить рамки данного исследования и рассмотреть проблему счастья в аспекте русской культуры в целом в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. Тем самым и общая стратегия такого исследования становится ориентированной уже не на поиски того, что отличает русский народ от других народов и как бы демонстрирует его «инаковость» (это лишь вторая, как бы «побочная», но не определяющая задача), а на выявление того, что является для него особенно характерным, наиболее типичным и глубоко укорененным, а следовательно, и национально-индиви-

дуальным в вопросах счастья. Такая стратегия позволяет увидеть общечеловеческое не столько через призму отдельных различий, сколько через богатство его конкретных национальных форм, возвышающихся до общечеловеческих значений.

Такая постановка вопроса отвечает традициям русской философской мысли, для которой тема «русскости» – это не тема исключительности, особого предназначения или избранности русского народа, а тема его самобытности, исторических корней и духовных оснований развития. В более общем философском плане это проблема соотношения категорий всеобщего и особенного, т. е. национального во всечеловеческом и всечеловеческого в индивидуальных формах национального. Как справедливо подчеркивал в своих работах Н. Бердяев, а еще раньше В. Г. Белинский, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур, как и наоборот. Другого исторического пути их развития нет и быть не может (Бердяев, 1990б, с. 94; Белинский, 1953, с. 45).

Как известно, в российской истории тема национального самосознания и исторической судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований и общественных потрясений, глубоких реформирований и водоворотов. Одна из опасностей таких периодов, не без оснований считал Н. О. Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа и, как бы ни был могуч его национальный характер, и у него «в такие периоды может развиться недоверие к себе и опасная подражательность» (Лосский, 1991, с. 324). Сегодня российское общество вновь переживает тяжелый период своего развития: оно поражено глубоким экономическим и нравственным кризисом; оно на распутье, растеряно. Никто не знает ни точных рецептов, ни четких ориентиров, ни своего будущего, но уже, к сожалению, вместо переосмысления и критического использования своего собственного развития снова перечеркивается и обесценивается многое из того, что было нашим недавним прошлым, определяло наши идеалы, ценности, святыни и стало достоянием духовного опыта и исторических переживаний народа. И будто о нас, обратившихся за национальным спасением к ценностям капиталистического Запада, думал много десятилетий тому назад известный мыслитель и патриот России И. А. Ильин, когда писал из капиталистического зарубежья: «Так не будем же отрекаться от наших сокровищ и не будем искать спасения в механической пустоте „американизма“» (цит. по: Георгиева, 1998, с. 416).

В условиях новых реформ с их четко выраженным поворотом в сторону ценностей западного образа жизни и торгово-рыночных отношений в общественной жизни, когда средствами массовой информации угрожающими темпами идет «вестернизация» отечественной культуры, закономерным представляется интерес многих наших ученых к проблеме российского менталитета, истории русской культуры, традиционным национальным ценностям, многовековому духовно-нравственному опыту народа (см.: Георигиева, 1998; Клибанов, 1994; Лотман, 1994; Ментальность россиян, 1997; Российская ментальность…, 1994; Российский менталитет…, 1996; Россия и Европа, 1992; Русские, 1997).

В русле этого интереса задумана и написана настоящая книга, в которой сделана попытка рассмотреть проблему счастья в контексте и на основе российского менталитета.

Анализируя проблему счастья в ее русско-национальных проявлениях, мы опирались на самые различные источники, использовали не только специальные научные работы и результаты конкретных эмпирических исследований, но и произведения русской художественной литературы и поэзии, включая народное творчество, высказывания наших известных мыслителей, деятелей искусства и литературы.

* * *

Традиционная для русского сознания моральность с ее многосторонними и многотрудными поисками абсолютного добра и духовного смысла во всем, что затрагивает основы бытия и человеческого существования в мире, в полной мере обнаруживает себя и в отношении счастья-несчастья. Однако проблема для нас не просто в наличии этой моральной доминанты, в преобладании духовно-нравственной точки зрения над всеми другими в представлениях и рассуждениях о счастье, а в содержательных характеристиках самой нравственности, в раскрытии ее российской ментальности.

Известно, что нравственная проблематика счастья в различных своих аспектах возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека, стоики и др.). Однако ее дальнейшее развитие, а также возможность огромного влияния на культуру и сознание европейских народов оказались непосредственно связанными с христианским вероучением. «Благословенны плачущие» – один из лейтмотивов Евангелия от Матфея, согласно которому счастье является сверхъестественным даром, заслугой за нравственные добродетели, прежде всего, за терпение и кротость в борьбе с трудностями, за честность и справедливость, за лишения

и страдания в земной жизни. С распространением религиозного сознания в этической проблематике счастья усиливалась тема аскезы, страдания, отказа от искушений и чувственных удовольствий.

Особенно сильным на формирование национального самосознания и характера русского народа, на его культуру, на весь нравственно-духовный облик было влияние православного христианства – и для этого были свои причины, о которых речь пойдет ниже. На протяжении тысячелетней российской истории православная идеология органично переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием народа, и это дает основание говорить многим авторам не просто о русском, а о русско-православном менталитете (В поиске социальной парадигмы…, 1995, с. 65). По крайней мере, не вызывает сомнений огромная роль православия в формировании той системы представлений и чувствований русского народа, которые определили его жизненную философию счастья.

В рамках этой системы представлений о счастье – как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд – важнейшее значение принадлежит мотиву страдания как той структуры сознания, которая несет в себе основной духовный, нравственно-очищающий и искупительный смысл. Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, не как единственная, конечная цель действий, а в соотношении и через призму альтернативных форм – страдания и несчастья. Более того, все возможные радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни как бы отодвигаются на вторые позиции, уступая первенство в этой цепочке понятий несчастью и связанным с ним переживаниям. Именно такая последовательность и соотношение между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и поговорок. Например: «Бояться несчастья – и счастья не видеть», «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», «Кто нужды не ведал, и счастья не знает», «Где горе, там и радость» и др.

Общеизвестно, что народы мира во все исторические времена выражали свои чувства и мысли, мироощущение и надежды через многие и самые разные виды художественного творчества. Для русского народа наиболее традиционной формой такого самовыражения стала песня. Именно русская народная песня, в основе своей печальная и жалобливая, пронизанная «тоскою-кручиною, великой печалию» (Берестов, 1989, с. 188), была мощным источником чувств, важнейшим энергетическим зарядом для творчества практически всех крупных представителей отечественной литературы и по-

эзии. А. С. Пушкин, изучая народные песни и отмечая их огромное влияние на всю свою поэзию, писал: «Вообще несчастие жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание – или жалоба красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене» (*Пушкин А. С.* Мысли на дороге, IV, Черная Грязь).

Позже о том же самом, но в более широком контексте А. Н. Апухтин скажет:

Не могучий дар природы,
Не монахи-мудрецы,
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы…

И как много в этих звуках
Непонятного слилось!
Что за удаль в самих муках,
Сколько в смехе тайных слез!..

Годы идут чередою…
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою,
Той же жалобой полны…

(И будет вечен вольный труд…, 1988, с. 309–310)

В подобной эмоциональной тональности воссоздавали образ родины и многие поколения русских поэтов: он несет на себе печать вековой бедности и страданий народа, его тяжелой исторической доли и больших жизненных испытаний. Для большинства из них это не только и, возможно, даже не столько «разливы рек ее, подобные морям», «лесов безбрежных колыханье», «степей холодное молчанье», «чета белеющих берез» и т. д., но и «дрожащие огни печальных деревень» (М. Ю. Лермонтов), «строения без крыш, разрушенные стены, и та же грязь и вонь, и бедность и тоска» (И. С. Тургенев), «вид угрюмых людей, вид печальной земли» (А. М. Жемчужников), где «беда из века в век… и обижен человек» (К. Бальмонт) и «несчастье шлялось под окнами как нищий на заре» (И. Бабель) и т. д.

В соответствии с этим поэтическим образом родного края, который предстает со страниц отечественной лирики, и в русской прозе, особенно в реалистической литературе XIX в., активно развивается и даже становится преобладающей тема несчастной человеческой судьбы, духовных и физических страданий, тоски и надежды

на лучшую жизнь. И эта тема встречает живейший отклик у самых разных слоев российского общества, оказываясь созвучной общему мироощущению и настроению народа.

В свое время В. Г. Белинский писал о необыкновенной созвучности «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина общему мироощущению российской общественности и что она «сводила с ума всю публику» (Карамзин, 1988, с. 33). Написанная еще в конце XVIII в., эта книга повествовала о несчастной судьбе своих героев и, несмотря на незамысловатость сюжета и простоту изложения, на протяжении двух столетий вызывала неизменный интерес у всех поколений российских читателей.

Следует подчеркнуть, что «печально-страдательная» доминанта в судьбе многих героев русской прозы далека от трагизма шекспировских героев, поднятого до уровня мировых судеб и «кипения» земных страстей, и даже от драмы человеческого существования в произведениях многих европейских авторов. Это несколько другая, со своими «русскими» изломами и перегибами несчастливость и неустроенность личного бытия, неблагополучие «души томящейся и ищущей», одновременно открытой и глубоко ранимой, охваченной мучительными переживаниями «своего бессилия перед необходимостью» (Достоевский), со своей «вековой тоской» (Блок) и «великой печалию», занятой поисками истины и правды, вечно сомневающейся и в то же время доверчивой и ошибающейся.

Другими словами, это не столько трагизм поступков, действия, прямого героического дела, сколько «скрытый трагизм бытия» (Н. Бердяев), «неудовлетворенность всем вообще существующим» (Е. Трубецкой) как временным, относительным и условным, трагизм невписанности в мировую гармонию, в универсальные духовно-нравственные законы жизни; и это скорее трагизм не на уровне рассудка, логики жизни и здравого смысла, а на уровне интуиции, внутренних ощущений и духовных разладов.

Конечно, вековая нищета и бедность «земли русской», о которых так много сказано и написано в отечественной литературе и поэзии, где, по выражению поэта, «жизнь стонет раньше, чем родится, и стоном пролагает путь» (И будет вечен вольный труд…, 1988, с. 300), не является каким-то «Божьим наказанием» или проявлением национальных особенностей русского народа. Никогда в сознании народа и тех, кто был «глашатаем» и «властителем» народных дум, не возникало ни в прошлом, ни в наши дни мысли о том, что Россия – проклятая страна, хотя о том, что несчастная, говорили многие. «Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай на-

брело» – передает это общее незлобивое настроение народа песня на стихи Н. А. Некрасова, в которой не чувствуется никакого упрека или озлобленности за свою несчастливую долю.

Это не вина, а скорее беда и даже, возможно, испытание на прочность духа народа, что в его исторической судьбе проявилась «злая волюшка»: неблагоприятный расклад и совпадение, прежде всего, целого ряда объективных факторов и обстоятельств жизни. Главные из них хорошо известны: многие были выделены и проанализированы еще в работах дореволюционных русских историков и философов (Бердяев, 1990а, 1990б; Лосский, 1991; Соловьев, 1996; Трубецкой, 1994). Однако традиция такого широкого «многофакторного» исследования российской истории оборвалась, к сожалению, в советские годы как идеалистическая и ненаучная, а объяснительные возможности общественных наук, пытавшихся во всем увидеть лишь проявление законов классовой борьбы, взаимоотношений производительных сил и производственных отношений, были, по существу, весьма ограничены. Но эта тема выходит за рамки нашего исследования.

Важным представляется сам факт того, что объективно складывавшиеся для русского народа на протяжении столетий условия существования – исторические, территориально-географические, природные, хозяйственно-экономические и др. – не давали ему никаких оснований для довольства и безбедной жизни, способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли его понимание и восприятие категорий счастья-несчастья. В частности, в свете этого факта становится понятным также и то, почему «земля русская» оказалась благодатной для восприятия и укоренения на ней христианской идеологии, для которой центр тяжести в земном существовании человека представляется смещенным в сторону несчастья и, по образному выражению В. Татаркевича, является скорее «долиной плача», чем «садом радости» (Татаркевич, 1981, с. 238).

Для русского исторического и культурологического сознания эта «долина» начинается со знаменитого плача Ярославны, жены плененного князя Игоря, у крепостных стен древнего города Путивля и через века простирается до другого, не менее впечатляющего по силе выраженной скорби плача нашей великой современницы и поэта А. Ахматовой, вынужденной уже в годы сталинских репрессий выстаивать с передачами очереди со своим «стомиллионным» народом у тюрем и собственными глазами видеть, как «безвинная корчится Русь» («Реквием»).

Следует отметить, что в русском православии акцентируется внимание на духовно-нравственных основаниях этого сдвига, развивается и обогащается христианская идея связи души и страдания: страдание наполняется глубоким духовным смыслом, начинает олицетворять подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности и ее счастья. И если прав Тертуллиан в своем утверждении о том, что человеческая душа по природе своей христианка, то, прежде всего, это справедливо в отношении души русского народа.

На протяжении веков разными путями и в разных формах развивается и укрепляется одна из самых основополагающих для русского сознания формула, которую гениально просто и очень сходно выразили А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

А. С. Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (Пушкин, 1977в, с.169). М. Ю. Лермонтов: «Я жить хочу! хочу печали. Любви и счастию назло» (Лермонтов, 1970, с. 141).

Эта общая формула духовных оснований жизни и человеческого счастья, выстраданная народом на протяжении его тысячелетнего существования и исторического опыта, определила, в свою очередь, глубокую укорененность в российском менталитете житейского правила, о котором говорил И. С. Тургенев: «Хочешь быть счастливым? Научись сперва страдать» (Тургенев, 1986г, с. 171), ибо «не испытав его, нельзя понять и счастье» (Е. А. Баратынский). Не случайно свою любовь к родному, русскому В. Г. Белинский определил как страдальческое чувство (см.: Лосский, 1991, с. 358).

Своего высшего художественного воплощения тема «страдающей души» и связанные с ней идея и убежденность в том, что страдание есть проявление души, а следовательно, и самой жизни, что оно есть «святитель» и ее истинная основа, получили, как известно, в творчестве Ф. М. Достоевского, одного из самых глубоких исследователей «тайн человеческой личности» вообще, «русской души» в особенности.

В системе жизненных ценностей русского народа страданию придается благостный, просветляющий, нравственно-очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяются общая душевная отзывчивость человека, его способность воспринимать не только собственное, но и чужое горе, проявлять сочувствие и сострадание к другим людям, готовность оказать им помощь в трудные минуты жизни. Именно эти чувства сострадания и сочувствия чаще всего выделяются в русском характере, относятся к наиболее выраженным чертам русского национального типа. «Сочувственником»

назвал Н. М. Карамзин своего друга М. И. Кутузова в одном из писем к прославленному военачальнику. Вслед за Н. М. Карамзиным это слово быстро вошло в языковой обиход российской общественности второй половины XIX в. Однако в дальнейшем, не выдержав «давления» со стороны другого, близкого по смыслу, но уже ранее закрепившегося в русской речи слова «товарищ» стало встречаться все реже и практически вышло из употребления. К сожалению, и само слово «товарищ», такое привычное и дорогое для каждого русского человека, тщательно избегается в современной публичной, тем более официальной речи и рассматривается чуть ли не как пережиток нашего недавнего социалистического прошлого. Следует напомнить всем, предпочитающим называть себя сегодня респектабельным словом «господин» и стыдящимся обращения «товарищ», что слово это имеет глубокие русские традиции и российскую ментальность. «Нет ничего выше товарищества», – говорил еще в середине XIX в. Н. В. Гоголь.

Возвращаясь к вопросу о том, что значит для русского человека чувства сострадания и сочувствия, нельзя не упомянуть примечательную речь И. С. Тургенева, с которой уже стареющий и умудренный опытом писатель обратился к московским студентам, выразившим ему глубокое признание и поклонение в связи с его чествованием в 1879 г.: «Я…горжусь и осчастливлен этим сочувствием,… это сочувствие есть высочайшая, единственная награда, после которой уже ничего не остается желать» (Тургенев, 1986а, с. 335).

Обостренное и повышенное внимание к печальным сторонам жизни в сознании и мировосприятии русского народа определили, в свою очередь, и весьма скромные позиции в них счастья и его составляющих. Счастье чаще всего воспринимается как мечта, как идеал: «счастия искали, счастья не нашли» (К. Бальмонт) – или в лучшем случае как отдельные мгновения и быстротечные эпизоды жизни – «радость короткая» (С. Есенин), которые трудно и невозможно удержать. Сознание как бы противится иллюзорности и мимолетности состояний мирского благополучия и переживаний радости: «Счастью не верь – а беды не пугайся», – по житейски мудро и по-доброму наставляет русская народная пословица. Оно словно опасается возможных противоречий и «столкновений» с собственным нравственным чувством, которому эмоционально ближе и интуитивно понятнее как общая «мировая скорбь», так и печаль конкретной человеческой жизни.

В то же время сострадание в русском народе всегда соединялось с сорадованием. Это родные сестры одного большого сочувствующе-

го сердца. «Где горе, там и радость», – гласит русская народная пословица. И глубоко символично, что именно на русской, обделенной земле и в сердце именно русского поэта, впитавшего в себя «вековую скорбь» и неизбывную мечту людей о счастье, родился чарующий образ «рыцаря счастья». Этим поэтом был Н. С. Гумилев, с бескорыстной щедростью сердца готовый каждого сделать счастливым:

Как в этом мире дышится легко!
Скажите мне, кто жизнью недоволен,
Скажите, кто вздыхает глубоко, –
Я каждого счастливым сделать волен…

Пусть он придет! я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово…

(Гумилев, 1990, с. 391).

Не прагматический принцип «На тебе, боже, что нам не гоже» руководит в данном случае желанием поэта, а нечто возвышенное и жертвенное: ценой собственной жизни или, как выражается он сам, – «к барьеру!», – он «волен», должен, нравственно обязан вдохнуть в других сладость жизни и радость победы, воодушевить каждого своей «прекрасной верой».

В гумилевском «Рыцаре счастья» сострадательность русской души раскрывается другой и, казалось бы, неожиданной стороной: готовностью отдать, пожертвовать ради другого самым дорогим и ценным, чем обладаешь, – собственным счастьем, светом любви, радости и добра.

В этом рыцарском порыве – одаривать людей счастьем – Н. Гумилев продолжает духовные традиции своих великих предшественников, прежде всего, А. С. Пушкина. «Милость к падшим призывать» – ставил А. С. Пушкин себе, как известно, в заслугу, считая это делом всей своей жизни и творчества. Именно так – «милость» – в его эпоху называлось действие, дарующее другим счастье, удачу. И как бы перекликаясь с А. С. Пушкиным и Н. С. Гумилевым, о том же самом просто и убедительно скажет уже в советское время поэт М. А. Светлов:

И если не радость и счастье,
То что же мне людям дарить?

(Светлов, 1983, с. 226).

В связи с проблемой нравственных оснований счастья обращает на себя внимание тот факт, что в рамках русского менталитета очень

значимыми и актуальными оказались такие сложные и неоднозначные проблемы, как счастья и вины, морального права быть счастливым. Их суть выразил М. М. Пришвин, когда сказал: «Хотелось бы, чтобы счастье пришло как заслуга». И действительно, почему в жизни нередко случается так, что присутствуют, казалось бы, все внешние атрибуты счастья, достигаются все поставленные цели, реализуются все возможные и невозможные желания, но счастливым человек, увы, не становится? И здесь многое объясняется нравственными максимами и устоями личности, внутренним голосом совести, покаяния и справедливости.

Уже Н. М. Карамзин в своей исторической повести «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» в заостренной форме и на конкретном материале российской истории поставил эту проблему, соединив между собой счастье и вину, которая им порождается. «Благоденствие Новгорода», когда «Россия бедствует – ее земля обагряется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распутиях», – такой упрек городу делается со стороны россиян и он «в сей вине не может оправдаться». «Так, мы счастливы – и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага», – обвиняют сами себя смелые и вольнолюбивые граждане Новгорода, понимая моральную неправомерность своего счастья и процветания (Карамзин, 1988, с. 181).

Подлинных высот своего национального осмысления проблема моральной правомерности счастья достигает у А. С. Пушкина в «Борисе Годунове». И снова рефреном звучит такое привычное для русского сознания утверждение «Счастья нет», но уже в устах самого могущественного на Руси человека – царя.

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе…
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет…
Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто… едина разве совесть.

(Пушкин, 1978, с. 207–208)

В рамках нравственного типа отношения к счастью, который веками формировался в недрах русского сознания и составляет привлека-

тельную, ценную национальную черту нашего народа, ясно просматривается своеобразный механизм нравственно-этического неприятия собственного счастья. Он связан, прежде всего, с чувством внутренней неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что многие другие люди несчастны и страдают, в то время как тебе хорошо и ты счастлив. «Я гляжу на нее, и мне стыдно, что я счастливее ее» – выражает А. П. Чехов это внутреннее душевное состояние человека, когда он видит, сопереживает, но тем не менее реально не может облегчить страдания и боль другого (Чехов, 1985б, с. 309). Его нравственное чувство как бы тяготится собственным благополучием от сознания того, что кому-то в это время или рядом плохо и тяжело. Нередко такая рефлексия нравственного сознания осуществляется бессознательно и возникает парадоксальное и труднообъяснимое состояние, когда ты как бы несчастлив своим счастьем.

На эти проявления нравственного сознания во всей противоречивости и сложности обратил внимание Н. А. Бердяев, занимаясь «самопознанием». Говоря о русских чертах своего мировосприятия, он, с присущим ему мастерством тонкого психолога и глубокого аналитика, не раз возвращался к мысли о том, что «всегда боялся счастливых, радостных минут», что именно в эти минуты «с особенной остротой вспоминал о мучительности жизни» (Бердяев, 1990а, с. 46).

* * *

В представлениях русских людей о счастье не могла не проявиться и еще одна их национальная черта, на которую обратил особое внимание Н. А. Бердяев, а еще раньше выразил А. С. Пушкин, когда что-то «родное» слышалось ему «в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска» (Пушкин, 1977б, с. 309). Имеется в виду крайняя «антиномичность» и «двойственность» русской души, удивительная способность русского характера объединять противоположное и взаимоисключающее, его «устремленность к крайнему и предельному», возможность быть удовлетворенным или самым большим или самым малым. Вот как образно выразил крайности восприятия счастья А. С. Пушкин:

Для счастия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

(Пушкин, 1978, с. 285)

Сам Н. А. Бердяев об этой «очень национально-русской черте» высказался в более общей форме, но также весьма поэтично: это когда «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низос-

тью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством» (Бердяев, 1990б, с. 11).

Правомерность приведенных слов Н. Бердяева убедительно подтверждается творчеством русских классиков и в особенности Ф. М. Достоевского, показавшего полярную раздвоенность России и русского человека. Как пишет Ю. Давыдов, анализируя литературное наследство писателя, два крайних человеческих типа предстают со страниц его произведений, которые олицетворяют два лика России, два образа русского народа. С одной стороны, это был образ закоренелого, нераскаявшегося преступника, такого, например, как Орлов или Газин, превратившего ремесло убийцы и насильника в некое достоинство, возвышающего его над обычными людьми, «человеческой серятиной». С другой – это был образ человека, избравшего жизнь «аскета в миру», посвятившего себя подвижническому служению людям, взывающих к человеческому участию, к своим трагедиям и страданиям. Такими были князь Мышкин и Алеша Карамазов (Культура. Нравственность. Религия…, 1989, с. 50).

Обратной стороной этой очень национальной черты русских является, как подчеркивал Н. Бердяев, отсутствие «среднего», «бессилие» и даже «бездарность» во всем относительном, умеренном, что как раз преобладает в природно-историческом процессе и в реальной жизни, в том числе в вопросах счастья.

И действительно, крайности и предельный разброс мнений характеризуют чаще всего оценки и притязания русских людей на счастье. С одной стороны, многие из них не мыслили себе счастья вне традиционной и сокровенной для православной души идеи всеобъемлющего и абсолютного блага, отвергающей любые компромиссы и соглашения в своем стремлении к всеобщему счастью, страдающей за всех притесненных, бедных, жалких и «принимающей на себя их несчастья» (Тургенев, 1986, с. 211). Проникновенно и на века сказал об этом Радищев: «…и душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

С другой стороны, стремление к счастью во всечеловеческом масштабе и по максимуму не мешало многим из них быть довольными теми малыми благами, которые были в их реальной жизни. Подобно одному из персонажей повести И. С. Тургенева «Муму», мечтающему как о высшем для себя счастье «быть поприветствованным при людях» и почувствовать себя хотя бы раз «в числе человеков», большинство русских людей чаще всего тоже оставались в пределах самых скромных и минимальных земных притязаний – «было бы что поесть и во что одеться». Об этой традиционной русской не-

притязательности, о способности русских довольствоваться малым предельно лаконично сказал уже в советское время поэт М. Светлов:

Хлеба кусок, да снега глоток –
Вот она жизни прелесть.

(Светлов, 1983, с. 53)

К сожалению, на протяжении всей длительной истории жизнь для русского народа объективно складывалась таким образом, что претендовать или рассчитывать на что-то большее, чем «хлеба кусок», чаще всего не приходилось, поэтому даже минимум благ воспринимался благосклонно и с почтением. И если он не был достаточным для выражения восторга и радости, то, по крайней мере, не давал оснований роптать на судьбу и считать себя несчастливым.

* * *

Возникает естественный вопрос: имеются ли в современном российском обществе, точнее, проявляются ли у наших граждан в их отношении к счастью-несчастью в качестве некоторого общего свойства национально выраженные черты и особенности, на которые мы обратили внимание в своем анализе? Или все уравнялось и стерлось под влиянием новых процессов общественной жизни?

Мы полагаем, что для положительного ответа на первый из поставленных выше вопросов у нас все же есть пока некоторые основания. И это не только отдельные наблюдения, свидетельства, высказывания людей и т. д., но и конкретные, хотя и ограниченные научные и эмпирические данные, подтверждающие это общее предположение. Сошлемся на некоторые из них. Так, при внимательном анализе содержания многочисленных интервью с нашими известными и менее известными соотечественниками нельзя не обратить внимания на такой, например, факт, что в отличие от своих зарубежных коллег, особенно американских, многие из них при ответе на традиционный для интервью вопрос «Счастливы ли вы?» стараются смягчить категоричность своего утвердительного ответа и говорят об этом без торжественных интонаций, более приглушенно и даже уклончиво. Как выразился один наш известный публицист, быть счастливым у него «совести не хватает». Поэтому более естественно для него сказать, что он «не несчастный человек» (Кучер, 1990, с. 4). Показательно, что такой же смягченный вариант положительного ответа предпочитали давать и многие испытуемые в процессе нашего исследования.

Помимо отдельных высказываний и жизненных наблюдений, включая и собственный опыт исследовательской работы с испыту-

емыми, имеются и более достоверные в научном отношении данные, которые дают основание говорить о некоторых национальных особенностях восприятия счастья-несчастья в современном российском менталитете.

Как отмечают многие зарубежные исследователи, существует тенденция к преувеличению «счастливых ответов» (Аргайл, 1990, с. 30). С точки зрения западного образа жизни и его менталитета, особенно американского, такая тенденция вполне закономерна и понятна: здесь надо быть счастливым, надо постоянно «чувствовать себя на высоте» и всегда улыбаться. И неважно, как на самом деле обстоят дела и что в это время происходит у тебя внутри. В противном случае можно быстро потерять необходимый кредит доверия и уважения со стороны сослуживцев и знакомых, потерять шансы на успешную карьеру и высокое положение в обществе. «Несчастливцы» вряд ли могут рассчитывать на снисхождение или хотя бы на равное к себе отношение по сравнению с теми, кто более благополучен и у кого все «о'кей». Известно, например, что у работодателя часто не оказывается мест для несчастливцев и в жизни многие стараются их избегать (Татаркевич, 1981, с. 125, 331; Беллестрем, 1999, с. 53). Учитывая эти обстоятельства, некоторые исследователи, особенно американские, нередко даже в ущерб научности, предпочитают не включать в свои опросники пункты, в которых респондентов просили оценить степень их несчастливости.

В отношении российского общества и его граждан подобные опасения не представляются актуальными, а соответствующие вопросы не имеют травмирующего контекста. Такой вывод обоснован следующими соображениями, вытекающими из результатов эмпирических исследований.

Прежде всего, обращает на себя внимание высокий процент неудовлетворенных жизнью людей, который фиксируется социологическими опросами последних лет. По данным ряда таких опросов, в среднем до 75% наших соотечественников в той или иной мере не удовлетворены своей нынешней жизнью и материальным благополучием, живут без надежды, не имеют идеалов, не уверены в завтрашнем дне, испытывают напряжение, раздражение, тоску, страх и другие отрицательные чувства (Джидарьян, Антонова, 1995).

Эти показатели значительно выше тех, которые выявляются в зарубежных опросах и исследованиях. Сошлемся на очень красноречивые результаты одного такого социологического исследования, которые привела О. Здравомыслова в своем выступлении по Российскому радио в передаче «Боритесь за свои права» от 6 марта 1996 г.

Так, наша страна по количеству несчастливых в личной жизни людей оказалась непревзойденным лидером, оставив далеко позади себя Англию, Францию и США. В то время как 42% опрошенных россиян считают себя несчастливыми, среди французов называют себя такими 25%, среди англичан всего 1%, а несчастливых американцев вообще не оказалось.

В этой связи интересно отметить, что по объективным показателям чувствовать себя несчастливыми в личной жизни у россиян отнюдь не больше оснований, чем у тех же англичан, американцев или французов. Известно, например, что не только у нас, но и в большинстве западных стран каждая третья супружеская пара разводится, причем во многих семьях конфликты сопровождаются рукоприкладством (Аргайл, 1990, с. 222). Поэтому вряд ли большинство этих людей действительно счастливы. По данным нашего собственного исследования, средние значения по показателям общей удовлетворенности и счастья также являются недостаточно высокими, значительно уступая тем, которые были получены в аналогичных исследованиях зарубежных авторов (Джидарьян, 1997).

Конечно, высокий процент несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей в нашей стране по сравнению с западными было бы проще всего объяснить объективными факторами: низкий уровень жизни, моральный и духовный кризисы общества и т. д. Влияние объективных факторов на удовлетворенность жизнью действительно является существенным, но далеко не самым главным. Более того, для западных стран с высоким материальным достатком за последние 20–30 лет отмечается ослабление его влияния на уровень счастья. И хотя воздействие материального достатка, по данным ряда зарубежных исследований, часто бывает небольшим, когда учитываются другие факторы, но это влияние может проявляться опосредованно через другие факторы (например, более крепкое здоровье и др.) (Diener, 1984, p. 553). В среднем на долю этого фактора, по данным ряда американских исследований, приходится не более 15% всех различий в субъективном благополучии (ibid., p. 558).

В свою очередь, некоторые кросс-культурные исследования, а также проводимые институтом Гэллапа международные обзоры по разным странам и регионам (как уже отмечалось, наша страна ни в одном из них не представлена) не показывают значимых положительных корреляций между уровнем экономического благосостояния народов этих стран и ощущением счастья (Аргайл, 1990, с. 152). Так, уже в 1976 г. неожиданно для самих исследователей было обнаружено, что латиноамериканцы, живущие на грани ни-

щеты, более счастливы, чем европейцы. В то же время среди европейских стран, входящих в Европейское экономическое сообщество и по экономическим показателям благополучия своих граждан находящихся примерно на одном уровне, имеются существенные различия в субъективных показателях счастья. Выяснилось, например, что более всего удовлетворены своей жизнью бельгийцы, датчане и голландцы, в то время как у французов, итальянцев и немцев уровень удовлетворенности самый низкий.

Поэтому логично предположить, что на показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью людей, живущих в разных странах, существенное влияние оказывают культура и традиции этих народов; в процессе совместного исторического существования и под влиянием других факторов у людей сформировались некоторые общие представления о счастье-несчастье, определенный уровень жизненных запросов, свои особенности в определении точек отсчета, механизмов оценивания и сравнений.

В отношении российских традиций и российского менталитета наиболее важной представляется нам присущая им доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен. В этом восприятии нет никакого осуждающего или унижающего контекста, каких-либо намеков на неполноценность или ущербность личности. Напротив, есть мотив поддержки и настроенности на лучшее: «Где горе, там и радость» (русская пословица).

«Бояться несчастья – счастья не видеть», «Беда вымучит, беда и выучит», «Тебя и накажут, тебя и пожалеют» – в этих нравственно-практических предписаниях русских пословиц обобщен жизненный опыт народа, много пережившего и перестрадавшего за свою тысячелетнюю историю, познавшего вековую нужду и другие тяжелые испытания судьбы и научившегося достойно и по-доброму относиться к несчастью.

Терпимое отношение русского человека к несчастью обуславливало и, в свою очередь, обуславливалось тем главным смыслом, который всегда был преобладающим в представлениях нашего народа о счастье-несчастье и остается, по существу, таким и сегодня. Этот смысл связывается, прежде всего, и главным образом с пониманием несчастья как удара судьбы, как проявление беды, от которой никто не застрахован, поэтому трудно представить, чтобы в русском народе с его менталитетом мог появиться и стать популярным, как среди североамериканцев, афоризм «Если ты умный, то почему бедный?», на который любят сегодня ссылаться и наши обогатившиеся (за счет ли собственного ума?) граждане. Само сло-

во «счастье» в русском языке происходит от корня «часть», т. е. удел, судьба. Соответственно, несчастье – это не удел, не судьба. Однако одновременно просматриваются и некоторые различия между этими понятиями. Так, если достижение счастья все же связывается с определенными усилиями и заслугами самого человека, то в несчастье эта личностная компонента обычно сводится до минимума.

Понятно, что доброжелательно-сочувственная тональность русского сознания к несчастью определила и характерную для русских людей откровенность в отношении к своим бедам и страданиям, которые обычно не скрываются от других. Русским людям свойственна привычка «поведать» о своих несчастьях, рассказать о своем горе или постигшей беде, не сомневаясь при этом, что их поймут, искренне утешат и помогут чем смогут. Этим они отличаются от некоторых других народов, в культуре и традициях которых существует поверье, что говорить о несчастье не следует: можешь привлечь и накликать новую беду.

Мотив сочувствия, как можно судить по самым разным источникам, глубоко укоренен в русском менталитете и в качестве некоторой общей тенденции проявляется и сейчас. Это, в частности, подтверждается и результатами наших конкретных исследований, которые более подробно будут проанализированы в последующих главах книги. Хочется верить и надеяться, что эта привлекательная черта русского народа, издавна присущая ему сочувственность и сердечность в отношениях к людям сохранится за ним и в условиях новой социальной действительности, с ее рыночной жесткостью, бескомпромиссной конкурентностью, правом сильного и богатого.

По нашим наблюдениям и некоторым другим свидетельствам (в том числе и по тому большому числу отрицательных утверждений, которые фиксируют соответствующие опросы) и в современном российском обществе люди не испытывают сколько-нибудь глубоких комплексов, не встречают серьезных внутренних барьеров при ответах на вопросы о своей несчастливости и неудовлетворенности жизнью. В большинстве случаев они отвечают на эти вопросы достаточно открыто и прямо, не прибегая даже к смягчающим формулировкам отрицательных утверждений. В отношении российской ментальности, в том числе и современной, нет сколько-нибудь достаточных оснований говорить о какой-либо тенденции занижать свою несчастливость. Скорее даже, наоборот.

* * *

Выявленная в нашем анализе асимметрия в соотношении счастья–несчастья, которая объективно сложилась в исторической судьбе

русского народа, закономерно ставит вопрос о том, в какой форме и как отразилась она на его характере и особенностях российского мировосприятия. Не сделала ли эта «многострадальность и жертвенность земли русской», о которой говорил Н. А. Бердяев (1990б, с. 34), наш народ менее жизнелюбивым? Не снизила ли общую восприимчивость и способность в полной мере радоваться и наслаждаться жизнью?

Возможность такого влияния на протяжении тысячелетней российской истории, конечно, была, исключать ее у нас нет оснований. Однако определить и обосновать это влияние чрезвычайно сложно. Впрочем, это не столь важно и в данном случае не имеет принципиального значения. Поэтому ограничимся ссылкой на авторитетное замечание Н. А. Бердяева, сделанное им, правда, по другому поводу: «Русские, по его наблюдению, почти не умеют радоваться, совсем почти не знают радости формы» (там же, с. 65). В свою очередь, Бахтин говорил о «слезном видении мира», глубоко укоренившемся в сознании древнерусского общества, которое определило жизненные позиции не только монашества, но и мирян. Способность мгновенно настроиться на плач, на рыдания вообще служила на Руси внешней приметой моральности человека, его благочестия и т. д. Существует даже изречение: «Если русский не плачет, то Бог его забыл».

Более интересной и важной представляется нам другая версия возможного влияния «дефицита» счастья на некоторые особенности русского менталитета, хотя сама она может показаться не совсем традиционной и в чем-то даже неожиданной.

Правомерность и реальность этой версии мы связываем с проявлением общепсихологических механизмов компенсации и возмещения, благодаря которым обеспечивается, как известно, жизнеспособность живых систем, достигается необходимый баланс сил, происходит взаимозаменяемость функций и свойств, возникает возможность уравновешивать недостатки и ограничения в одном преимуществами и достоинствами в другом. Поэтому логично предположить, что веками продолжающийся «недобор» счастья в жизни народа при наличии естественной потребности радоваться «здесь и сейчас» не мог не отразиться на развитии таких качеств и структур психики, которые были способны компенсировать эту недостаточность, могли стать источником положительных эмоций в реальной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, всегда присущих русским людям.

Такими свойствами и структурами психики могли быть, прежде всего, оптимизм и связанные с ним вера и надежда на лучшее будущее. Распространенное в литературе и в обыденном сознании

мнение, что счастливые люди всегда оптимисты или, по крайней мере, более оптимистичны, чем несчастливые, а несчастливые – пессимисты (Wessman, Ricks, 1966), не может служить в данном случае контраргументом, поскольку не подтверждается современными эмпирическими исследованиями.

Например, сравнивая уровни оптимизма людей, живущих в разных странах (Michalos, 1988), с данными по счастью и общей удовлетворенности жизнью, полученными в других кросс-культурных исследованиях, на которые уже приводились ссылки выше, мы получили весьма пеструю и неоднозначную картину. В частности, оказалось, что по числу наименее оптимистически настроенных граждан в числе первых оказались Бельгия, Дания, а также Голландия, т. е. как раз те страны, которые лидируют по числу самых счастливых в Европе людей. В то же время североамериканцы и канадцы, как и жители Южной Америки и Австралии, являются не только наиболее счастливыми, но и наиболее оптимистичными народами в мире. Что же касается большинства стран и народов, то, по данным этих исследований, сколько-нибудь четких зависимостей между показателями оптимизма, с одной стороны, и общей удовлетворенностью жизнью, с другой, нет.

Есть основания полагать, что «недостаток» счастья компенсировался в русском народе его устремленностью в завтрашний день, надеждами и мечтой о благополучном и счастливом будущем, поисками более высоких идеальных оснований бытия, а также стремлением к смыслу жизни, без которого для русского сознания нет счастья. И если правомерно задаться вопросом о том, какой из народов в своей исторической биографии мог больше всего извлечь позитивной энергии из надежды, из своей устремленности в будущее, то таким народом наверняка оказался бы русский.

Вдохновенным гимном вере, этой бесценной способности человека «осветлять» жизнь, стало одно из самых дивных четверостиший А. С. Пушкина:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

(Пушкин, 1977б, с. 239)

Надежда, как известно, была верной спутницей творчества А. С. Пушкина на всем протяжении его жизни, опорой его «неподкупного голоса», ставшего воистину «эхом русского народа» (Пушкин, 1977а, с. 302). И он своей «чувствительной душой» человека и патриота не мог, конечно, не уловить глубинной связи, родственных корней между человеческими несчастьями, невзгодами страны и бедами родного народа, с одной стороны, и его надеждами на лучшую жизнь, с другой. «Несчастью верная сестра» – вот какой поэтический образ находит он для их сравнения в известном стихотворении «Во глубине сибирских руд», стремясь надеждой поддержать друзей в «минуты роковые», вселить в них силой этого чувства «бодрость и веселье» (Пушкин, 1977в, с.7). С юношеских лет поэт твердо верил сам и постоянно призывал друзей не сомневаться в том, что придет «желанная пора», когда над их отечеством взойдет, наконец, «звезда пленительного счастья». Именно эта вера вдохновляла и окрыляла всех патриотов России, кто любил и желал счастье своему народу и отчизне, как об этом проникновенно сказал П. А. Чаадаев: «Будущая Россия, ведь Тебя я только и любил всей душой».

Страной «пророческих предчувствий и ожиданий» называл Россию Н. А. Бердяев (1990б, с. 30), народ которой должен был, как писали русские поэты, сохранять «в сердце радостную веру средь кручины злой» (И будет вечен вольный труд…, 1988, с. 189), «силами мечты воссоздавать и дорисовывать» то, чего он не имеет в жизни (там же, с. 301). Н. В. Гоголю в русской народной песне слышалось «стремление унестись куда-то вместе со звуками, а не привязанность к жизни и ее предметам» (Гоголь, 1986, с. 321). И не случайно образ России как целого явился ему в образе бешено скачущей тройки, которая «мчится, вся вдохновенная Богом».

Е. Н. Трубецкой, размышляя над духовным смыслом древней русской иконописи, уникального вида искусства, справедливо увидел в ней не только выражение «беспредельной» и «бездонной глубины скорби существования», но и ту «великую радость», в которую претворяется скорбь; то и другое в ней нераздельны (Трубецкой, 1994, с. 277). «Но есть в этой иконописи и что-то другое, – заключает Е. Н. Трубецкой свои размышления, – что преисполняет душу бесконечной радостью, – это образ России обновленной, воскресшей и прославленной. Все в ней говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину» (там же, с. 290).

Следует отметить, что чувство оптимизма и тесно связанная с ним потребность смысла жизни, которые на протяжении столетий

удерживались и закладывались в генетическую память народа, помогая в очередной раз выдержать и устоять перед ударами судьбы, выйти обновленным из самых, казалось бы, безнадежных исторических ситуаций, с новой силой и на новой основе проявились в советские годы. С победой Октябрьской революции в стране, как известно, утвердилась коммунистическая идеология, оказавшаяся чрезвычайно созвучной вековым чаяниям и надеждам народа о построении общими усилиями и в обозримой перспективе общества всеобщего счастья и справедливости. Зерно упало на благодатную, давно подготовленную почву. В этом смысле Н. А. Бердяев справедливо говорил о коммунизме как продукте русского национального характера, которому свойственна мессианская идея освобождения человечества и спасения народов от завоевателей и что она не раз находила практическое воплощение в истории России. «Мессианская идея ортодоксального марксизма – освобождение всего человечества от эксплуатации через мировую революцию, – писал он в 1937 г., – это есть не что иное, как модификация русской мессианской идеи» (Бердяев, 1990в, с. 88).

И как бы ни относиться сегодня к коммунистической идеологии, как бы долго и много ни говорить о советских мифологемах, о «великих» иллюзиях прошлых десятилетий и умелом манипулировании общественным сознанием идеологами и руководителями КПСС, нельзя отрицать того бесспорного факта, что на протяжении целой исторической эпохи миллионы людей были воодушевлены этой коммунистической перспективой, проявляли массовый энтузиазм и самоотверженность в борьбе, как они искренне верили, за счастливое будущее своей Родины.

Вдохновенно и без нотки фальши написаны в 1950-е годы следующие строчки М. А. Светлова:

Да! Я принимаю участье
В широких шеренгах бойцов,
Чтоб в новое здание счастья
Вселить наконец-то жильцов.

(Светлов, 1983, с. 161)

Непоколебимый оптимизм и уверенность в правоте своего дела объясняет один из парадоксов советской действительности – почему в условиях отсутствия многих внешних факторов счастья, несмотря на лишения и тяготы повседневной жизни и даже, казалось, наперекор и вопреки им, большинство советских людей тем не менее чувствовали себя вполне счастливыми.

Да, у советских людей не было того материального достатка и уровня жизни, какой был уже в западных странах; да, были определенные ограничения и запреты в плане демократических свобод и прав человека; да, было еще немало такого, с чем трудно сегодня согласиться и безусловно одобрить. Но одновременно не было неуверенности и страха за свое будущее и будущее своих детей, не было разочарованности и безысходности, всеобщей растерянности и ожесточенности перед вседозволенностью и безответственностью власти, какие появились за последние десятилетия.

Напротив, были историческая перспектива, чувство великой Родины и сознание необходимости совместной борьбы и самоотверженного труда за общее благо. Для большинства советских людей это были необходимые составляющие их представлений о счастье. За годы перестройки и экономических реформ высокий смысл этих надличных или, точнее, «сверхличных» ценностей человеческой жизни оказался девальвированным, лишенным прежних значений. О них стало не принято публично высказываться, а если все же говорить, то как-то невнятно, с оговорками и извиняющимися интонациями.

Это более чем странно, поскольку на самом деле речь идет не о каких-то «пережитках социализма», не о чем-то сомнительном, исторически не выверенном, а о ментальных, всегда высоко чтимых в русской среде чувствах и понятиях. «Счастье Родины я ставлю на первый план», – эти гордые слова произнесены отнюдь не передовиком социалистического производства и членом КПСС, а русским генералом-эмигрантом А. И. Деникиным, человеком весьма далеким от идеологии и практики социализма, но имевшим мужество перед лицом смерти заявить немцам, что он служил и служит только России. И эти высокие слова в равной мере могли принадлежать каждому из поколений русских людей, выходцев из разных социальных слоев и эпох, начиная уже с того безвестного автора «Слова о погибели Русской земли», с такой подкупающей нежностью и беспримерностью для средневековой лексики выразившего свои патриотические чувства: «О, светло светлая и украсно украшена земля Русская» (см.: Георгиева, 1998, с. 42).

К сожалению, современное российское общество осталось без идеалов, вдохновляющих и духовно укрепляющих идей, способных придать смысл нашему национальному бытию и историческому существованию в мире. Демократические свободы и права человека, о которых так много говорилось и говорится в последние годы как о важнейших завоеваниях новой власти и проводимого курса реформ, мало чем могут помочь в этом плане. При всем огромном

значении этих прав и свобод в становлении современной мировой цивилизации и гуманистического мышления практика их реализации в нашей стране, к сожалению, очень быстро обернулась многими негативными сторонами, что окончательно лишило их возможности претендовать на роль новой национальной идеологии. Опросы последних лет показывают, что в обществе нет большого энтузиазма и идеализации этих ценностей. Более того, все больше людей (по некоторым данным, не менее половины опрошенных) готовы даже поддержать введение цензуры в СМИ. И вообще наивно полагать, что на пороге третьего тысячелетия традиционные идеи буржуазного общества и западной цивилизации могут приобрести духовный смысл и центрирующий характер для народа, которому исторически только хлеба и зрелищ было всегда мало, а принципы «все продается – все покупается», «подешевле купить, подороже продать» и вовсе глубоко не симпатичными и чуждыми. «Не удавиться ли мне?» – думает Счастливцев, один из персонажей пьесы Островского «Лес», когда он на несколько дней оказывается в состоянии полного материального благополучия и сытости.

К тому же не следует забывать, что буржуазное общество само больно, больно давно и неизлечимо, и это осознали многие наши соотечественники – известные деятели культуры, ученые, представители духовной религиозной мысли и т. д., волею судеб оказавшиеся сразу после Октябрьской революции на Западе. В своих критических статьях, полных тревог и озабоченности за будущее вынужденно покинутой им Родины, они в то же время не обольщались «прелестями» западного образа жизни. «Мы знаем, – писал в 1930-е годы Г. П. Федотов, находясь во Франции, – что западная цивилизация тяжко больна; международные столкновения – лишь один из симптомов общего недуга. И по устранению их остается возможность социальных потрясений, моральных кризисов, духовных бурь. В конце концов, вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа» (Федотов, 1992, с. 315).

Еще более жесткие позиции занимал в этом вопросе Н. А. Бердяев, называя капитализм самой антихристианской системой. В отличие от него, считал ученый, коммунизм по своей социально-экономической сущности может быть вполне согласован с христианским учением, а значит, и с русским православием. Вот почему, справедливо полагал он, «не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма» (Бердяев, 1990в, с. 151).

Конечно, трудно предположить, чтобы в глубоко больном и духовно ослабленном обществе, какой видится сегодня Россия, мог

быть большой процент удовлетворенных жизнью и счастливых людей. По данным разных опросов, этот процент действительно очень небольшой и колеблется от 3% до 15%. Обрести полноту и прочную основу счастья сейчас значительно труднее, чем раньше. Исследования показывают, что на уровне ценностных представлений – и молодежь тут не составляет исключения – советский человек был счастливее, чем россиянин сегодня (Сикевич, 1999, с. 92).

Заметное уменьшение за последние годы числа тех, кто счастлив и удовлетворен жизнью, совсем не означает, что сегодня стало меньше людей, желающих или мечтающих о счастье. Скорее, наоборот. Однако при неизменной и неослабевающей тяге к счастью произошло заметное изменение ценностного пространства счастья в представлениях россиян. Оно значительно сузилось и оказалось сконцентрированным на уровне «Я – моя семья – личные цели».

Ограниченность счастья рамками «Я – личная жизнь», что в принципе вполне естественно и объяснимо с позиций индивидуального сознания, тем не менее не представляется безупречным с позиций общественной нравственности, поскольку таит в себе опасность перерастания в такие формы жизни, когда собственное благополучие и довольство заслоняет все остальное, когда блокируются «души прекрасные порывы «(А. С. Пушкин) и многое из того, что определяет «вертикальную ось» (Н. А. Бердяев) человека, не позволяя строить собственное счастье на несчастии других. Конечно, такая опасность существовала всегда, в том числе и при социализме, но сегодня она стала особенно реальной и ощутимой. Как избежать ее? Как добиться того, чтобы сосредоточенность на личной жизни и личном благополучии не становилась некой ширмой, отгораживающей человека от всего остального мира, от проблем и жизненных затруднений других людей, от благополучия и процветания страны, в которой живешь и в которой родился? Вот главные вопросы, на которые сегодня трудно найти ответы каждому в отдельности, но которые должны быть, по крайней мере, сформулированы и осознаны обществом в числе важнейших и решаться общими усилиями.

К некоторым из поставленных вопросов, связанных с ценностными основаниями и представлениями о счастье в современном российском обществе, мы еще вернемся в следующих главах книги, в которых будут проанализированы материалы соответствующих эмпирических исследований.

Глава 2

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исторически сложилось так, что разработка проблемы счастья в психологической науке началась с негативных его значений или с того, что З. Фрейд называл «нормальным несчастьем повседневности». На протяжении десятилетий в трудах ученых разных психотерапевтических ориентаций начиная с З. Фрейда наблюдался явный «перекос» в сторону рассмотрения и изучения отрицательных эмоций и депрессивных состояний человека, лежащих в основе внутренних конфликтов, неудовлетворенных влечений, противоречий между «желаемым» и «должным», «притязаниями» и «достижениями» и т. д.

На основе многолетних изысканий и эмпирических поисков этому направлению психологической науки удалось достаточно глубоко и всесторонне, хотя и на специфическом материале неврозов, изучить реальную картину человеческих несчастий, душевных конфликтов, разработать и предложить различные способы и специальные методики «выхода» из этих негативных состояний. Напротив, проблема положительных переживаний и позитивных проявлений человеческой психики, радости и счастья человеческой «повседневности» долгое время не была выделена психологами как специальный предмет исследования и конкретно не изучалась.

Подобный дисбаланс в психологических исследованиях счастья и несчастья отражал общую ситуацию, сложившуюся в науке в целом и прежде всего в философии на рубеже прошлых веков, когда в обществе был отмечен резкий рост пессимистических чувств и упаднических настроений. Вообще следует отметить, что научный интерес привлекала то одна, то другая составляющая парной категории счастья–несчастья, поэтому и развитие этих понятий не было параллельным и равномерным от эпохи к эпохе. Так, например, более ранние периоды человеческой истории термина «несчастье»,

по существу, не знали, и он является достоянием и особенностью современных языков. Древнегреческие философы говорили о счастье чаще всего в смысле идеала, а не характеристики жизни, поэтому они использовали слово «счастье», не акцентируя его альтернативного смысла. Как пишет В. Татаркевич, один из самых глубоких исследователей этой проблемы, еще в воззрениях мыслителей XVI в. счастье преобладало над несчастьем, а в XVII в. «чаши весов» уравновесились. В XVIII в. несчастье взяло вверх. «И, собственно, отношение к жизни, свойственное новому времени, – как пишет ученый, – проявилось только в XVIII веке» (120, с. 243).

«Взяв вверх» в XVIII в., тема несчастья со всем многообразием его проявлений в реальной жизни уже не сдает своих ведущих позиций ни в XIX в., ни тем более в первой половине XX в., причем не только в конкретных науках и философии, но и в искусстве, литературе, поэзии и т. д. Весьма примечательным для этой ориентации является следующее высказывание С. Кьеркегора, родоначальника экзистенциализма и философии жизни: «…счастлив тот, кто умер в старости; более счастлив тот, кто умер в молодости, еще счастливее тот, кто совсем не родился» (см.: Гайденко, 1970, с. 11).

Более того, пессимистический мотив, определяемый позицией «изначальной скорби бытия», вечности и исключительности человеческих страданий, становится определяющим началом не только в ряде известных философских учений (А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Э. Гартмана, О. Шпенглера и др.), но получает распространение и в других науках, в том числе и в психологии.

В психологии эта деформация и односторонний подход в изучении человеческих форм жизни в пользу их негативных аспектов начинает исправляться только со второй половины XX в. под влиянием, прежде всего, работ гуманистически ориентированных психологов (А. Маслоу, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Р. Роджерса, В. Франкла и др.).

Развитие гуманистической психологии определило появление в мировой науке новых исследовательских тем и направлений, к числу которых относится и проблема субъективного благополучия личности (Subjective Well-Being). Обращение к этой, первоначально широко сформулированной проблеме, включающей в себя не только понятие счастья (Happiness), удовлетворенности жизнью (Life Satisfaction), но и позитивно окрашенного самочувствия, положительной аффективности, психологического здоровья (Mental-Healt), моральности (Morale) в значении стойкости духа и т. д., было в известной мере «обратной реакцией» на психоаналитическую ориентированность мировой психологической науки, в которой

преобладающее внимание уделялось изучению негативных аспектов психической жизни людей.

Существует прямая связь между исследованиями, посвященными психологии счастья и удовлетворенности жизнью, с одной стороны, и общесоциологической концепцией «качества жизни» (Quality of Life), с другой. Причем ведущее влияние первоначально исходило со стороны качества жизни. Как социологическая концепция была выдвинута и стала активно развиваться в 1960-е годы, прежде всего, учеными США применительно к новому, постындустриальному этапу социально-экономического развития своей страны. В структуре этой концепции важное значение придавалось понятию субъективного благополучия (Subjective Well-Being) личности, которое имело четко выраженный психологический смысл, связанный с понятиями счастья и удовлетворенности жизнью.

Как известно, концепция Quality of Life, которая наряду с другими модными социологическими теориями тех лет, например, общество «всеобщего благоденствия», «изобилия», «массового потребления» и т. д., отражающими новые тенденции развития западных стран, была резко отрицательно воспринята советским обществоведением. Она критиковалась прежде всего по идеологическим мотивам, поскольку, как тогда считалось, была «призвана в конечном счете «доказать» мнимые преимущества буржуазного образа жизни над социалистическим» (Попов, 1996, с. 150).

Вполне понятна и объяснима эта общая негативная позиция наших ученых к данной концепции: в годы коммунистического единомыслия вряд ли можно было ожидать научной объективности и аргументированного анализа каких-либо общественно-политических теорий и моделей, чуждых идеологическим ориентациям марксизма.

В этой связи интересно выделить основания, по которым в 1970-е годы советское обществоведение решительно отмежевалось от термина «качество жизни», взяв на «вооружение» другой термин – «образ жизни». Дело здесь не только и не просто в том факте, что первый из них был, как выразился М. Н. Руткевич, «захватан» буржуазной социологией, имел политико-пропагандистскую окраску, страдал крайней неоднозначностью и т. д., что чаще всего отмечалось в нашей философской и социологической литературе (Руткевич, 1976; Попов, 1977). Совершенно очевидно, что все эти замечания и упреки не с меньшим основанием можно было бы адресовать и к понятию «образ жизни». Более важным представляется нам в данном случае другой аргумент: «образ жизни» имел прочные марксистские корни и в теории исторического материализма был непосредственно

связан с основной для нее категорией способа производства материальных благ. И если в определении «качества жизни» акцентировались индивидуальные аспекты жизни, связанные с личностными ценностями, психологическим самочувствием человека, его субъективными ощущениями жизни и т. д., то в содержании «образа жизни», напротив, доминирующее значение придавалось ценностям общественного бытия, связанным с системой общественных отношений, социально-экономической жизнью людей, со способами их практической деятельности. И в соответствии с этим значением субъектом жизни здесь выступает не столько конкретная эмпирическая личность, сколько более широкие сообщества людей – народ, классы, социальные группы, этнические общности и т. д.

Тем самым марксистская концепция «образа жизни» вряд ли могла стимулировать проведение конкретных психологических исследований, в которых на индивидуальном уровне анализа изучались бы различные проявления субъективного благополучия людей, в том числе ощущения счастья и удовлетворенности жизнью и т. д., как это имело место в русле другой. В этом отношении научный потенциал и продуктивность социологической концепции «качества жизни» оказался в целом выше «образа жизни».

Конечно, в новой социологической формуле «качество жизни» был тоже свой идеологический и политический компонент. Как утверждает американский социолог С. Маккола, словосочетание «качество жизни» впервые использовал в своей речи президент Л. Джонсон в 1964 г. в связи с празднованием 200-летия США и достигнутыми страной успехами во всех сферах жизни (Maccola, 1975, р. 229). Было бы наивно отрицать его пропагандистскую направленность.

Однако сейчас нам представляется важным обратить внимание не на эту возможную идеологическую и пропагандистскую ангажированность данной формулы и понятия, а на содержащуюся в них новую стратегию исследования и оценки социальных процессов, связанную с переориентацией конкретных показателей благополучия людей с внешних показателей на субъективные индикаторы. С позиций социологической концепции качества жизни акцент ставится уже не столько, например, на сам по себе уровень потребления и материального благосостояния граждан, равно как и не на их семейное положение, профессиональную работу, участие в делах сообщества, различных неформальных групп и объединений, проведение досуга и т. д., а на то, как все это воспринимается и оценивается самим индивидом, насколько он при этом чувствует себя психологически ком-

фортно, испытывает чувство удовлетворенности, считает себя счастливым человеком. Можно обладать – и это стало особенно очевидно в условиях постиндустриального развития западных стран – многими внешними атрибутами благополучия и счастья и тем не менее не чувствовать себя соответствующим образом. Поэтому с позиций такой стратегии главным для понятия «качество жизни» выступает не некоторая объективная характеристика, не количественные показатели уровня жизни, а субъективно переживаемые характеристики, индивидуально воспринимаемое или внутреннее «ощущаемое качество» (Perceived Quality) жизни.

Другими словами, в исследованиях качества жизни акцент ставится не только и даже не столько на сам по себе уровень жизни в его внешних количественных проявлениях, а на его преломление относительно оценивающего восприятия и субъективного ощущения самих людей с позиций своего внутреннего благополучия и счастья.

Таким образом, «качество жизни» является, по существу, не обезличенной социальной характеристикой человеческого существования в мире, а мерой психологической вписанности человека в свой социум, мерой их соответствия и адекватности. Выражением этой меры выступает эмоциональное самочувствие и субъективное благополучие человека, чувство его удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью.

Психологическая ориентированность понятия «качества жизни» многим авторам представляется настолько очевидной и существенной, что они даже предпочитают прямо определять его как «внутреннюю удовлетворенность» или «чувство субъективного благополучия» личности (Campbell, Converse, Rodgers, 1976; Rodgers, Converse, 1975). Соответственно и свою задачу они видят в том, чтобы посредством самооценок измерить удовлетворенность жизнью на максимально большой выборке респондентов, раскрыв влияние и долю различных социально-демографических и других, в том числе и личностных факторов, на ее показатели (Campbell, 1981). Поэтому иногда бывает трудно определить, направлена ли та или другая конкретная работа на исследование качества жизни или она посвящена психологии счастья и общей удовлетворенности жизнью. Показателен в этом отношении тот факт, что с 1974 г. стал выходить специальный международный журнал «Social Indicators Research», в котором в равной мере стали публиковаться исследования этого направления, как работы непосредственно по качеству жизни, так и по проблеме счастья и общей удовлетворенности жизнью. И нередко в этих работах счастье определяется как «целостная оценка

качества жизни личности в соответствии с выбранным ею критерием» (Shin, Johnson, 1978, p. 478).

Следует отметить, что социологическая концепция качества жизни не только заострила внимание гуманистически ориентированных психологов на необходимости специального изучения всех личностно-психологических проявлений субъективного благополучия индивида, но и явилась мощным толчком к разработке соответствующего инструментария для их диагностирования и более точного измерения. На основе этих работ в западной науке сформировалось новое направление в изучении психологии личности, нацеленное на выявление и оценку различных аспектов ее оптимального, благополучного и эффективного функционирования в процессе жизни. Центральными для этого направления стали понятия счастья и удовлетворенности жизнью[1], а исходный принцип исследования был обозначен как «avowed happiness» (Wessman, Ricks, 1966). Последний термин правомерно перевести как «признаваемое» счастье или «декларируемое» счастье. Введением этого принципа подчеркивается тот факт, что предметом исследования является счастье конкретного человека, который не только его осознает и субъективно ощущает, но и открыто об этом заявляет, оценивая силу и степень своего чувства. Обозначенный с самого начала принцип «avowed happiness», в свою очередь, определил и соответствующие методы исследования. Важнейшими из них стали различные методики самооценивания, тесты-опросники, специальные психометрические шкалы и т. д.

Как известно, метод самооценивания таит в себе возможность определенных искажений и связан со значительным разбросом субъективных мнений. И это понятно, поскольку слишком разными бывают иногда те критерии и стандарты, которыми руководствуются люди в своих оценках вообще, а с точки зрения счастья-несчастья, удовлетворенности-неудовлетворенности, благополучия-неблагополучия тем более. В то же время для психологического изучения счастья и удовлетворенности жизнью именно эти целостные переживания и их оценки самими субъектами являются основным источником информации для исследователей.

Не случайно, что во многих работах этого направления большое внимание уделяется исследовательскому инструментарию, связан-

1 С 1973 г. «Psychological Abstracts International» стал включать «счастье» в список понятий-указателей (индикаторов), что является свидетельством признания международным сообществом его самостоятельного научного статуса в системе психологического знания.

ному с конструированием особых самооценочных «шкал счастья» (Scale of Happiness) (Kozma, Stones, 1980), с разработкой и использованием специальных методических приемов, способных существенно снизить субъективизм индивидуальных суждений и добиться большей объективности исходных эмпирических данных.

В конкретно-научных и, прежде всего, социологических исследованиях широко используются факторы, которые в отличие от самооценочных суждений имеют объективную основу, поддаются точному количественному замеру и одновременно обнаруживают статистически значимые связи с тем, насколько счастливыми и удовлетворенными чувствуют себя люди. К таким объективным индикаторам благополучия относится широкий спектр социально-экономических и демографических показателей (материальный достаток, социальное положение и профессиональная занятость, работа, возраст, пол, образование, расовая принадлежность, здоровье, досуговые занятия и т. д.), влияние которых на общий уровень удовлетворенности подробно изучено современной социально-психологической наукой. И сегодня акцент ставится не столько на выявлении каких-то новых, ранее не учтенных факторов, способных оказывать воздействие на субъективное благополучие (например, экологическое состояние окружающей среды, степень скученности населения, качественный состав пищи, уровень психических расстройств, число разводов, самоубийств, степень алкоголизации общества и т. д.), сколько на раскрытие особенностей и различных опосредованных форм такого влияния, на выявление структуры межфакторных связей, на обнаружение тех новых зависимостей и закономерностей, которые возникают на фоне общего роста благосостояния и уровня жизни людей в наиболее развитых странах Запада.

Для психологического анализа, ориентированного на индивидуальный уровень восприятия и ощущения счастья, результаты таких социологических исследований имеют в основном косвенное значение, дополняя и уточняя собственные выводы и заключения. К тому же объяснительный потенциал большинства этих внешних факторов не очень высок. В среднем на долю, например, всех демографических влияний, по данным разных исследований, приходится не более 15% расхождений в субъективном благополучии личности (Subjective Well-Being – SWB) (Diener, 1984, p. 558).

С точки зрения «факторного» влияния на уровень удовлетворенности жизнью, наибольший удельный вес приходится на некоторые личностные характеристики. Показательны в этом отношении сравнительные данные, которые приводятся в работе А. Кэмбэлла,

одного из первых и наиболее известных исследователей качества жизни и субъективного благополучия в национальных масштабах США на рубеже 1980-х годов (Campbell, 1981). Согласно его данным, самую высокую корреляцию с общей удовлетворенностью жизнью показывает такой личностный параметр, как удовлетворенность собой или своим Я (0,55). Отметим, что психологи в содержание понятия удовлетворенности собственным Я обычно включают самоуважение и чувство «внутреннего контроля». По сравнению с влиянием этого обобщенного параметра значение всех других факторов на уровень общей удовлетворенности заметно ниже: семейные отношения (0,50), жизненные стандарты (0,48), работа (0,37), жилье (0,30), здоровье и община (0,29), образование (0,26). В ряде собственно психологических исследований на самых разных выборках также была обнаружена высокая степень влияния на общую удовлетворенность жизнью не только самоуважения и самооценки, но и таких личностных характеристик, как интернальность, экстраверсия, нейротизм и др.

К сожалению, отечественная наука не располагает подобными исследованиями, поскольку долгие годы оставалась вне общего русла движения научной мысли в этой области знания, в то время как в западных изданиях, начиная с середины 1960-х годов, ежегодно публиковалось и продолжает публиковаться по нескольку десятков работ, посвященных проблемам счастья, субъективного благополучия и общей удовлетворенности жизнью[1], количество отечественных работ на подобные темы за тот же период не превысит, пожалуй, и одного десятка. В основном это локальные и небольшие социологические исследования, посвященные отдельным сферам жизнедеятельности людей, таким, например, как работа, учеба, семейно-брачные отношения и т. д. Причем удовлетворенность в каждой из этих сфер не соотносилась с удовлетворенностью жизнью в целом.

В советское время проведению конкретно-научных исследований проблем счастья и общей удовлетворенности, как, впрочем, и многих других социально острых проблем обществознания, вряд ли могла способствовать идеологическая ситуация в стране, поскольку в обществе победившего социализма, где «и жизнь хороша, и жить хорошо», уже по определению не должно было быть

1 Так, один из ведущих специалистов в этой области знания, американский психолог Э. Дайнер, в частности, подсчитал, что за период с 1967 по 1983 г. было опубликовано свыше 700 работ по этой проблематике (Diener, 1984, p. 542).

несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей. Однако и сегодня, когда идейно-политические барьеры и соответствующие догмы, казалось бы, устранены, ситуация с научной разработкой проблематики счастья существенно не улучшилась, хотя определенные подвижки, безусловно, произошли. Так, более четко обозначился общественный интерес к самой этой проблеме, появилось понимание ее значимости и актуальности разработки не только для социально-психологических теорий личности, но и для современного гуманитарного знания в целом.

О наличии такого интереса свидетельствуют, прежде всего, социологические опросы, которые широко и регулярно стали проводиться в стране многими недавно созданными службами, центрами, различными институтами по изучению социальных процессов и тенденций развития современного российского общества. Авторы многих таких опросов наряду с другими социально острыми вопросами нашего бытия периодически включают в них и вопросы, связанные со сферой субъективного благополучия и социального самочувствия граждан, фиксируя уровень их удовлетворенности или неудовлетворенности не только отдельными сторонами своей жизни, но и жизнью в целом. Так, например, с 1993 г. Всероссийский центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежегодные мониторинговые исследования населения страны по штрокому кругу острых вопросов, публикуя их в журнале «Социологические исследования».

По результатам всех известных нам публикаций и интерактивных опросов, проведенных за десятилетний период реформ, складывается весьма удручающая картина о социальном самочувствии и настроениях в стране. Причем результаты всех этих опросов, несмотря на некоторые расхождения в формулировках вопросов, практически совпадают. На протяжении последних лет число неудовлетворенных жизнью устойчиво удерживается на уровне 73–75%, в то время как прекрасное настроение отмечают только 3% опрошенных. Общество давно живет в состоянии психического напряжения, неослабевающего раздражения, глобального недоверия, растерянности и во власти других отрицательных чувств. Как правило, нет уверенности в завтрашнем дне, отсутствуют идеалы, люди не чувствуют себя участниками событий, происходящих в стране. Чуть ли не каждый второй россиянин не верит в то, что когда-либо будет жить лучше. Социальное отчаяние в наибольшей степени присуще сегодня людям в возрасте 60 лет и старше, хотя чувства безысходности и пессимизма испытывает и значительная часть лю-

дей более молодого возраста (Мониторинг…, 1998; Бетанели, 1997; Сикевич, 1999).

Все это очень тревожно, поскольку речь идет о состояниях, ведущих к фрустрации и социопатии населения страны. И, к сожалению, проводимые ежегодные мониторинги и опросы не фиксируют пока заметных положительных тенденций и улучшений в морально-психологическом состоянии общества.

Однако социологические замеры психологического самочувствия и социальных ожиданий граждан на каждом конкретном этапе современного развития российского общества при всей их значимости и актуальности не могут заменить специальных научных исследований данной проблематики. Для специалистов важно раскрыть более глубокие основания того или иного состояния общественного сознания, важно выявить его разные формы и внутренние структуры, их личностные и нравственные потенциалы, определить различные взаимосвязи и детерминанты, механизмы формирования и динамику изменений.

Опыт проведения подобных исследований в отечественной науке, как уже отмечалось, весьма невелик. Наибольший интерес, с точки зрения обсуждаемой нами темы, представляет небольшое эмпирическое исследование К. Муздыбаева, в котором сделана попытка соотнести удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и переживание смысла собственного бытия (Муздыбаев, 1981). Результаты исследования дали основание автору сделать общий вывод о том, что средняя удовлетворенность смыслом жизни намного ниже средней удовлетворенности жизнью в целом. Более конкретные результаты были получены им в отношении влияния различных социально-демографических факторов – прежде всего возраста и социального положения – на ощущение счастья и удовлетворенность жизнью рабочими ряда промышленных предприятий г. Ленинграда в конце 1970-х годов.

Для измерения удовлетворенности смыслом жизни К. Муздыбаев первым в нашей стране адаптировал оригинальный тест «Целенаправленности жизни» (Purpose in Live Test, сокращенно – PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика. Тест-опросник из 20 пунктов был разработан этими психологами еще в начале 1960-х годов для эмпирической валидизации логотерапевтической теории В. Франкла с центральным для нее понятием «стремление к смыслу». Тест PIL, который сами его создатели определили как «переживание индивидом онтологической значимости жизни», был вскоре использован многими другими исследователями в разных странах мира,

подтвердившими не только основные положения логотерапевтической теории мотивации В. Франкла, как считает ученый, но и высокую валидность и надежность самой этой методики (Франкл, 1990, с. 26, 28).

Вторая русскоязычная версия теста PIL была несколько позже предложена Д. Леонтьевым с соавт. (Леонтьев, Калашников, Калашникова, 1993). Проведенный ими факторный анализ ранее уже адаптированного Е. Муздыбаевым опросника Дж. Крамбо и Л. Махолика позволил преобразовать последний в «многомерный тест смысложизненных ориентаций» (СЖО). Наряду с общим показателем осмысленности жизни он включает еще пять субшкал, три из которых отражают разные типы собственно смысложизненных ориентаций (1. Цели в жизни; 2. Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность; 3. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией), а две другие характеризуют, по мнению автора, определенные аспекты внутреннего локуса контроля (4. Я – хозяин жизни; 5. Жизнь или управляемость жизнью).

Мы, в свою очередь, продолжили традицию этих конкретных исследований, использовав тест СЖО в сочетании с другими методиками в одном из своих экспериментальных исследований счастья. В отношении методик с самого начала учитывалась их соотнесенность с содержанием тех основных положений общепсихологической теории счастья, которых мы придерживаемся и на которые хотим обратить внимание в дальнейшем анализе.

* * *

Отмеченное уже ранее обилие теоретических подходов и точек зрения на всегда волновавшие людей и все еще остающиеся не решенными вопросы о том, что есть счастье, кто становится счастливым и почему, привело в последнее время к закономерному, хотя и во многом противоположному эффекту. Многие современные исследователи отказались от необходимости связывать себя с огромным зданием теоретических схем и умозаключений, выстроенным учеными прошлых поколений, перестали пытаться дать исчерпывающие ответы на глобально поставленные вопросы счастья, а обратилось к конкретным эмпирическим и экспериментальным исследованиям, способным с достаточно высокой степенью объективности получить фактический материал по отдельным, порой весьма частным аспектам этой большой и сложной проблемы. Именно по такому пути пошла зарубежная психологическая наука с середины 1960-х годов в отношении проблемы счастья и удовлетворенности жизнью, накопив за эти годы большой массив конкретно-научных

данных, не делая каких-либо серьезных заявок на высокую теорию и широкие обобщения.

Однако вопросы теории, как известно, не исчезают сами собой, тем более по воле или желанию отдельных ученых. От них можно отмахнуться, их можно обойти или не принимать во внимание и т. д., но рано или поздно в той или иной форме они обязательно напомнят о себе, особенно в тупиковой или трудной исследовательской ситуации. Этот общий методологический тезис находит свое убедительное подтверждение и в отношении современных разработок проблемы счастья. Сегодня все громче звучит голос ученых о необходимости более тесной связи теории и конкретных эмпирических исследований в этой области знания (Diener, 1984; Diener, Brief, Butcher, George & Link, 1993), о более широком теоретическом осмыслении всего комплекса эмпирических фактов для выявления новых точек роста и определения путей дальнейшего развития научных представлений о счастье, о его субъекте и закономерностях формирования. Причем предпринимаются и реальные шаги в этом направлении (Diener, Brief, Butcher, George & Link, 1993).

При конкретно-научном, психологическом исследовании счастья и общей удовлетворенности жизнью надо иметь в виду, на наш взгляд, два основных теоретико-методологических положения. Во-первых, счастье, как и удовлетворенность жизнью, является оценочной категорией, мнением самих субъектов о своих переживаниях и восприятии жизни с точки зрения внутренних критериев и эталонов, независимо от того, что об этом думают другие люди и насколько эти эталоны соответствуют или не соответствуют общепринятым взглядам и стандартам. Психологическая реальность счастья предполагает, что индивид знает о нем, чувствует его и не сомневается в нем. Именно эти субъективные оценочные мнения, индивидуально-личностные самоощущения респондентов являются основным источником информации не только для современных социально-психологических представлений о счастье, но и для дальнейших более широких философских обобщений и выводов. Как справедливо отмечает в этой связи известный английский психолог М. Аргайл, если люди утверждают, что они счастливы, даже если живут в глинобитных хижинах и на сваях или, напротив, испытывают депрессию и неудовлетворенность при внешних признаках благополучия, значит, дело обстоит именно так независимо от того, что мы думаем по этому поводу (Аргайл, 1990, с. 11, 28).

Во-вторых, счастье и в особенности чувство общей удовлетворенности являются характеристиками не просто личности, а личности

как субъекта жизни, поскольку приобретают свой истинный смысл только в соотношении с масштабом целостной человеческой жизни – в единстве не только ее прошлого и настоящего, но и будущего. Без будущего и устремленности к нему, у человека нет и не может быть полноценного счастья. В осознании счастья проявляется качественная оценка и переживание индивидом своего бытия как особой целостности, как неповторимой судьбы в категориях благополучия–неблагополучия, довольства–недовольства, радости–страдания и др.

С точки зрения своих субъектных характеристик счастливая жизнь не является каким-то даром судьбы, неким заранее узнаваемым качеством, привносимым со стороны, а есть процесс воспроизводства и выстраивания жизни самим индивидом по меркам и стандартам своего ценностного сознания. В этом смысле каждый человек, согласно французской пословице, – кузнец своего счастья, умело использующий благоприятные обстоятельства внешней и внутренней жизни для полноты и радости своего бытия. Субъектные характеристики выражают важнейшее качество счастливой жизни, являясь показателем того, что в процессе реальных событий и практических дел преодолеваются личностные противоречия, решаются жизненные проблемы, осуществляются планы и надежды на будущее и удается, что очень важно, определиться в главном деле своей жизни.

Приведенные определения и характеристики счастья находятся, на наш взгляд, в русле намеченного С. Л. Рубинштейном в книге «Человек и мир» онтологического плана исследования проблемы бытия субъекта, которое предполагает раскрытие и определение «способа существования человека в мире» (Рубинштейн, 1973, с. 340). Счастье, как и удовлетворенность жизнью, в своем широком философско-онтологическом контексте и является, по нашему мнению, способом субъективного бытия человека, в котором выражаются его наиболее индивидуализированные, интимно-личностные и одновременно целостные формы осознания себя и своего существования в мире с точки зрения реализации личностных смыслов и жизненных устремлений, соотношений действительности и идеала, ценностных приобретений и понесенных потерь, надежд и разочарований.

В отличие от широкого философско-мировоззренческого подхода конкретно-научное понимание и анализ счастья связаны с выделением его собственно психологических характеристик, с раскрытием внутренней структуры, составляющих компонентов с их тончайшими переплетениями и различными композициями. Существенное

значение приобретают при таком анализе содержательные аспекты счастья и его личностная типология.

С обозначенных выше исходных теоретических позиций счастье рассматривается нами как качественно негомогенное образование личности, как сложная когнитивно-эмоциональная структура, связанная с осознанием полноты и реализованности индивидуального бытия и заложенных в каждом индивиде потенций, переживанием достигнутых в жизни гармонии и совершенства. Многие психологи, особенно когнитивистских ориентаций, подчеркивают главенствующую и доминирующую роль в этой структуре оценочных, познавательных процессов, выражающих мнения и суждения людей о своем счастье и удовлетворенности жизнью (Diener, Brief, Butcher, George, Link, 1985).

В известном смысле эти ученые правы, поскольку трудно не согласиться с мнением о том, что человек страдает не столько от того, что происходит, сколько от того, как он оценивает происходящее (Монтень, 1992, с. 72). Однако более правомерно, на наш взгляд, говорить не столько о большей или меньшей значимости когнитивных и эмоциональных компонентов в психологической структуре счастья, сколько о специфической «роли», которую каждый из них выполняют в этой структуре. Мы попытались выразить эти функционально-содержательные различия, условно использовав для их обозначения понятия «ядра» и «фона».

Важнейшей особенностью фона является его двойная эмоциональная обусловленность, соотнесенность в нем в виде общего балансового итога положительных и отрицательных чувств и переживаний личности. Это положение, в свою очередь, дало нам основание выдвинуть гипотезу о двухмодальном строении счастья и общей удовлетворенности жизнью. Многие аспекты этой гипотезы имеют не только теоретическое, но и эмпирическое подтверждение. Сошлемся на некоторые из них.

Так, в одном из исследований субъективного благополучия личности, проведенном еще в 1960-е годы Н. М. Брадберном и сразу же обратившем на себя внимание специалистов неожиданностью полученных результатов, было показано, что шкалы негативных и позитивных аффектов, по существу, не коррелируют друг с другом, хотя каждая из них показывает независимые и возрастающие корреляции со шкалой общего благополучия (Bradburn, Caplovita, 1965). Положительные и отрицательные эмоции не только показывали независимые и возрастающие корреляции со шкалой общего благополучия, но и по-разному коррелировали с другими внешни-

ми переменными. Например, в отношении «социабельности» были обнаружены связи с позитивными эмоциями и не обнаружены с негативными. Вслед за первой работой Н. М. Брадберна с ее необычной эмпирической находкой последовала целая серия исследований других авторов, во многих из них была выявлена сходная независимость положительных и отрицательных чувств. Причем это имело место как в случаях использования той же самой балансовой шкалы аффекта Н. Брадберна (Affect Balance Scale – ABS), так и при применении других методических процедур (Beiser, 1974; Moriwaki, 1974). В ряду интересных эмпирических зависимостей, важных для нашего анализа, в них был установлен такой, например, факт, что люди, часто испытывающие состояние счастья, не менее часто чувствуют себя и достаточно несчастными (Diener, Larsen, Levine, Emmons, 1985). Было также показано, что в основе противоположных по знаку эмоций лежат разные факторы и они имеют разные личностные и внеличностные источники.

Основываясь на результатах этих исследований, проведенных позднее как самим Н. М. Брадберном совместно с сотрудниками, так и независимо от него другими авторами, можно составить широкий список относительно независимых источников формирования позитивных и негативных чувств, включающих личностные и неличностные факторы. К факторам, влияющим на положительные чувства, относятся экстравертность, образование, занятость, включенность в социальные связи, положительные события в жизни, досуг, приносящий удовлетворенность. Факторами, преимущественно связанными с негативными эмоциями, являются: невротизм, низкий социальный статус, принадлежность к женскому полу, слабое здоровье, низкая самооценка, стрессовые жизненные ситуации.

С точки зрения развиваемой нами гипотезы о двухмодальности счастья наряду с «феноменом Н. М. Брадберна» интерес представляет и двухфакторная или мотивационно-гигиеническая теория удовлетворенности трудом Ф. Херцберга. Эта теория появилась примерно в те же 1960-е годы и также сразу привлекла к себе внимание специалистов нетрадиционностью высказанных автором идей и положений. По материалам своих эмпирических исследований ученый приходит к выводу о необходимости различения двух групп факторов удовлетворенности трудом. В первой группе факторов, названных им мотиваторами, определились такие параметры, как наличие интереса к работе, возможности профессионального роста и достижений, признание и др. Вторая группа, обозначенная как гигиенические факторы, включает условия, оплату, безопасность труда и т. д.

Исследование показало, что наличие первой группы факторов ведет к увеличению удовлетворенности, но их отсутствие, однако, не приводит к неудовлетворенности. Что касается факторов второй группы, то в случае их ущербности возникает неудовлетворенность трудом, хотя их оптимальное состояние не способно увеличить чувство удовлетворенности (Herzberg, 1966).

Приведенные данные о разных соотношениях эмоциональных модальностей личности, определяющих чувства удовлетворенности и счастья, дают основание говорить, в свою очередь, о том, что понятия «счастье» и «несчастье», вопреки сложившемуся стереотипу, не взаимоисключают друг друга, а способны сосуществовать в едином субъективном пространстве личности и по ряду оснований проявляют относительную независимость друг от друга.

Правомерность такого предположения теоретически была высказана уже сто лет тому назад Т. Рибо. Он писал: «Мы говорим, что страдание противоположно удовольствию; это просто способ выражаться, – они не противоположны, они просто различны» (Рибо, 1906, с. 51).

Положение о двухмодальной психологической структуре счастья и общей удовлетворенности жизнью имеет своим более общим методологическим основанием идею непрерывности и континуальности психического, в соответствии с которой счастье-несчастье, удовлетворенность-неудовлетворенность предстают не как четко разделенные, полярные образования, а как два сопряженных и пересекающихся между собой сегмента единого пространства человеческой субъективности.

В соответствии с этой общей идеей несчастье не является просто антисчастьем, как и счастье не есть антитеза несчастья. Другими словами, счастье–несчастье, удовлетворенность–неудовлетворенность не являются лишь антиподами, простой альтернативой друг другу, когда каждая из сторон лишь отражает другую с точностью «до наоборот». Напротив, у них есть своя качественная определенность и внутренняя психологическая целостность, не сводимая лишь к противоположному знаку эмоциональности, поэтому отсутствие у человека негативных эмоций или страданий еще не означает, что он находится в счастливом состоянии и испытывает радостные чувства, как и наоборот.

Эмпирически этот общий тезис находит свое подтверждение в том, что соответствующие эмоционально-счастливые или эмоционально-несчастливые состояния личности имеют разные источники формирования, выполняют разные функции и обладают

разными механизмами обратного воздействия на личность и ее активность. Вопреки пословице «Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось» в особых ситуациях жизни человек способен испытать и «сладкую печаль» и «счастье со слезами на глазах». И это не хаотическое смешение чувств, а особые формы их упорядоченности и проявлений эмоциональной целостности человеческой жизни. Как справедливо писал У. Макдауголл, существует «необычное сплетение грусти и веселья» и нередко для человека «мрачные минуты его неудач осветляются лучами надежды, а моменты триумфа и торжества омрачаются сознанием тщетности человеческих стремлений» (Макдауголл, 1984, с. 104–105).

Этим необычным состояниям человеческой души, когда «глубокая радость заключает в себе больше суровости, чем веселья, а крайнее и полное удовлетворение – больше успокоения, чем удовольствия», – удивлялся гораздо раньше М. Монтень. Он писал: «Тяготы и удовольствия – вещи крайне различные по природе – каким-то образом соединяются природными узами» (Монтень, 1992, с. 380).

Очевидно одно: во всех подобных переживаниях противоположные чувства и эмоции не разрушают и не «гасят» друг друга вопреки всем физическим законам, а своим необычным сочетанием выражают состояния высокого душевного накала и высших форм эмоционального самовыражения и самосознания личности. Когда А. С. Пушкин в одном из своих стихотворений восклицает: «О, как мучительно тобою счастлив я» или говорит: «Мне грустно и легко, печаль моя светла» речь идет не об обычных переживаниях счастья или печали, а о более усложненных и напряженных формах духовности, способных передать и «изначальную скорбь», и непреложную радость бытия одновременно.

В православии есть понятие «скорбящая радость», в содержании которого заключена, если воспользоваться выражением Е. Н. Трубецкого, «одна из замечательных тайн духовной жизни». Эту тайну можно понять, обратившись к его знаменитым этюдам по русской иконописи. Восхищаясь мастерством русских иконописцев XV в., он пишет о том, что для такого изображения духовного страдания, как на их иконах, недостаточно было только пережить это страдание, а «нужно над ним подняться». «Но главное и основное в иконе XV века, – продолжает он свои размышления дальше, – не эта глубина страдания, а та радость, в которую претворяется скорбь; то и другое в ней нераздельно: в ней чувствуется состояние духа народа, который умер и воскрес» (Трубецкой, 1994, с. 277).

Важно также подчеркнуть, что определенная асимметрия – не только количественная, но и качественная – обнаруживается при рассмотрении счастья-несчастья с позиций принципа индивидуальности.

Давно и хорошо известна большая избирательность людей в отношении того, что может доставить им радость или огорчение, что усиливает или, напротив, уменьшает их чувство счастья, равно как и несчастья. Эта индивидуальная специфичность определяется не только личностными особенностями человека, но и теми многообразными событиями жизни, которые нередко происходят случайно, имеют неповторимый след, «спутывая все карты» жизни, образуя неожиданные повороты и зигзаги его неповторимой индивидуальной судьбы.

Хотя каждый человек не только несчастлив, но и счастлив по-своему, тем не менее, формы проявления и степень выраженности этой индивидуальной неповторимости у них разные. Так, уже давно замечено, что гамма удовольствий в человеческой жизни не так богата и разнообразна, как гамма страданий. Об этом авторитетно писали В. Вундт и другие профессиональные психологи. В свою очередь, В. Франкл, ссылаясь на одного русского психолога-экспериментатора, утверждает, что в среднем нормальный человек ежедневно переживает несравненно больше отрицательных эмоций (неудовольствия), чем положительных (удовольствия) (Франкл, 1990, с. 167–168).

Этот эмпирически наблюдаемый факт получил свое убедительное отражение и в творчестве многих известных писателей и поэтов, не хуже специалистов разбирающихся в тонкостях человеческой психики и одновременно умеющих выразить их живым языком искусства. У Н. С. Гумилева есть в связи с этой особенностью переживания человеческих чувств и счастья прекрасный поэтический образ:

У муки столько струн на лютне,
У счастья нету ни одной.

(Гумилев, 1990, с. 215)

Не нами и не сегодня замечено, что в описании счастья и радости, земного рая и состояния высшего блаженства мастера слова всегда оказывались менее выразительными и изобретательными, чем при описании трагедий, ужасов, несчастий, горя и т. д. Так, «Рай» Данте в его «Божественной комедии», по всеобщему признанию, заметно уступает «Аду»; «Возвращенный рай» Дж. Мильтона его «По-

терянному раю», а вторая часть «Фауста» Гете читается с меньшим интересом, чем первая и т. д.

«О счастье можно говорить минуты пять, не больше, – говорит героиня романа Э. М. Ремарка „Тени в раю“ Наташа. – Тут ничего не скажешь, кроме того, что ты счастлива. А о несчастье люди рассказывают ночи напролет». Соглашаясь с нею, ее собеседник Роберт Росс, от имени которого идет повествование, вносит важное добавление: «Но кроме того, счастье нагоняет скуку, а несчастье – нет» (Ремарк, 1971, с. 94).

И действительно, писатели обычно заканчивают или обрывают свой рассказ, повесть, роман, как только дело доходит до счастья. «И стали жить, поживать и добра наживать» – именно такой общей фразой заканчиваются обычно и многие русские сказки, счастливому концу которых предшествуют обычно многочисленные перипетии и беды в жизни сказочных героев. Весьма категоричную позицию в вопросе индивидуальной неповторимости несчастья по сравнении со счастьем занимал Л. Н. Толстой, выразив ее своей знаменитой фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Этими словами, как известно, начинается его роман «Анна Каренина», все содержание которого сконцентрировано, по существу, на коллизиях семейной жизни героев.

Житейские наблюдения, как и результаты эмпирических и экспериментальных исследований, показывают, что несчастье и неудовлетворенность жизнью более индивидуализированны, психологическая и предметная дифференцированность у них выражены глубже, а связи со всеми мотивационными и другими структурами личности выступают значительно четче, чем у счастья. В экспериментах по интеллекту показано, в частности, что люди, склонные к депрессивным переживаниям, с явным преобладанием отрицательных эмоций тяготеют к оперированию конкретными образами, к наглядно-образному мышлению, в то время как у более жизнерадостных и оптимистичных индивидов преобладает, напротив, вербальное, словесно-логическое мышление (Кепалайте, 1982).

Эту разную дифференцированность счастья и несчастья тонко улавливает и передает наш язык, легко допуская, например, использование множественного число для несчастья и упорно «сопротивляясь» множественности счастья. «Книга о счастье и несчастьях» – так в соответствии с чувством и нормой русского языка назвал автобиографическое описание событий своей жизни академик Н. М. Амосов.

Он пишет: «Есть у меня дневник. Не так чтобы регулярно, а отдельные дни записаны. Большей частью несчастные».

Вспомним в этой связи и броское, запоминающееся выражение «22 несчастья». В пьесе «Вишневый сад» А. П. Чехов дает такое прозвище одному из героев, поскольку каждый день с конторщиком С. П. Епиходовым случаются всякие несчастья, о которых он сам охотно и с увлечением рассказывает.

Множественность несчастья имеет и свою мифологическую объяснительную версию, связанную с пресловутым «ящиком Пандоры». Согласно одному из греческих мифов, по указанию верховного бога Зевса была создана и послана на землю женщина по имени Пандора. Боги снабдили ее ларцом, в котором были спрятаны все будущие человеческие несчастья. Так они решили отомстить людям, которые стали счастливыми благодаря похищенному Прометеем у богов огню. Когда Пандора открыла ларец, из него вылезли и расползлись по земле болезни, пороки, бедствия, соблазны и т. д. Только надежда, согласно мифу, осталась на дне ларца, так как Пандора захлопнула перед ней крышку.

Заметим, что в отличие от несчастья в мифологических сюжетах, не раскрывается множественность счастья.

Итак, рассмотренные нами некоторые особенности счастья и несчастья, связанные с эмоциональным фоном их психологической структуры, свидетельствуют о том, что, несмотря на отрицательную парность, они не исключают и не выступают полной противоположностью друг другу. Частичка «не» в данном случае создает лишь иллюзию их полной антиподности и зеркальной асимметричности присущих им качеств и свойств. Наряду с некоторыми общими, но разнонаправленными характеристиками каждая из сторон данной оппозиции имеет одновременно и свою качественную определенность, свои приоритеты, свои функциональные особенности в жизнедеятельности личности. В известном смысле переживание несчастья оказывается для личности не менее значимым, а объективно, возможно, и более неизбежным, чем чувство счастья и удовлетворенности, хотя проявляется это по разным основаниям и не в одинаковой пропорции. «И то, что мы называем счастьем, и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, – писал Л. Н. Толстой, – если мы смотрим и на то и на другое, как на испытание» (Толстой, 1996). По своему конечному итогу в самосознании личности они даже как бы уравниваются, поскольку в равной мере олицетворяют для нее события прожитой жизни со своими горькими и радостными страницами, которые из нее уже не вырвешь.

Это целостное восприятие жизни через призму пережитых в ней состояний счастья и несчастья, ставших частью собственной судьбы и сознания своего Я, передает И. А. Бунин в одном из своих стихотворений:

…Горько думать, что пройдет
Жизнь без горя и без счастья
В суете дневных забот…

(Бунин, 1986, с. 24–25)

В отличие от эмоционально насыщенного фона рефлективное «ядро» психологической структуры счастья составляют все те когнитивные образования, к которым относятся различные процессы и механизмы оценивания, сравнения, осмысления и т. д., включая и сами содержательные критерии и стандарты жизни, на основании которых происходит это оценивание. Важно еще раз подчеркнуть, что шкалы отсчета и критерии счастья, хотя и формируются под влиянием социума, но каждый определяет их для себя сам, сопоставляя реальную жизнь с желанной, в соответствии со своими представлениями, идеалами и социальными притязаниями. Убедить человека в том, что он счастлив, если он сам не выстрадал и не осознал этого чувства, вряд ли возможно.

Жизненный опыт подсказывает, что счастье обманчиво и поверить в его реальность бывает обычно труднее, чем в несчастье. Его трудно предугадать и совсем невозможно заранее вычислить. В счастье надо и важно верить, тем более тщательно оберегать и дорожить этим ценным внутренним состоянием, если оно уже у тебя есть.

Обманчивость и хрупкость счастья связаны во многом с тем, что осознание себя счастливым происходит не только на основе сопоставления своей наличной реальности с оптимально возможной и желаемой, но и с тем, что есть у других. Причем сравнение с другими всегда опосредовано существующими в обществе стереотипами. Ломка стереотипов, переоценка ценностей могут привести к изменению чувства удовлетворенности и счастья, даже если их объективные основания остались прежними.

Очевидно, что индивидуальные критерии и стандарты жизни могут совпадать и, как правило, совпадают с теми, которые приняты в данном обществе или культуре, но могут и не совпадать и даже существенно расходиться с ними, в том числе и с теми, которые представляются кому-то важными и правильными.

При рассмотрении когнитивно-познавательных структур индивидуального счастья сразу же возникают вопросы содержательного

плана: какие критерии жизни определяют счастье данной личности, какие ценностно-смысловые образования и идеалы доминируют в ее структуре?

Однако проблема ценностных оснований счастья – отдельная и большая тема, предмет самостоятельного исследования. Различным аспектам этой проблемы и результатам соответствующего эмпирического исследования посвящена специальная глава книги.

Наконец, необходимо обозначить еще одну группу вопросов, которая представляется нам существенной в плане общетеоретического анализа и определения перспектив дальнейших эмпирических исследований. Это вопросы связи личностной удовлетворенности и счастья с другими структурами и свойствами личности и их влияния на многие процессы жизни, включая жизненную активность и формы ее поведенческого проявления и т. д.

При рассмотрении этих вопросов мы придерживаемся той точки зрения, что счастье и удовлетворенность жизнью – это не только эмоционально выраженные состояния личности, связанные с ее текущими настроениями, конкретными событиями и их переживаниями. Одновременно это и достаточно устойчивые структуры личности, целостные характеристики ее сознания и бытия, способные определять особенности отношения субъекта к окружающему миру, формы поведения и организацию индивидуальной жизни.

В целом ряде исследований зарубежных авторов, как уже отмечалось, была выявлена связь общей удовлетворенности и счастья с отдельными личностными параметрами – самоуважением, экстраверсией, чувством «внутреннего контроля», способностью организовывать и планировать личностное время и др.

Однако в рамках личностной проблематики счастья представляется важным установление не только этих, но и более широких зависимостей, связанных с некоторыми глобальными и целостными структурами личности: система индивидуальных потребностей, способы самоосуществления, общий стиль жизни, стратегии и формы поведения в различных жизненных ситуациях. Исследовательские возможности решения такого уровня задач включают, конечно, значительные трудности методологического и методического порядка, поэтому сделано в мировой науке в этом направлении пока слишком мало. Однако проведение таких исследований может прояснить многие неясные и спорные вопросы, связанные с психологической реальностью счастья и общей удовлетворенностью жизнью, с их функциональными характеристиками и той ролью, которую они могут играть и действительно играют в процессе жизни.

Перспективный подход к решению поставленных задач представлен, на наш взгляд, в концепции семантического интеграла личности, которая развивается в работах К. А. Абульхановой-Славской (1991). В этой концепции удовлетворенность соотносится не только с мотивационной-потребностной сферой (притязания) личности, что является традиционным для психологических и социологических представлений, но и с саморегуляцией (процесс и способ осуществления деятельности), что обычно не учитывается многими авторами. Самое важное в этой концепции состоит, по нашему мнению, в том, что удовлетворенность включается в структуру активности как выражение субъективного, психологического результата (эффективности), как проявление механизма обратной связи между разными составляющими и этапами жизненной активности. Эта идея «обратной связи» легла в основу нашего экспериментального исследования проблемы удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью в ее соотношении с личностной активностью человека в процессе совладающего поведения (Coping behavior), результатам которого будет посвящена последняя глава книги.

Глава 3

СЧАСТЬЕ
И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Привычное деление людей на счастливых и несчастливых, хотя и является наиболее простым и традиционным, но одновременно оно является и слишком общим, не отражающим всего разнообразия людей по этому основанию. «Счастливый» – это очень краткое определение, без нюансов и оттенков. Дело в том, что сами счастливые и несчастливые заметно отличаются не только друг от друга, но и внутри себя. Причем эти различия определяются не только интенсивностью переживаний и мерой выраженности соответствующих чувств, но и некоторыми личностными характеристиками. Чтобы не утонуть в многообразии индивидуальных проявлений человеческой психики, а попытаться как-то это многообразие обобщить и сделать предметом научного анализа, в современной психологической науке разработан и успешно применяется к изучении личности индивидуально-типологический подход (Абульханова-Славская, 1983). В нашем исследовании реализация этого подхода предполагала выявление типологической неоднородности и качественных особенностей счастья по некоторым личностным основаниям, учитывающим, прежде всего, мотивационно-ценностные ориентации и формы проявления внутренней активности в процессе жизни.

Как уже отмечалось, вопрос о типологических характеристиках счастья и особенностях его проявления на уровне индивидуального сознании не имеет современных конкретно-научных разработок (во всяком случае нам они не известны), основанных на эмпирических и экспериментальных данных. Поэтому в своем исследовании мы опирались в основном на традиции теоретического анализа данной проблемы в истории науки. Традиции эти были заложены еще древнегреческими философами, в учении которых обозначилось, по меньшей мере, два понимания счастья, в соответствии с ко-

торыми определяются и наиболее общие типологические различия счастливых людей. Одно из них получило название эвдемонизма (eydaimonia), а другое гедонизма (hedone).

Сама идея счастья-эвдемонии как высшего духовного блага приписывается Эвдему Родосскому (IV в. до н. э.) (Философская энциклопедия, 1970, с. 530), хотя наиболее полно она была разработана Аристотелем в его оригинальной этической концепции, изложенной в «Никомаховой этике».

По своему содержанию древнегреческий термин εὐδαιμονία[1], который широко использовался античными мыслителями, означает блаженство или высшее благо. Это есть выражение идеала, к которому надо стремиться. В соответствии с этим значением смысл счастья связывается не с субъективными переживаниями и с эмоциями радости, восторга, удовольствия и т. д., а с приближением к идеалу, с «идеальными ориентирами». Аристотель предпочитает в этой связи говорить о высших дианоэтических добродетелях и достоинствах, которые порождаются созерцательной деятельностью разума. Обладание ими и есть счастье. «Счастливая жизнь – это жизнь по добродетели, а такая жизнь сопряжена с добропорядочным усердием и состоит не в развлечениях» (Аристотель, 1983, с. 280). Счастье как состояние блаженства и высшего совершенства предполагает стремление человека соответствовать своему предназначению или даймону, что выражает его «подлинное Я» (Kraut, 1979). Свое «подлинное Я» каждый обретает путем развития всех тех потенций, которые заложены не только в общей природе человеческого рода, но уникально представлены и в отдельной личности. Таким образом, eydaimonia для Аристотеля означает не только общий принцип мировосприятия, но и идею самосовершенствования личности, реализацию человеком себя как духовного, разумного существа. Эти идеи античного мыслителя, являющиеся концептуальными для всего его этического учения, оказались в то же время и наиболее перспективными, нашедшими свое дальнейшее развитие в современных гуманистических теориях личности с их представлениями о ее самоактуализации и поиске смысла жизни как основы человеческого счастья.

---

1 Термин εὐδαιμονία происходит от eu – «добро» и daimon – «божество». Этим словом в древнейший (дофилософский) период назывался человек, покровительствуемый благим даймоном или божеством. Однако в работах древнегреческих мыслителей он теряет этот свой первоначальный религиозный смысл и получает более сложную и не во всем однозначную философско-этическую интерпретацию (Аристотель, 1983, с. 32).

Конечно, не все ясно и просто с пониманием различных смыслов и значений этого древнего философского термина, с которого начиналась наука о счастье. Тем не менее вплоть до эпохи Возрождения он широко использовался в философской литературе, несмотря на неоднозначность первоначальных смыслов и формулировок. И даже в работах ведущих философов XVIII в. – Декарта, Спинозы, Лейбница и др. – все еще сохраняется эвдемонистическое понимание счастья как состояния совершенства и обладания наивысшими благами.

Однако под влиянием эмпирических и субъективистских тенденций Нового времени eydaimonia с ее ориентацией на объективные характеристики и нормативно-ценностное понимание счастья перестает отвечать индивидуалистическим настроениям утверждающегося буржуазного строя и выходит из употребления как устаревший термин. Господствующим становится субъективно-психологическое понимание счастья как состояния удовольствия, как переживания приятных ощущений и ни с чем не сравнимой радости, наконец, как общего чувства удовлетворенности и осознания индивидом положительного «баланса» жизни в целом. Одновременно оно рассматривается как естественное предназначение и цель жизни человека на земле.

Вместе с тем понятие счастья вбирает в себя и многие из обозначенных выше значений древнегреческого термина, связанных с представлениями о благосклонности судьбы, удачи, а также с пониманием его как состояния совершенства и стремления к «добродетельной и разумной жизни». Как свидетельствуют многие источники, язык Нового времени не различает понятий эвдемонизма и гедонизма, которыми, однако, тоже не исчерпывается все многообразие видов и разновидностей счастья в реальной жизни. В итоге различные значения и смыслы оказались совмещенными в одном слове, что крайне неудобно терминологически и создает определенные трудности не только для взаимопонимания ученых, вынужденных использовать один и тот же термин для выражения разных мыслей, но и в житейской повседневной практике – в процессах общения, в разговорной речи и т. д. Отсюда и та пестрота и противоречивость многих высказываний и суждений о счастье не только у разных авторов, но и у одного и того же автора, о чем мы уже говорили.

В отличие от самого названия некоторые идеи эвдемонистического понимания счастья, отразившие важные стороны мотивации и устремленности человека к своей «подлинности» и «осуществленности» (Аристотель), не только не потеряли со временем своего значения, но и воплотились в новые концептуальные разработки, став

в последние годы предметом теоретического анализа и эмпирических исследований.

С развитием идей этого направления связаны такие известные гуманистические теории современной психологии, как теории самоактуализации, самоосуществления и самовыражения личности (А. Маслоу, Е. Деси, А. Ватермана, К. А. Абульхановой-Славской и др.), различные концепции целеполагания и идентичности (Дж. Аткинсона, Дж. Рейнора, В. Вроона, Р. А. Эммонса, М. Аптера и др.), логотерапевтическая теория В. Франкла с ее поисками смысла жизни и ценностными устремлениями и др. В содержании и основных положениях этих теорий выражены, на наш взгляд, многие характеристики и особенности того смысложизненного, целенаправленного, духовно-ориентированного и объективированного типа счастья, истоки которого просматриваются в древнегреческом эвдемонизме. Более того, в последние годы предпринимаются попытки возродить и сам этот термин для обозначения философской платформы ряда новейших гуманистически ориентированных концепций личности, в центре внимания которых стоят вопросы ее оптимального, здорового и эффективного функционирования и развития (Veroff, Douvan and Kulka, 1989).

Помимо эвдемонизма и дианоэтического (Аристотель) понимания счастья в древнегреческой философии был не менее широко представлен еще один принцип счастья, получивший название гедонизма (hedone – наслаждение). В отличие от эвдемонизма высшим благом и целью жизни для гедонистов являются чувственные удовольствия, стремление к наслаждениям. «Странник, тебе будет здесь хорошо: здесь удовольствие – высшее благо», – гласила надпись на воротах «сада Эпикура» (Богомолов, 1985, с. 244). Именно в этих удовольствиях и наслаждениях, в их длительности, интенсивности и разнообразии заключается счастье как максима человеческих желаний.

Дальнейший расцвет гедонизма не только как философско-этического учения, но и как нормы поведения людей в реальной жизни связан с эпохой Возрождения и формированием идеологии нового буржуазного общества. В противовес средневековому аскетизму и учению о греховности всего того, что связано с плотью и чувственными побуждениями в годы гуманистического Ренессанса начинает утверждаться, как известно, культ всего естественного, телесного, чувственного. Возрождается и активно пропагандируется лозунг древних «Жить в согласии с природой» (Зенон). С полным правом XVIII в. можно назвать не только веком Просвещения, но и веком

гедонизма, одновременно и теоретического и практического. Вместе с «философией наслаждения» (К. Маркс) расширялась и утверждалась практика гедонизма в различных слоях тогдашнего европейского общества. Имея в виду современный ему XVIII в., Талейран писал: «Кто в нем не жил, не знает, что такое сладость существования» (см.: Татаркевич, 1981, с. 246).

Не стало исключением и российское общество. Многочисленные свидетельства, документы, воспоминания, мемуарная и художественная литература свидетельствуют о том, что в атмосфере российской жизни XVIII в. по примеру европейских стран тоже возобладал дух чувственного наслаждения – личного, телесного, физического, сиюминутного и необузданного. Олицетворением наслажденческих настроений той эпохи стал ненасытный до развлечений и плотских удовольствий князь Григорий Потемкин, самый известный и блистательный фаворит Екатерины II. Современники поражались его неистощимой энергии и необузданной страсти ко все новым и новым утехам, после которых наступали хандра, разочарование и внутренняя опустошенность. Специалист по истории русской культуры Ю. М. Лотман, описывая быт и нравы того времени, отмечает небывалую «вспышку» в российском обществе гедонистических устремлений, указывает на овладевшую разные сословия страсть к азартной карточной игре, кутежам, желание добиться личной славы, почестей и т. д. «Нам трудно представить, – пишет он, – расточительство, охватившее все общество. Владельцы огромных состояний превращались в банкротов» (Лотман, 1994, с. 213), стремясь насладиться жизнью сполна.

Ученый пытается объяснить и связать эти гедонистические устремления с распространением идей романтизма в российском обществе, когда утверждались представления о самоценности личности, создавался культ конкретного, живого человека с его естественным правом на жизнь, свободу и счастье. Этими своими идеями и взглядами XVIII в. резко отличался от допетровской Руси, когда люди стремились не посрамить род, приумножить славу предков, передать потомкам доброе имя или семейное богатство. Напротив, для людей послепетровской России характерны честолюбие и жажда наслаждения, желание завоевать и передать истории свою личную славу, самим сполна испытать все удовольствия земной жизни, ни в чем себе не отказывая. Растрачивались фамильные богатства, рушились традиционные семейные узы, заглушалась забота о детях.

Особенно много для развития гедонистических идей и утверждения их в практике жизни сделали, как известно, французские

материалисты (Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Фонтенель и др.). Развивая материалистическую теорию потребностей и связывая с ними главную силу, заложенную в человеке природой, они видели в их наиболее полном удовлетворении конечную цель и смысл жизни. Многие из этих положений французского гедонизма нашли свое дальнейшее развитие в этике английского утилитаризма XIX в., отождествившей наслаждение и счастье с полезным и одновременно провозгласившей принцип благоразумного использования удовольствий (И. Бентам, Дж. С. Милль и др.).

Как полагал основоположник утилитаризма Иеремия Бентам, в достижении для «наибольшего числа людей» «наибольшего счастья» (удовольствия), а значит, полезности и пользы заключается смысл этических норм и принципов. Эти традиции связывать со счастьем в целом, а не только с гедонизмом как одним из его типов, все то, что нам приятно и полезно, что служит удовлетворению наших потребностей и вызывает положительные эмоции, остается и сегодня наиболее распространенным и глубоко укорененным в массовом сознании.

Сегодня, как и двести с лишним лет назад, есть все основания говорить о новой «вспышке» гедонистических установок и настроений в обществе. Удовольствие как допинг находит широкое признание в молодежной среде. «Лови кайф здесь и сейчас» – под этим лозунгом, как известно, проходили массовые движения западноевропейской молодежи в конце 1960-х годов. С тех пор позиции «кайфа» как нового наслажденческого принципа и высшей экзальтации чувственных ощущений заметно окрепли во всем мире, в том числе и в нашей стране. Причем российская молодежь по своей гедонистической направленности даже в чем-то, к сожалению, опережает своих сверстников на Западе (Сибирев, Головин, 1998).

Социологические исследования показывают, что в системе ценностных ориентаций современной российской молодежи стремления к развлечениям и удовольствиям, веселому и приятному времяпрепровождению прочно занимают вторую позицию после материального дохода, заметно опережая (в два и более раза) такие ценности как служение другим людям, забота об общем благе, внимание к обездоленным, выполнение нравственного долга и т. д. (Сибирев, Головин, 1998).

Для прояснения причин усилившихся в обществе гедонистических тенденций важно иметь в виду не только психологические, но и социальные корни этого явления. Сложность проблемы в том, что гедонистические желания имеют не только форму особой по-

требности, приводящей нередко к опасной зависимости иметь все новые и все более интенсивные удовольствия. Это одновременно и способ отрешиться от неприятностей своей реальной жизни, «уйти» от травмирующих проблем и нарастающих трудностей, создать иллюзию раскрепощенности и внутренней свободы. Чувственные удовольствия дают возможность человеку ощутить себя если не вполне счастливым индивидом, то, по крайней мере, не обремененным заботами быта и сложными размышлениями над вечными вопросами о том, правильно ли он живет и как ему жить дальше.

Нет необходимости специально говорить о том, что всепоглощающая страсть к чувственным удовольствиям и острым ощущениям, желание «кайфа» создают лишь видимость внутреннего благополучия и психологического комфорта: за ними неизбежно наступают опустошенность и нравственный распад личности. Не случайно С.Ж. де Буффле полагал, что «удовольствие – это счастье глупцов» (Татаркевич, 1981, с. 80).

Еще более жесткие слова и горькие размышления относительно наслажденчества и его последствий принадлежат английскому писателю Оскару Уайльду, который на опыте собственной жизни хорошо знал всю правду того, о чем писал: «Я дал увлечь себя глубоким очарованиям безрассудных, чувственных наслаждений… Я брал наслаждения, где мне нравилось, и проходил мимо… Я потерял власть над самим собой. Я не был уже больше кормчим своей души и сам не замечал этого. Я дал впрячь себя в ярмо наслаждения. И конец был – ужасающий позор» (Уайльд, 1912, с. 247). Резко и бескомпромиссно, как ученый и гражданин, высказался о гедонизме и классик отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, хотя в 1950-е годы эта проблема не была для нас еще столь актуальной, как сейчас. Когда жизнь, писал он, превращается «в погоню за удовольствием, отвращающую человека от решения его жизненных задач, – это не жизнь, а ее извращение, приводящее к неизбежному ее опустошению» (Рубинштейн, 1973, с. 369).

Большой интерес представляют сегодня размышления о природе гедонизма классика английской литературы Г.К. Честертона, сделанные им в самом начале XX в. в связи с английским изданием стихов Омара Хайямы. По мнению писателя, автор средневековых «Рубайят» мало чем отличается от «темного, пассивного гедонизма» современной эпохи, представленного такими его соотечественниками, как Уолтер Пейтер и Оскар Уайльд, прославившимися своими чувственными пороками и плотскими развлечениями. Как и они, восточный поэт тоже, считает Г.К. Честертон, воспевает такую же

безрадостную веру и погоню за редкими наслаждениями (вино, роскошь и т. д.), которые в действительности не имеют ничего общего с истиной радостью. «Девиз этой веры – лови мгновение (carpe diem – *лат.*), – но исповедуют ее не счастливые, а очень несчастные люди. Великая радость не срывает походя розовые бутоны – взгляд ее прикован к вечной розе, которую видел Данте» (Самосознание европейской культуры…, 1991, с. 210). Истинная радость, справедливо считает он, пронизана вечностью, и нет ничего опаснее и разрушительнее для простых человеческих радостей, чем клич эстетов «carpe diem». Даже в короткие минуты радости, какие бывают, например, при первых встречах и проявлениях любви, мы наслаждаемся ею не ради данной минуты, а потому что она представляется нам бессмертной и не преходящей. Для всех без исключения удовольствий и радостей нужна не мимолетность, а совсем другое – дух робости, привкус неуверенной надежды, ребяческого страха. Страсть невозможна, если нет чистоты и простоты, особенно если речь идет о «дурных страстях». Даже порок, считает он, требует невинности.

Поэтому великая книга восточного мудреца Хайяма, подводит итог своим размышлениям писатель, нанесла в этом отношении «сокрушительный удар общительности и радости». Для Хайяма вино – лекарство. Он пирует потому, что жизнь безрадостна; он пьет с горя. «Пей, – говорит он, – ибо ты не знаешь, откуда ты пришел и зачем. Пей, ибо ты не знаешь, куда и когда пойдешь. Пей, ибо звезды жестоки и мир движется впустую, как волчок. Пей, ибо не во что верить и не за что бороться. Пей, ибо все одинаково гадко и одинаково бессмысленно» (Самосознание европейской культуры…, 1991, с. 211).

Глубинный смысл гедонизма и соответствующего типа счастья хорошо передает давно замеченный психологический механизм, имеющий форму парадокса. Парадокс состоит в том, что счастье исчезает в той мере, в какой о нем заботятся. «Саморазрушающим» называет В. Франкл стремление к счастью, когда в его основе лежат чувственные удовольствия. Именно такие стремления определяют, по мнению ученого, многие неврозы. «Принцип наслаждения в конечном итоге разрушает сам себя. Чем больше человек стремится к наслаждению, тем больше он удаляется от цели. Другими словами, само «стремление к счастью» мешает счастью» (Франкл, 1990, с. 55). На основании многих эмпирических фактов он делает принципиальный для всего своего учения вывод о том, что «мы на этом свете не для того, чтобы наслаждаться» (там же, с. 167). И в этом своем убеждении ученый, конечно, абсолютно прав.

На этот парадоксальный психологический механизм гедонистических стремлений к счастью обратили внимание еще античные мыслители. «Чем больше стремишься к счастью, тем больше от него отдаляешься», – не без оснований писал еще Сенека (Татаркевич, 1981, с. 286). А Дж. С. Милль использовал эту мысль при разработке «целевой» стратегии счастья, в соответствии с которой человек должен ставить перед собой какую-нибудь цель; тогда, стремясь к ней, он будет испытывать счастье, не заботясь о нем.

Конечно, гедонистический тип счастья, получивший сегодня распространение среди молодежи, не сводится к одним развлечениям, к погоне за удовольствиями и состояниям «кайфа», замешанных на наркотиках, рок-н-ролле, поп-музыке, дискотеке, сексе, «балдении» и т. д. Это его крайности, свойственные по преимуществу молодому возрасту. Однако сами условия их широкого распространения и влияния в обществе определяются сложным комплексом социальных причин, связанных с общим неблагополучием и кризисным состоянием общественных нравов, с серьезными упущениями и недостатками в воспитании и образовании, с негативными воздействиями массовой культуры, рекламы и т. д.

Приходится с сожалением говорить о том, что за последнее десятилетие страну захлестнули многочисленные «тусовки», презентации всего и вся, нескончаемые фестивали с едой, выпивкой, демонстрацией нарядов, роскоши, достатка. На экранах и радио всевозможные игры, шоу, лотереи и развлечения типа «Поле чудес», «Смак», «О, счастливчик» и т. д. Придумываются все новые и новые формы запредельного и экстремального, выходящие за рамки обычной и естественной жизни, способные «ловить длительный кайф».

Вот только два самых безобидных примера из этого необозримого ряда.

Со страниц «Комсомольской правды» наш известный певец и артист, кумир целого поколения российской молодежи, отвечая на вопросы читателей газеты, подвел под этот разговор свой главный принцип жизни: «Пока струится в жилах кровь – вкушай вино, вкушай любовь» (Боярский, 1996, с. 4).

Другой пример более серьезный. Речь идет о потребительском «зуде» современной вездесущей рекламы, ставшей воистину национальным бедствием для страны и народа. Обществу навязывается сиюминутная потребительская модель поведения в ее самой пошлой и безвкусной форме, в соответствии с которой любой рекламируемый товар обещает его обладателю нескончаемые удовольствия и сплошные праздники жизни или, как иронически выразился

в свое время А. П. Чехов, «счастье без перерыва». Отсюда следуют и рекомендации типа: «Пейте без остановки напитки из Черноголовки» или «Жуйте, жуйте, жуйте», ибо только с этой рекламируемой новой и потрясающей жвачкой во рту «душа поет», «душа танцует». И т. д. и т. п.

Становится грустно от сознания того, что целое поколение россиян растет под массированным воздействием этой циничной и беспардонной рекламы, дезориентирующей людей, особенно молодых, в вопросах добра и зла, вечного и преходящего, возвышенного и низменного, правды и «кривды», которые напрямую связаны с представлениями о счастья. Прогрессивная общественность страны уже давно протестует против всего этого рекламного беспредела, но практически ничего, к сожалению, пока не меняется и, судя по всему, и не будет меняться.

Несмотря на крайнюю ограниченность и даже сомнительность гедонистического принципа чувственных удовольствий как основы человеческого счастья, сама по себе идея «жить с удовольствием» и «делать все с удовольствием» имеет и другой, вполне оправданный и позитивный смысл. Этот смысл связан преимущественно с чувством радости, которое является не просто более осознанным и глубоким, но главное – и более возвышенным и одухотворенным переживанием, чем те удовольствия, которые протекают «без божества, без вдохновенья». Поэтому «жить в радости» – это не совсем то же самое, что и «пребывать в удовольствиях», когда постепенно становишься «рабом земного наслажденья» (М. Ю. Лермонтов), все глубже затягиваясь паутиной чувственности, превышая все допустимые и разумные пределы.

Радость всегда направлена на какой-нибудь объект, всегда имеет ценностные основания. Простое удовольствие, напротив, «всегда выступает в одной и той же форме, независимо от того, каким способом оно доставлено – нравственным или безнравственным» (Франкл, 1990, с. 166). Если дверь к счастью, как справедливо считают многие авторы, действительно открывается наружу, то очень важно уметь видеть, слышать и радоваться светлым сторонам жизни, уметь находить и настраивать себя на «сладость бытия» (В. А. Жуковский). Эту простую мудрость человеческого счастья поэтическим словом выразил Н. М. Карамзин:

Небесным светом озарился
И чувством жизни насладился.

(И будет вечен вольный труд…, 1988, с. 53)

Психологической науке давно известен особый феномен, получивший название «эффекта Полианны». Он назван по имени главной героини повести Элеоноры Портер «Полианна», 11-летней девочки-сиротки, которая стремится во всем, даже в долге, даже в житейских неприятностях, «найти, чему радоваться». «Какая странная девочка», – говорят о ней окружающие люди, но для самой Полианны в этом нет ничего странного и удивительного. Все началось со своеобразной игры, которой научил ее отец и в которую они с ним увлеченно играли. Но отец умер, никого, кроме ворчливой тетки, у нее не осталось, но девочка упорно продолжает искать и находить хотя бы самую маленькую радость в том, с чем ей приходится сталкиваться и делать в своей сиротской жизни. Но теперь это уже не игра, а осознанный принцип поведения, ставший потребностью, доставляющий большое внутреннее удовлетворение и помогающий создавать всегда и во всем атмосферу любви, доброжелательности и человеческой отзывчивости.

Жизнерадостными и жизнелюбивыми называем мы обычно людей, которые считают, что жизнь стоит того, чтобы жить и что в ней всегда есть место радостям. Глубоко заложенная в таких людях «жажда бытия» (М. Ю. Лермонтов) и «чувство жизни» (И. И. Мечников) определяют не только желание, но и умение радоваться всему, что составляет процесс жизни: тому, что родились, что живут, что могут любить или ненавидеть, наблюдать за восходами и закатами солнца, любоваться звездным небом и т. д. В этом смысле «счастье всюду», как выразился в одном из своих стихотворений И. А. Бунин, закончив его примечательной строчкой: «Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне» (Бунин, 1986, с. 45). О таком естественном и внешне будничном счастье, о повседневных радостях бытия, связанных с возможностью делать свое обычное и любимое дело, замечать красоту окружающего мира, реализовывать заложенные в каждом из нас природой силы, писали и говорили многие известные и умудренные жизненным опытом люди разных эпох и национальностей – Эпикур, Л. Н. Толстой, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Бунин, Анри Матисс и др.

«Все гонятся за счастьем. А, оказывается, «быть счастливым» – это просто жить, сочинять, ходить по траве, по снегу, по песку, смотреть на облака, на звезды», – записал в своем блокноте незадолго до смерти поэт Арсений Тарковский, отец кинорежиссера Андрея Тарковского (Вальшонок, 1996, с. 11). Также просто ответил на вопрос «Счастлив ли он?» Булат Окуджава уже с мудрой высоты своих достойно прожитых лет.

«Счастлив тем, что живу, – сказал поэт, – делал то, что доставляло удовольствие».

Однако в этой обыденности и такой, казалось бы, естественности и доступности счастья, возможность которого дается человеку вместе с жизнью, не все так просто и понятно. Людям, как известно, свойственно не замечать то, что находится рядом, что каждый раз было вчера и есть сегодня. И мы обычно не ценим то, что легко достижимо и дается без особых усилий. «Он, – писал о человеке Гораций, – пренебрегает тем, что доступно, и гонится за тем, что от него ускользает» (Монтень, 1992, с. 310). Здесь кроется одна из многих психологических «ловушек» счастья и один из тех подводных камней, которые делают путь к нему таким противоречивым и извилистым.

В то же время простая мудрость человеческого счастья содержится уже в одной мысли «я живу». Возможно, именно в осознании этой мысли, заключена разгадка таинственной фразы, сказанной Кирилловым, персонажем романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это все, все. Кто узнает, тот сейчас станет счастлив, сию минуту» (Достоевский, 1990, с. 226). Однако постижение этой мысли, как и любой другой человеческой мудрости, происходит совсем не просто: оно приходит, как правило, с долгими годами, вместе с накопленным опытом и осознанием ценности жизни перед лицом смерти.

Таким образом, гедонистический тип счастья выражает определенный образ жизни людей и характеризуется не каким-то одним, а комплексом личностно-психологических свойств и ориентаций. Их различными конфигурациями и соотношениями определяются, в свою очередь, разновидности внутри этого общего типа, некоторые из них были выделены и рассмотрены выше.

Внутритиповые различия имеются не только у гедонистического, но и эвдемонистического типа счастья. Для последнего характерна, как уже отмечалось, смысложизненная ориентация личности, при которой смысл жизни оказывается выше самой жизни (естественные потребности человека). Соответственно, основным источником удовлетворенности и счастья для этого типа людей выступает не сама по себе возможность жить и иметь обычные житейские радости и блага, не просто возможность развивать и удовлетворять свои насущные потребности, искать и находить все новые источники удовольствия, а наличие высокой идеи и смысла жизни, возможность неукоснительно следовать и самозабвенно служить им, добиваясь реализации большой и общественно значимой цели. И только достижение этой цели, осуществление смысла жизни, воз-

можность почувствовать свою реализованность и нужность другим может сделать таких людей по-настоящему счастливыми. Обращает на себя внимание противоречивая природа смысложизненного типа счастья. Как объяснить, например, парадоксальное, на первый взгляд, признание А. Цветаевой о том, что она «счастлива своей несчастной жизнью»? И вряд ли можно упрекнуть в неискренности О. Берггольц, когда она в блокадном Ленинграде, только что пережившая большое личное горе в связи со смертью мужа, читает стихи о том, как она счастлива? Именно эти стихи, как вспоминают многие блокадники, не дали им «запаршиветь» в эти страшные военные годы. И примеры, подобные приведенным, не единичны, их достаточно много для того, чтобы их можно было бы не заметить и не попытаться дать им психологическое объяснение.

Это объяснение, на наш взгляд, связано, прежде всего, с тем, что следование высоким идеалам, поиски высшей истины и смысла жизни, реализация высокозначимых, но отдаленных от сегодняшнего дня целей сопровождаются, как правило, большими жизненными испытаниями и невзгодами, мучительными раздумьями, сомненьями и переживаниями: «… То не состоялось, это не случилось, здесь не удалось, там сорвалось…». И возможность испытать счастье этого смыложизненного уровня объективно предполагает готовность и способность идти на многие жертвы, лишения, тягостные ожидания, переносить страдания и «муки бытия». Поэтому в психологической структуре этого типа жизненной удовлетворенности, в личностном сознании его субъекта положительные чувства и переживания счастья оказываются недостаточно четко отрефлексированными от противоположных форм – несчастья и связанных с ним отрицательных переживаний. Тем самым они могут и часто не воспринимаются самой личностью как какие-то чуждые и исключающие друг друга начала. Однако поиски и обретение смысла жизни, следование и служение своим идеалам наряду с оптимальными могут иметь и искаженные формы. Чаще всего это выражается в фанатизме, мистицизме, аскетизме и в других близких им мировоззренческих ориентациях, определяющих и соответствующий образ жизни людей.

Идеология и психология фанатизма, мистицизма и аскетизма являются, конечно, крайними, парадоксальными формами жизни и, подобно крайностям гедонизма по типу, например, «мне мгновенье –наслажденье, остальное – трын-трава», объективно вряд ли являются благотворными для общего нравственного и психического здоровья личности. В конечном итоге они направлены не столько

на обогащение и развитие, сколько на истощение ее внутренних потенциалов, сужают и ограничивают психологическое пространство для личностного роста.

Особенно противоречивым и неоднозначным по своему нравственно-психологическому содержанию представляется нам аскетический образ жизни и соответствующая ему разновидность смысложизненного счастья. Многое в них остается необычным и непонятным, с точки зрения здравого смысла и житейской практики. Как объяснить, например, поиски страдания «по доброй воле», самоценность страдания, страдание ради страдания? Нередко аскеты для самоутверждения подвергают себя физической боли, которая превышает не только разумную, но и предельно допустимую норму.

Понять все это можно только с позиции того, что страданию и самоограничению, «умерщвлению плоти» и отречению от земных благ в аскетизме придается некий реальный смысл – религиозный, социальный, нравственный, личностный и т. д., поэтому страдания становятся одновременно источником положительных переживаний. Страдания и радости как бы сливаются воедино: страдания влекут за собой радости и смешиваются с ними. Даже ожидание страдания и воспоминание о нем, если они связываются со смыслом и имеют глубокую личностную убежденность, могут вызывать радостные ощущения.

Аскетом изобразил Н. Г. Чернышевский Рахметова в романе «Что делать?». И это не случайно. Рахметов для него особенный человек, «экземпляр очень редкой породы», которых мало и за «которыми не угнаться». Особенность таких натур, как Рахметов, в том, что суровый, спартанский образ жизни, сознательное умерщвление плоти, отказ от личных чувств и пристрастий они принимают ради великой идеи – «требования для людей полного наслаждения жизнью». Удовольствия они находят не в том, в чем обычные люди, а в делах «честных и полезных для других», в неукоснительном следовании своим принципам и убеждениям. Для Н. Г. Чернышевского, как убежденного революционного демократа, а значит, и для Рахметова, эти принципы и убеждения состояли в том, чтобы не было бедных, чтобы никто никого не принуждал, а все люди были бы «веселые, добрые, счастливые…» (Чернышевский, 1955, с. 76).

Н. Г. Чернышевскому, который своим общественным идеалом считал счастье человека и «чистое наслаждение жизнью», важно было показать, что «мрачное чудовище», каким сам себя считает Рахметов и которого окружающие побаивались, называя «ригористом»

или просто «чудаком», на самом деле был человеком очень деликатным и тонко чувствующим, которому как и всем, хотелось «не только исполнять обязанности, но и радоваться жизнью» (Чернышевский, 1955, с. 304). И хотя Н. Г. Чернышевский явно симпатизирует своему аскетическому герою, он тем не менее не призывает других следовать этому примеру и не проповедует аскетизм как принцип жизни. Для него будущие люди – это люди радостные, счастливые, пользующиеся всеми благами жизни. Но путь к этому будущему прокладывают такие люди, как Рахметов, ради счастья других жертвующие своим собственным счастьем. И автор романа не скупится на возвышенные слова, характеризуя этих людей: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало: но они в ней – теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат: это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» (там же, с. 294).

В этой связи важно подчеркнуть, что необходимость положительных эмоциональных «подпиток» для этого смысложизненного типа людей достигается не столько за счет тех «микроудовольствий», получаемых «здесь и сейчас» в результате удовлетворения повседневных и непрерывно возникающих потребностей, не за счет реализации краткосрочных целей, что является характерным для гедонистических установок, сколько за счет чувства собственной правоты, уверенности в правильности избранного пути, переживания подлинности своей жизни, внутренней закрепощенности и свободы.

Правомерность выделения двух глобальных типов личностной удовлетворенности и счастья по предложенному выше основанию – соотношение смысла и жизни – хорошо согласуется со многими современными теориями мотивации. Мы имеем в виду не только традиционное деление мотивов на «процесс» и «результат» и связанные с таким делением отдельные концепции интринсивной (внутренней) мотивации, например, теория «потока» («flow») М. Чиксентмихали и др. (Csikszentmihalyi, Figurski, 1982; Deci, Ryen, 1985), но и некоторые другие, менее известные, хотя и более интересные, с точки зрения обсуждаемой нами проблемы типологических характеристик счастья.

В этой связи заслуживает внимания «целевая» теория мотивации, которая в последние годы активно разрабатывается английским психологом М. Аптером, находя все большее признание и поддержку у других авторов. Согласно этой теории, существует два главных

мотивационных состояния или режима функционирования людей – «целевой» и «парацелевой». Им соответствуют и две основные формы извлечения удовольствия или два совершенно различных источника удовлетворенности жизнью. «Целевое» состояние характеризуется невысоким уровнем активации, здесь внимание и действия концентрируются на значимых, но отдаленных целях, и индивиды более обеспокоены своим будущим, чем настоящим. В другом, «парацелевом» состоянии они, напротив, озабочены поиском все новых и новых источников возбуждения, им важно не столько то, к какому конкретному результату приведет то или иное действие или событие, а с какими личностными переживаниями оно связано в настоящем. Иными словами, их больше интересует действие как таковое, сам процесс деятельности, а не ее последствия, что явно напоминает игру. При этом важно отметить, что в предпочтении одного режима другому, одного источника удовольствия другому у испытуемых явно прослеживаются последовательные индивидуальные различия (Apter, 1984).

Эмпирические данные, подтверждающие, хотя и опосредованно, через антитезу, психологическую реальность и правомерность выделения этих двух классических типов счастья и удовлетворенности жизнью, имеются и в некоторых социально-психологических исследованиях удовлетворенности трудом, проведенных отечественными учеными в 1980-е годы. Опираясь на соответствующие работы ленинградских и прибалтийских социологов, Н. Ф. Наумова приходит к выводу о необходимости выделения двух типов общей неудовлетворенности. Один из них, обозначенный как «неудовлетворенность-неадаптация», имеет своим основанием индивидуальную оценку человеком конкретных условий своего существования, наличной или ожидаемой жизненной ситуации. В основе другого типа лежит уже не просто психологический феномен плохой адаптации индивида к условиям существования, а более глубокие экзистенциональные переживания личности. Поэтому он определяется автором как «экзистенциональная неудовлетворенность», что равноценно, по крайней мере, очень близко состоянию бесперспективности существования, отсутствию или утрате личностью смысла жизни и других высших «бытийных» ценностей.

Именно эта экзистенциальная неудовлетворенность является, по мнению Н. Ф. Наумовой, импульсом «выхода за пределы самого себя», т. е. создания ситуации, где «старых» известных возможностей становится уже недостаточно и требуется максимальное использование внутренних ресурсов человека. Важным типологическим разли-

чием одной неудовлетворенности от другой представляется нам тот факт, что первой из них, по данным исследования, всегда сопутствует высокая частная неудовлетворенность, а второй – не обязательно. Эта экзистенциальная общая неудовлетворенность, напротив, может сопровождаться очень высокой частной удовлетворенностью. «Это значит, – делает вывод автор, – что переход – прежде всего волевой, а не мотивационный акт» (Наумова, 1988, с. 77).

Выделенные нами главные базовые типы счастья являются основными векторами счастливой жизни человека, в соответствии с которыми приобретают свой реальный смысл и ее субъектные характеристики. Один из этих векторов связан с гедонистическими установками, когда удовлетворение насущных потребностей существования, текущие переживания и чувственные удовольствия определяют собой всю ценностную структуру личности. Другой вектор, напротив, нацелен на более возвышенные идеалы, на более отдаленные от сегодняшнего дня смысложизненные цели, ради достижения которых человек оказывается способным переносить лишения, страдания и «муки бытия» в настоящем. Этим двум основным векторам счастья соответствуют и определенные типы мотивации, в которых роль личности как субъекта жизнедеятельности выступает в разной мере и в разных формах: минимизированной, расплывчатой и дезинтегрированной в одних случаях и четко выраженной, внутренне структурированной, соотнесенной с масштабом целостной жизни в других. Тем самым есть основания говорить о том, что реальная жизнь разных людей, субъективно переживаемая ими как счастливая, может существенно различаться по своим субъектным характеристикам.

Наряду с двумя рассмотренными выше классическими типами счастья правомерно, на наш взгляд, выделить и третий тип и соответствующую ему категорию людей, отличающихся от других не только некоторыми своими личностными особенностями, но и стилевыми характеристиками поведения. Этот тип счастья нельзя отнести к числу традиционных; он не столь очевиден и распространен, в чем-то даже более парадоксален, чем другие, но это не делает его психологическую реальность менее достоверной и интересной для научного анализа.

На правомерность выделения этого третьего типа счастья указывают не только материалы выборочных опросов и интервью, жизненных наблюдений, высказывания и размышления известных авторов. Для этого имеются и более убедительные данные, полученные в новейших исследованиях психологии мотивации, хотя сами эти

экспериментальные данные не связаны напрямую с проблематикой счастья и получены в связи с изучением других психологических феноменов.

Так, уже в классических работах Ф. Хоппе, посвященных изучению проблемы успеха и неуспеха с центральным для нее понятием уровня притязания, был обнаружен существенный факт, указывающий на существование двух мотивационных тенденций, а именно: тенденции «надежды на успех» (мотив успеха) и тенденции «боязни неудач» (мотив неудачи). В этих экспериментах Ф. Хоппе поразило то обстоятельство, что поведение некоторых его испытуемых, их манера справляться с конфликтами, в ситуации опыта полностью, вплоть до мелочей совпадает с их поведением в реальной жизни, которые он имел возможность наблюдать многие годы. На этом основании исследователь приходит к двум основным для себя выводам. Во-первых, это вывод о детерминации уровня притязаний личности ее индивидуально психологическими особенностями и, во-вторых, о возможности устанавливать на основе этих опытов стиль поведения человека в целом. В частности, были выявлены стойкие индивидуальные различия у испытуемых по таким личностным характеристикам, как склонность к самоутешению или другим способам затушевывания неприятной действительности.

В развернувшихся в дальнейшем многочисленных исследованиях уровня притязаний и мотивации достижения (Мак-Клелланд, Дж. Аткинсон, Х. Хекхаузен и др.) были четко зафиксированы, как известно, две группы испытуемых, ориентированных, с одной стороны, на успех, а с другой, на избегание неудачи. Как показали исследования В. Скотта, на которые ссылается Х. Хекхаузен, есть «люди, опасающиеся неудачи, усматривающие в сильном побуждении к достижению угрозу себе, а потому даже в деятельности воображения предпочитающие поведение избегания (так называемые «избегатели») (Хекхаузен, 1986, с. 265). Сам Х. Хекхаузен в своих работах выделяет «потребность избежать неудачи», с одной стороны, и «потребность достижения успеха», с другой. При доминировании первой из них у индивидов наблюдается постановка негативно сформулированной цели, при этом «явно присутствует желание событий, которые могли бы исключить неудачу, сожаление о поведении, которое привело к неудаче, или нерешительность и боязнь последствий неуспеха» (Харчев, 1973, с. 269).

Экспериментальное изучение мотивации достижения и притязаний в связи с индивидуальными различиями и особенностями субъекта показали зависимость этих двух мотивационных тен-

денций от эмоциональной устойчивости, импульсивности, силы нервной системы и т. п. По данным Я. Рейковского, так называемые «перестраховщики», т. е. лица, занижающие уровень своих притязаний, отличаются меньшей эмоциональной устойчивостью, нежели люди с адекватными притязаниями, и позиция перестраховщика наиболее часто определяется эмоцией тревоги: ситуативной или пролонгированной (Рейковский, 1979). Наличие устойчивой связи между тревожностью и установкой на избегание неудачи отмечается и в других работах.

Одновременно в экспериментах была выявлена связь мотивации достижения с процессами целеполагания и установлено, что преобладание той или другой мотивационной тенденции, т. е. надежды на успех или страх неудачи, всегда сопровождается различиями в выборе степени трудности цели. Как пишет Х. Хекхаузен, основываясь на своих собственных и работах других авторов, мотивированные на успех предпочитают цели, которые лишь незначительно превосходят уже достигнутый результат; мотивированные на неудачу разделяются на две подгруппы, одна из которых нереалистично занижает, а другая – нереалистично завышает цели, так что успех либо сразу исключается, либо становится обеспеченным. Для нас важно отметить и его общий вывод о том, что обе мотивационные тенденции независимы друг от друга: их корреляция, как правило, низка и отрицательна (Хекхаузен, 1986, с. 270).

Выявленная во многих работах по мотивации достижения специфическая позиция людей, испытывающих повышенный страх перед неудачами, дает основание говорить и о существовании особого типа счастья, характерного для этих людей, по преимуществу тревожных и эмоционально неустойчивых.

Стратегия этого типа счастья ориентирована, прежде всего, не на то, чего нет, но что хотелось бы иметь, а на то, что есть и чем уже реально обладаешь. В такой стратегии есть, конечно, своя житейская логика и свой житейский практицизм, подчас интуитивный и неосознанный. «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» – подтверждает эту логику известная пословица.

Давно замечено: природа человека такова, что чем больше он имеет, тем больше ему хочется. Так возникает постоянная неудовлетворенность, а само счастье оказывается призрачным и недостижимым. Этот психологический закон счастья хорошо понимали уже древние греки. «Благоразумен тот, – писал Демокрит, – кто не печалится о том, чего он не имеет, но радуется тому, что имеет» (Материалисты Древней Греции, 1955, с. 156). Важно уметь довольство-

ваться уже имеющимся и не желать чрезмерного, ибо кто не может довольствоваться малым, тот не будет довольным и большим. «Дайте мне все, и я потребую остальное» – гласит известный принцип. В своих желаниях, особенно если они велики и тщетны, человек глубоко уязвим, поскольку в них скрывается источник будущих разочарований, тревог, страданий. «Не стремись к тому, чтобы события происходили так, как ты хочешь этого, – советовали древнегреческие стоики, – но желай их, как они происходят; так будешь ты чувствовать себя хорошо» (Философская энциклопедия, 1970, с. 530). И об этой житейской мудрости древних говорили и другие. «Быть счастливым, – писал В. О. Ключевский, – значит не желать того, что нельзя получить» (Ключевский, 1968, с. 137).

По правилам такой обыденной логики счастье воспринимается не столько как самодостаточная позитивная ценность, связанная с достижениями и приобретениями чего-то нового и значимого, а как отсутствие негатива в жизни с его потерями, неудачами, страданиями. Боязнь отрицательных переживаний оказывается в данном случае сильнее потребности в радостных эмоциях. Другими словами, счастье выявляет свою ценностную сущность не через самоутверждение, а через отрицание своей противоположности. «Счастье – это когда нет несчастий» – так по-детски просто, но предельно заостренно выразила парадоксальность этого типа счастья одна девочка, пытаясь определить для других свое восприятие счастья.

Но это не только детское восприятие. Такого мнения придерживались и многие ученые, определяя удовольствие через уменьшение страданий, а страдания, в свою очередь, через уменьшение удовольствий. Так, например, французский философ М. Монтень писал в «Опытах» о том, что наше благополучие – это только отсутствие зла, поэтому наиболее верная дорога к счастью, полагал он, как и другие сторонники этой точки зрения, – стараться избегать страданий, а не искать удовольствий.

Такая «перестраховочная» и, по сути своей, «оборонительная» стратегия счастья, ограждая психику человека от чрезмерных волнений и ожиданий, излишних хлопот и перенапряжений, выполняет, казалось бы, «охранную» и в целом позитивную функцию. В то же время в ней есть одна серьезная опасность: создается реальная основа для возникновения и развития апатии, равнодушия, безынициативности и т. д. Лишая счастье его творческого, деятельно-активного и самоценностного начала, уменьшая потенциал положительных переживаний и чувств, эта стратегия в конечном итоге представляет человеческое счастье как весьма усеченное, инфантильное, «оста-

точное», не выражающее всего богатства и полноты реальной человеческой жизни. Человек как бы заранее отказывается от радостей и успехов, заботясь лишь о том, чтобы избежать огорчений и возможных «подвохов» от людей и судьбы.

Настороженное и сдержанное отношение к счастью может иметь и совсем другие основания, нежели обычная тревожность и неуверенность человека в своих успехах. Это могут быть и такие, например, личностные качества, как неразвитость в индивиде чувства хозяина жизни, неспособность контролировать и определять события и ход собственной жизни или присущий некоторым людям фаталистический настрой, их упования на судьбу по принципу – «что Бог даст» или «будь что будет» и т. д.

На другие механизмы и другую разновидность этой стратегии, связанные с определенным «дистанцированием» и даже «боязнью» счастья, указывают многие автобиографические свидетельства и размышления, наблюдения и высказывания известных авторов о своих чувствах, мироощущении, особенностях восприятия и понимания счастья. Сошлемся в этой связи на уже приводимые в другом контексте наблюдения и выводы Н. Бердяева, сделанные им на основе самопознания. Так, он размышляет над особенностями своего жизнечувствия: «Часто думалось, что я не хочу счастья и даже боюсь счастья. Всякое наслаждение сопровождалось у меня чувством вины и чего-то дурного» (Бердяев, 1990, с. 62).

Для этой разновидности переживания счастья, которую условно можно назвать «счастье с оглядкой», воспользовавшись выражением Н. Бердяева, характерны высокий уровень нравственного самосознания личности, обостренное чувство справедливости, нравственная рефлексия. Характерный для нее особый механизм «дистанцирования» и даже, по выражению Н. Бердяева, «боязни» счастья, связан прежде всего с чувством внутренней неловкости и совестливости, ощущением какой-то собственной вины и ответственности за царящие в мире зло и страдания. На эти своеобразные нравственные барьеры счастья и собственного благополучия часто указывали и многие другие представители нашей духовной интеллигенции. «Мне было бы стыдно иметь деньги, бриллианты, сберкнижки, – как-то призналась наша замечательная народная актриса Ф. Раневская. Стыдно, я не могла бы… Знаете, в чем мое богатство? В том, что оно мне не нужно» (Раневская, 1993, с. 9).

Итак, проведенный анализ дает основание говорить о различных типах проявления счастья в сознании и поведении людей. Были выделены три его базовых типа, рассмотрены их индивидуально-ти-

пологические характеристики и различные вариации внутри каждого типа. В соответствии со своими основными характеристиками они были обозначены нами как «смысложизненный», «гедонистический» и «настороженно-оборонительный». В практике реальной жизни можно обнаружить, конечно, не «чистые» типы, а лишь доминирование какого-то одного из них в структуре личностного мировосприятия, причем это доминирование в процессе жизни может смещаться как в одну, так и в другую сторону, видоизменяясь на разных жизненных этапах и возрастных ступенях развития личности. У каждого из обозначенных выше типов и разновидностей счастья есть и более сильные и более слабые стороны, и свои достоинства и свои недостатки, поэтому вопрос о том, какой из них предпочтительнее, лучше или полезнее для личности, не имеет однозначного ответа. Однако общечеловеческий опыт, основанный на жизненных наблюдениях и откровенных признаниях известных и авторитетных людей разных эпох и народов мира, много повидавших и испытавших на своем веку, показывают, что объективно более «мудрым» оказывается счастье не подчинения страстям, благам, внешним обстоятельствам и т. д., а обретения смысла, жизненных ценностей, способностей, уважения и признания людей и т. д., что ближе, конечно, к его смысложизненному типу, связанному с самореализацией личности.

Глава 4

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА СЧАСТЬЯ

Каждый хочет быть счастливым, но чтобы достичь счастья, необходимо знать, что такое счастье.

Ж. Ж. Руссо

Счастье в нас, а не вокруг и около.

(Русская поговорка)

Среди многочисленных определений счастья одно из самых лаконичных предлагает В. Даль: счастье – «желанная насущная жизнь» (Даль, 19882, с. 371). Это определение от многих других отличается не только своей предельной краткостью, граничащей с афористичностью, но и выявлением ценностной характеристики и сущности счастья, хотя само понятие ценности как такового в нем не используется. И это понятно, поскольку научная терминология тех лет его практически еще не применяла. Ценностная сущность счастья акцентирована здесь в термине «желанный», который по своему смыслу означает личностно привлекательное, субъективно значимое и высоко оцениваемое качество индивидуальной жизни. В соответствии с этим общим смыслом желанная жизнь может быть определена как жизнь должная, достойная, совершенная, которая приносит удовлетворение: к ней стремятся, о ней мечтают. Это качество и есть сущность счастья как ценности, если использовать этот емкий научный термин, соответствующий категориальному аппарату современной науки. Ценность как некая значимая для личности реальность, востребованная в процессе взаимодействия человека с миром, в психологическом плане выступает, прежде всего, в виде конкретных идеалов и жизненных целей, инициирующих и направляющих активность субъекта. Возможность реализовать эти идеалы, цели, личные желания и тем самым привести в соответствие желаемое и насущное лежит в основе счастливой жизни. В свою оче-

редь, человек счастлив в той мере и постольку, в какой и поскольку воспринимает собственную насущную жизнь как желанную, отвечающую требованиям и стандартам своего ценностного сознания.

При ценностном подходе к проблеме счастья сразу же возникает вопрос о его специфике в соотношении с другими фундаментальными человеческими ценностями, к которым традиционно относятся любовь, добро, истина, свобода, равенство, красота и т. д. В решении философской сути этого вопроса наибольшую популярность, в том числе и на уровне обыденного сознания, получила идея абсолютной значимости и верховенства счастья в иерархической структуре ценностного сознания личности в целом. Согласно этой идее, счастье – не просто одна из ценностей наряду с другими и даже не одна из самых фундаментальных и ведущих, а как бы метаценность, подчиняющая и определяющая собой все другие. По мнению Ламетри и других французских материалистов, «кто нашел счастье, тот все нашел», такому человеку уже не о чем больше мечтать и незачем к чему-то стремиться. С позиций исключительной и всеобъемлющей сущности счастье определяется в одних случаях как «наивысшее благо» (Аристотель, Ф. Аквинский) и то «единственное, о чем следует заботиться» (Вольтер), в других – как «конечная цель человеческих усилий» (П. Сорокин) и «стремление стремлений» (Л. Фейербах), в том числе и как высшая степень морали, критерий ценности для всего остального (Л. Фейербах). С этими определениями ценностного верховенства счастья непосредственно связаны и представления о его самодостаточной и самообоснованной сущности, поскольку счастье никогда не может быть средством ради достижения чего-то другого, а всегда только самоцелью.

Оригинальную позицию в представлениях о высшей иерархии счастья в мире человеческих ценностей занимал известный представитель современной русской философской мысли П. А. Сорокин. Рассматривая идею счастья в качестве важнейшей составляющей формулы социологического прогресса, он связывает с понятием счастья все другие человеческие ценности. Связь эта выражается в том, что любая другая ценность приобретает свою истинность в той мере и постольку, в какой и поскольку способствуют увеличению количества счастья в обществе. В противном случае она теряет право называться подлинной ценностью. «Как бы не были ценны само по себе любовь к ближнему, солидарность, знание (истина) и т. д. и т. д., но раз они не сопровождаются параллельным развитием счастья – или даже ведут к уменьшению его – они становятся полуценностями» (Сорокин, 1988, с. 107).

Одновременно с представлениями о наивысшей ценности и самообоснованности счастья существуют и прямо противоположные утверждения о том, что счастье вообще не является ценностью и выражает формулу застоя вместо прогресса. Известны, например, мнения о ненужности и даже вредности счастья (Ф. Ницше, Г. Флобер), о неправомерности рассматривать его в качестве особой ценностной установки (Дж. С. Милль и др.) или каких-либо других мотивационных структур личности, способных активизировать ее жизненные проявления. Однако эта негативная оценка ценностной сущности счастья заметно уступает первой из них и с точки зрения своей представленности в истории научной и культурологической мысли и с точки зрения своей фактологической обоснованности. Скорее это даже не теоретическая позиция, а заостренная форма обратной реакции на чрезмерную абсолютизацию счастья теми, кто оказался, по выражению Э. М. Ремарка, под гипнозом этого «яркого шарика с сусальной позолотой», считая его панацеей от всего (Ремарк, 1971, с. 94). В то же время важно подчеркнуть, что крайний пессимизм в отношении значимости счастья в человеческой жизни чаще всего проявляется, когда ему придается весьма узкий смысл, выражающий, прежде всего, состояния мещанского довольства и пассивности, пресыщенности и сытости, беззаботности и расслабленности, исчерпанности желаний и целей. Именно в этом контексте следует, на наш взгляд, относиться и к резко критическим высказываниям В. В. Розанова в отношении идеи счастья как верховного начала человеческой жизни. Отстаивая высокие принципы русской духовной мысли, он писал о том, что идея счастья не так безобидна, как это может показаться на первый взгляд. Увлечения ею, полагал известный русский мыслитель, понижает уровень и качество духовной жизни, так как она размывает абсолютные основы нравственной, духовной жизни. «И по этой причине, – утверждал В. В. Розанов, – она не может и не должна быть смысложизненным ориентиром» (Смысл жизни в русской философии, 1995, с. 193).

Наконец, в истории научной мысли и культуры представлена еще одна, более умеренная позиция, когда не только не отрицая, но даже признавая огромную значимость счастья в ценностном сознании личности, предпочтение тем не менее отдается не ему, а некой другой высшей идее или принципу. Герой рассказа А. П. Чехова «О любви», переживший в свое время безумную любовь к женщине, приходит к следующему выводу: «Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или доброде-

тель в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе» (Чехов, 1986б, с. 74). К сожалению, А. П. Чехов в данном случае не уточняет, в чем конкретно выражается для его героя это «высшее», об этом читатель может только догадываться и строить собственные предположения. Не раскрывает этот смысл и Г. Флобер, когда писал о том, что в некоторые моменты жизни, в минуты глубоких переживаний и подъема сознаешь, что существует нечто большее, чем счастье, что «счастье не нужно» (Татаркевич, 1981, с. 333). Что же касается других авторов, то чаще всего выше счастья ставятся ценность любви, добра (морали), свободы, справедливости, наконец, самого факта жизни, которое есть «начало и конец счастья» (Эпикур).

При ценностном обосновании и раскрытии специфики счастья нам представляется важным рассмотреть, прежде всего, его соотношения с такими категориями, как мораль и любовь. О любви в связи с гендерными характеристиками счастья мы будем подробно говорить в специальной главе книги. Здесь же главное внимание правомерно уделить вопросам нравственно-этического обоснования счастья как наиболее характерным для российского менталитета.

В истории философской мысли вопросы морали в той или иной форме ставились и решались во всех сколько-нибудь известных концепциях счастья. В свою очередь, во всех этических теориях прошлого и настоящего присутствует тема счастья.

Однако присущая многим философским концепциям идея неразрывной связи счастья и добродетели (нравственности), в соответствии с которой мораль является необходимым условием и основанием счастья, как и наоборот, имеет много разных оттенков и вариантов решений. Подобная неоднозначность и даже противоречивость суждений и отдельных формулировок во многом объясняется разным пониманием авторами соответствующих концепций не только счастья, но и морали.

Если счастливая жизнь означает совершенную жизнь, как считал Спиноза вслед за древнегреческими стоиками, и если согласно им не существует другого совершенства, кроме морального, то счастье совпадает с нравственностью. В соответствии с этой логикой Спиноза и писал в «Этике», что счастье – «это не награда за добродетель, а сама добродетель». И наоборот, только благодаря добродетели, как утверждал, в свою очередь, П. А. Гольбах, человек может стать счастливым (Гольбах, 1963, с. 314).

Согласно представителям радикальной точки зрения на соотношение счастья и морали, счастливая жизнь одновременно является и морально совершенной жизнью. Стремясь к счастью как к своему

естественному состоянию, человек необходимо становится и добродетельным, поэтому нередко сама проблема счастья рассматривается как сугубо нравственная, а учение о счастье является одним из разделов этики.

Такой же радикальной точки зрения, но уже по другим основаниям придерживаются и представители этического гедонизма. Поскольку чувственные удовольствия признаются тем единственным началом, к которому люди стремятся ради него самого, моральные блага, если и признаются, то не сами по себе, а лишь настолько, насколько они способны увеличивать размер получаемых удовольствий. Счастье заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. Тем самым соотношение морали и счастья, точнее, морали и удовольствий сводится к простой и весьма упрощенной формуле: нет морали вне удовольствия. Более того, удовольствия и есть нравственность, благо и добродетель. В соответствии с такой логикой Дж. Локк писал, что мы называем благом то, что приносит нам удовольствие или уменьшает страдания.

Таким образом, в решении вопроса о соотношении морали и счастья многое зависит от того, как понимаются мораль и счастье. Причем в ряде концепций им придается примерно одинаковый смысл.

В отличие от этих крайних воззрений на соотношение морали и счастья большинство этиков, даже определяя мораль безотносительно к счастью и ее способности делать жизнь людей приятной и приносить им удовлетворение, тем не менее оказывались вынужденными признать, что эмпирически, по опыту и логике повседневной жизни подлинное счастье не может находиться в коллизии с моралью, не может быть по ту сторону нравственности и морального закона. Счастье возвышается и укрепляется добродетельной жизнью; с этим тезисом действительно трудно спорить. Можно быть несчастливым, будучи добродетельным, но нельзя быть по-настоящему счастливым, не будучи добродетельным. Французский просветитель Ламетри имел все основание написать в свое время следующее: «Какая это великая роскошь – творить добро, чувствовать радость от хороших поступков: кто добродетелен, благороден, человечен, чуток, милосерден, великодушен, тот испытывает такое удовлетворение, что я считаю, тот, кто не имел счастья родиться добродетельным, достаточно наказан уже одним этим» (см.: Татаркевич, 1981, с. 68).

Эта точка зрения представляется нам наиболее обоснованной и теоретически убедительной. И если она встречает иногда возражения, то чаще всего это связано с тем же зауженным и слишком упрощенным пониманием счастья, о котором уже говорилось. Ко-

нечно, глупо было бы отрицать тот бесспорный эмпирический факт, что радость, как и многие другие положительные чувства, испытывают не только люди честные, добродетельные, обладающие высокими моральными качествами. В чисто психологическом смысле быть довольными и наслаждаться жизнью, причем весьма для себя успешно, могут, несомненно, и совсем не безупречные в нравственном отношении лица. И Ламетри, безусловно, прав, когда в своих рассуждениях о счастье с огорчением писал о том, что на свете так много «счастливых негодяев». Но объективно по большому счету и в конечном итоге «счастье негодяев» вряд ли можно считать полноценным человеческим счастьем, способным принести его субъекту всестороннее и глубокое удовлетворение жизнью. Моральные истины можно не соблюдать, но «очистить» от них свое сознание психически нормальному человеку вряд ли под силу. Подобно Руссо и многим другим зарубежными и отечественным авторам, мы глубоко убеждены в том, что истинное счастье не может иметь безнравственных корней, строиться на злых и аморальных побуждениях и поступках, поэтому правомерно, на наш взгляд, говорить не только о подлинном, но и о мнимом счастье, о различных его суррогатах, иллюзиях и химерах, используя для этого понятие «псевдосчастье».

Нравственная составляющая счастья значит для его сути нечто гораздо больше, чем просто одно из условий или свойств. «Первое счастье – коли стыда в глазах нет», – утверждает русская пословица, выделяя приоритетность нравственного начала в представлениях о счастье над всеми другими (Даль, 1982). В определении счастья как благоденствия, которое приводится в словаре В. Даля и является в числе самых предпочтительных для русского православного сознания, также подчеркивается его нравственно-этическая сущность.

Следует отметить, что традициям нравственного определения счастья строго следовала и марксистская философия. Как писал в свое время А. Г. Харчев, уточняя морально-нравственные характеристики счастья, содержание его не ограничивается лишь случаями «морального удовлетворения, а имеет более широкий диапазон. Суть здесь в том, что через категорию счастья, как и через категорию добра, зла и др., этика имеет дело не с чистой моралью, а лишь с моральными аспектами сложных, „комплексных“ по своей природе явлений» (Харчев, 1973).

Другой известный специалист по вопросам марксистской этики Л. М. Архангельский рассматривал счастье в числе важнейших категорий этики, выражающих специфику нравственного сознания и наиболее существенные стороны нравственных отношений.

Счастье в самом общем виде определяется им «как более или менее устойчивая нравственная удовлетворенность человека, связанная с движением к идеалам и жизненным целям» (Архангельский, 1973, с. 17).

В свою очередь, А. С. Макаренко говорил о том, что при коммунизме «счастье сделается нашим нравственным обязательством» (Макаренко, 1958, с. 454). А поэт Н. Н. Асеев, своим творчеством «добывающий счастье» для людей, как подчеркивал это он сам, на вопрос «Что такое счастье?» с полной убежденностью и в соответствии с духом времени и ментальностью народа отвечает: «Соучастье в добрых человеческих делах…» (Асеев, 1982, с. 127).

Обобщая сказанное в отношении ценностных оснований счастья в связи с моралью и отвечая на традиционный для аксиологии вопрос о том, что из них «главнее» и является обоснованием другого, мы хотели бы сослаться на авторитетное мнение В. Татаркевича. Рассматривая и счастье и мораль суммирующими итогами человеческой жизни, он справедливо полагает, что каждая из этих категорий подводит баланс жизни по разному счету: «Один самый общий итог жизни подводится вопросом: была ли жизнь счастливой? Второй же вопросом: была ли она нравственной? И коль скоро существуют два замкнутых жизненных итога, то, естественно, человек хотел бы, чтобы они были в согласии между собой» (Татаркевич, 1981, с. 333).

Давний и все еще не решенный философско-теоретический спор о ценностной сущности и специфики счастья лишний раз свидетельствует о том, что на уровне высоких абстракций и предельных обобщений не всегда оказывается возможным опровергнуть или сделать убедительным для оппонента тот или другой тезис. Не разрешенным остается, по существу, и вопрос о том, является ли ценность счастья доминирующей и определяющей все остальные или такая главенствующая роль принадлежит ценностям любви, морали, пользы, самой жизни или чему-нибудь еще.

Дискуссии по этим вопросам возникают и в наши дни (Культура. Нравственность, Религия…, 1989). Однако мы не собираемся включаться в этот давний философский спор, тем более в такой общей постановке вопроса. Как известно, в отношении философских систем и так называемых «вечных», предельно общих вопросов, к которым в числе первых относится, конечно, и счастье, многое зависит от выбора исходных точек отсчета, от мировоззренческих установок и идейных позиций авторов этих систем. На то или иное их решение огромное влияние оказывают соответствующая им историческая

эпоха, особенности менталитета и общественных нравов страны, ее культурные и духовные традиции и т. д., которые бессмысленно опровергать или обвинять в научной неправомерности или некомпетентности. При ценностном подходе к пониманию и определению счастья наибольший интерес представляет для нас философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна, хотя в ней проблема счастья, как, впрочем, и ценности, не была выделена (и это вполне понятно в условиях тех лет) как отдельная научная проблема. Тем не менее многие аспекты этой проблемы, как и общий подход к ее разработке, были заложены в том комплексе философско-психологических идей о человеке, которые определили новаторский дух и гуманистическую направленность его учения.

К числу наиболее важных идей и категорий, пронизывающих всю концепцию личности С. Л. Рубинштейна и непосредственно связанных с проблемами счастья и ценности в их реальном соответствии, принадлежит категория «жизненных отношений», точнее, «отношений человека к жизни». Содержание этой принципиальной во всей его концепции категории необходимо включает в себя «переживания чего-то личностно значимого для индивида». Это личностно значимое и есть ценность, которая не противопоставляется исходному для Л. С. Рубинштейна принципу соотношения мира и человека в качестве первичной основы человеческих мотиваций и действий, а определяется и выводится из этого соотношения. «Ценности не первичны, – писал он. – Не с них надо начинать анализ: они производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека» (Рубинштейн, 1973, с. 369).

В этой связи он делает важный для нашего понимания ценностной специфики счастья вывод о том, что не стремление к «счастью» (к удовольствиям и т. д.) определяет в качестве мотива, побуждения деятельность людей, их поведение, а соотношение между конкретным побуждением и результатом их деятельности определяет их «счастье» и удовлетворение, которое они получают от жизни. Критикуя принцип гедонизма, при котором жизнь превращается «в погоню за удовольствиями», отвращающую человека от решения его жизненных задач, он высказывает принципиальную для нас мысль о том, что «чем меньше мы гонимся за счастьем, чем больше мы заняты делом своей жизни, тем больше положительного удовлетворения, счастья мы находим» (Рубинштейн, 1973, с. 369).

Другими словами, ценность счастья не в ее абстрактной сущности как самоцели самой по себе, оторванной от реального процес-

са жизни индивидов с ее постоянными изменениями, переоценкой жизненных позиций и установок, а в соотношении с тем, что «входит у человека в систему, иерархию значимого для него», определяя «содержательный мир внутри человека». Социально-психологический смысл и объективное основание счастья как «полноценного, радостного человеческого существования» и выражение «внутреннего бытия человека в его отношении к миру, к другим людям и т. д.» раскрываются С. Л. Рубинштейном в контексте формулируемых им идей о полноте этих отношений, об «осознании истинных масштабов того, за что мы боремся в жизни», об учете и реализации всех способностей и возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека и т. д.

Таким образом, в отличие от абстрактной постановки вопроса о ценностной сущности счастья как какого-то абсолюта, «бытия-в-себе» или как конечной, высшей цели человеческой жизни, которая просматривается не только в истории, но и в современной науке, С. Л. Рубинштейн переводит решение этой проблемы в плоскость конкретного анализа реальной диалектики «становления всей личной жизни человека» с присущими ей ценностными отношениями и «системой значимости». Ценностная специфика счастья выражается, на наш взгляд, не в том, занимает или не занимает оно главенствующие позиции в ценностной иерархии личности, играет или не играет верховенствующую роль, имеет или не имеет абсолютное и самодостаточное значение и т. д., а прежде всего в том, что счастье имеет итоговый, результирующий характер, является следствием реализации других ценностей и целей, значимых и важных для данной личности.

С позиций этой своей специфики счастье принадлежит к тем ценностям, которые достигаются тем успешнее, чем меньше о них заботятся и непосредственно к ним стремятся. Давно замечено и не раз высказывалась мысль о том, что искать надо не само по себе счастье как таковое, как самостоятельную и отдельную сущность, а нечто другое, что является важным и значимым в жизни людей и из чего это счастье вырастает. По мере осуществления этих конкретных значимостей и целей, в процессе стремления к ним человек «находит попутно» и свое счастье. И не только себя, но и других людей можно осчастливить, не ставя это в качестве специальной цели, а как бы параллельно и вместе с решением других жизненно важных задач. Не случайно в народных сказках наиболее счастливыми в конечном итоге оказываются те, кто меньше всего думал и заботился о собственном счастье, а занимался делом своей жизни, совершал

добрые и справедливые поступки. Очень правильно сказал об этом М. М. Пришвин: «Нельзя целью поставить себе счастье: невозможно на земле личное счастье как цель. Счастье дается совсем даром тому, кто ставит какую-нибудь цель и достигает ее после большого труда» (Пришвин, 1986, с. 306).

Представляется правомерным отнести счастье к тем феноменам психики, которые получили название «побочный продукт». Однако в отличие от большинства подобных феноменов счастье обладает специфическим интегрирующим эффектом, является результирующей самых разных переменных и факторов жизни. Любопытно отметить, что раньше профессиональных психологов счастье с побочным продуктом сравнил английский писатель и драматург Дж. Б. Шоу, а вслед за ним его использовал и уточнил О. Хаксли: счастье как побочный продукт возникает точно так же, как кокс при производстве металла (Мортон, 1956).

В рамках изложенного подхода представляется возможным конкретно-научное решение вопроса о ценностной специфике счастья, если включить его в предмет исследования ценностных ориентаций и ценностной структуры сознания личности. При проведении таких эмпирических и экспериментальных исследований акцент ставится уже не на проблеме счастья как ценности самой по себе в ее абстрактной и внеличностной сути, а на ценностном содержании и конкретных ценностях счастья реальной личности с их различными конфигурациями и индивидуально-типологическими характеристиками.

С этих теоретико-методологических позиций нами было проведено эмпирическое исследование, в котором проблема ценности счастья была переформулирована в конкретно-психологическую проблему репрезентации счастья в обыденном сознании и изучалась на уровне житейских представлений, знаний, образов, чувств и т. д. Для обыденного сознания – и это важно подчеркнуть – характерным является, прежде всего, то, что оно выступает преимущественно как эмоционально-оценочная и ценностная система личности, включающая как мудрость здравого смысла, так и «логику чувств» и опирается на опыт повседневной будничной жизни с ее мирскими заботами, каждодневно решаемыми житейскими проблемами и текущими делами. По форме организации и методическим разработкам проведенное нами исследование ценностных оснований и специфики счастья в структуре обыденного сознания пересекается с некоторыми имплицитными концепциями личности, прежде всего с исследованиями интеллекта, хотя по своему первоначаль-

ному замыслу и основным исходным позициям оно имеет самостоятельный характер.

В этой связи следует отметить, что ни в зарубежной, ни в отечественной психологической литературе нам не известны работы, посвященные неформальным (имплицитным) теориям счастья, в которых на эмпирическом и экспериментальном материале анализировались бы ценностное содержание и структура счастья в том его обыденном понимании, о котором мечтают и к которому стремятся люди в своей реальной повседневной жизни. Поэтому у нас не было, к сожалению, возможности (за очень небольшим исключением) сопоставить наши данные с результатами аналогичных исследований других авторов. В большинстве случаев в работах западных ученых, специализирующихся на проблематике счастья, вопросы его содержательно-мотивационного вектора и ценностной направленности специально не выделяются, не всегда учитываются и, как правило, недооцениваются.

На наш взгляд, такая недооценка явно ограничивает возможности и задачи психологических исследований счастья, поскольку главным для них оказывается не субъект счастья во всей полноте и реальности своих жизненных проявлений и отношений к миру, а только формальный фактор счастья и его диагностика. Тем самым из сферы анализа неправомерно выпадает целый пласт информации, имеющий нередко существенное значение для интерпретации полученных эмпирических данных. В этом убеждает и опыт наших собственных эмпирических исследований. Например, при исследовании проблемы счастья и его влияния на поведение и активность личности в трудных жизненных ситуациях (Джидарьян, 1997) мы столкнулись с фактами, которые трудно было объяснить, не привлекая к анализу мотивационные и ценностные ориентации личности как субъекта счастья. В частности, оказалось, что при выборе некоторых стратегий и способов совладающего поведения (coping behavior) решающее значение имеет не просто формальный показатель (фактор) счастья, но и его содержательно-мотивационный вектор.

Наши данные, как и многие другие эмпирические факты, свидетельствуют о большой значимости в психологической теории счастья проблемы его содержательно-ценностных оснований и о необходимости проведения соответствующих конкретных, теоретико-эмпирических исследований. Некоторые положения, связанные с теоретическим обоснованием такого подхода, были уже рассмотрены выше. Результаты проведенных за последние годы эмпирических исследований будут изложены и проанализированы ни-

же – частично в данной, а большей частью в трех последующих главах.

Таким образом, ценностная специфика счастья в ее соотношении с другими фундаментальными человеческими ценностями лежит не в плоскости решения вопроса о том, какая из них является ведущей и главной, имеет абсолютный смысл – счастье или, напротив, мораль, любовь, истина и т. д.? Такая постановка вопроса предполагает выявление, прежде всего, иерархических, «вертикальных» связей между ними в системе некоторой целостности. На наш взгляд, специфика счастья в ценностном сознании личности определяется иным типом связей и соотношений: счастье не столько «сосуществует» с другими ценностями человеческого бытия, сколько как бы содержится в них и «проходит» через все остальные, «высвечиваясь» этими ценностями, являясь результатом, «побочным продуктом» их реализации в процессе индивидуальной жизни. И чем полнее представлены и реализуются в жизни каждого человека его основные жизненные ценности, тем больше оснований у него быть и чувствовать себя счастливым и удовлетворенным жизнью.

Однако «объем счастья», если можно так выразиться, обычно не распределен равномерно по всем другим ценностям и не является некой фиксированной и постоянной величиной. Для каждого человека он индивидуален и может изменяться в процессе жизни. Этим «объемом» определяется счастье той или иной конкретной ценности в индивидуальном сознании. Иногда этот «объем» сосредоточен на какой-нибудь одной ценности, наиболее значимой для личности, в других случаях – на нескольких, причем более или менее пропорционально. В соответствии с этим говорят об узком или широком фундаменте счастья. Сказать однозначно, какой из них предпочтительней для достижения и субъективного ощущения счастья – узкий или широкий – не представляется возможным, поскольку здесь дополнительно включается множество других индивидуальных условий и личностных данных, учесть которые в общей форме совершенно не реально. Можно быть по-настоящему счастливым или, напротив, глубоко несчастным и в том, и в другом случае. Однако более привычным и распространенным, как свидетельствует практика жизни, является второй из них. И это понятно, поскольку люди в массе своей имеют разнообразные потребности и интересы, увлекаются одновременно разными делами: все это имеет прямое отношение к их ощущению счастья и общей удовлетворенности жизнью. Нереализованность одних может компенсироваться удовлетворенностью другими. Более существенным для характеристики счастья

является, на наш взгляд, не широта или узость его фундамента, а то, чем он реально заполнен, т. е. содержание тех ценностей и благ, которые лежат в его основании. И в зависимости от этого содержания счастье человека оказывается истинным или ложным, реальным или иллюзорным, возвышенным или низменным, достойным или недостойным человеческого призвания и смысла жизни.

Итак, в своих желаниях и мечтах о счастье люди имеют в виду и стремятся не к какому-нибудь счастью вообще, не к абстрактному идеалу, а только к такому, которое отвечает их собственным представлениям, сформированным на основе личного жизненного опыта. По своему содержанию и ценностным основаниям счастье, которого желают одни, может заметно отличаться от того, которого желают другие.

Что характеризует и отличает современные представления россиян о счастье? Что является для них наиболее общим, типичным? Каким ценностям отдается предпочтение, а какие, напротив, находятся на «периферии» обыденного сознания? И какие тенденции в развитии представлений о счастье просматриваются в современном российском обществе?

На эти вопросы мы и попытались ответить своим исследованием имплицитной концепции счастья в условиях постсоветского кризисного общества.

По данным многих опросов и конкретных психологических исследований, счастье в представлениях людей связывается, прежде всего, с терминальными ценностями (в терминологии М. Рокича), выражающими основные личностные убеждения, принципы и цели жизни. В то же время круг «причастных» к нему ценностей достаточно широк и затрагивает разные стороны бытия и мирочувствия человека, поэтому наиболее общая задача нашего исследования состояла в том, чтобы определить ценностную структуру счастья в обыденном сознании современного общества.

При определении задач данного исследования[1] мы исходили из предположения о том, что на уровне обыденного сознания существует некая эталонная система представлений о счастье, в соответствии с которой происходит оценка не только себя, но и других людей по критерию «счастливый-несчастливый». Задача состояла в том, чтобы: во-первых, выявить содержание и ценностную структуру этих представлений, их индивидуально-типологические особен-

1 В сборе и первичной обработке эмпирических данных принимала участие Е. В. Антонова (см.: Джидарьян, Антонова, 1995).

ности; во-вторых, соотнести эталонные (идеальные) представления о счастье с конкретным образом счастливого человека; в-третьих, определить целостный и, прежде всего, нравственно-психологический облик не только счастливого, но и несчастливого человека, каким он видится сквозь призму индивидуального сознания и обыденного опыта наших современников; в-четвертых, выделить гендерные различия по некоторым из обозначенным выше позиций. Обсуждению результатов двух последних задач посвящены две последующие главы.

В исследовании участвовало 94 человека: 43 мужчин и 51 женщина. Больше половины из них, а именно 54 человека – это студенты вузов, средний возраст которых не превышал 22 лет. Респондентов старше 40 лет было трое.

Методика

В соответствии с поставленными задачами нами было разработано три типа опросников, каждый из которых был предназначен для решения не только своих собственных проблем, но и для дополнения и уточнения результатов других.

Опросник № 1 был составлен таким образом, чтобы выявить концептуальные (идеальные) представления о том, что конкретно для каждого респондента означает счастье и имеет наибольшее значение для оценки себя как счастливого человека. Эти данные были основными для задач исследования, с которыми сопоставлялась, с помощью которых уточнялась и дополнялась вся эмпирическая информация. Опросник представляет набор из 16 утверждений-дескрипторов, раскрывающих разные стороны и аспекты счастья. При отборе и формулировании содержания каждого из этих утверждений мы опирались на два источника.

Во-первых, на результаты контент-анализа ответов 48 испытуемых на вопрос о том, как они понимают счастье и что, по их мнению, важно иметь, осознавать или чувствовать, чтобы быть счастливым человеком. Ответы на этот вопрос в форме свободных высказываний и в письменном виде были получены нами заранее, при проведении другого исследования, предшествовавшего этому (Джидарьян, Антонова, 1995). Сам по себе этот вопрос не имел непосредственного отношения к решаемым тогда задачам, но должен был представить нам необходимый материал для подготовки и проведения следующего исследования. Анализ ответов показал, что лишь в немногих случаях испытуемые ограничивались выделением только

одной какой-то мотивационно-ценностной позиции при обосновании счастья. Например, «достичь поставленных целей» или «просто радоваться жизни», или «иметь все, что хочу» и т. д. Что касается большинства ответов, то в них, напротив, счастье связывается одновременно с несколькими жизненными установками, начиная от желания добиться «хорошей успеваемости и успешной сдачи экзаменов», «иметь много разных и новых ощущений», «не испытывать материальных затруднений» и до возможности «чувствовать осмысленность своего существования, видеть реальную значимость и плоды своей деятельности» (Сергей, 18 лет, студент).

Несмотря на широкий разброс мнений и заметные различия в понимании счастья в ответах испытуемых были выделены некоторые наиболее типичные взгляды и представления о ценностных основаниях счастья, которые и легли в основу опросника № 1.

Во-вторых, при составлении этого основного для данного исследования опросника, кроме собственных эмпирических данных, были использованы также материалы многочисленных интервью, мемуарная и автобиографическая литература, публичные высказывания наших известных соотечественников о себе и о своей жизни, о пережитых ими состояниях радости и большого счастья, а также не менее горьких разочарований и страданий. Ценность всех этих высказываний и мемуаров не только в том, что они принадлежат авторитетным и заслуженным людям нашей эпохи, обладающих большим жизненным опытом и глубоким знанием человеческой психологии, но и в возможности на примере их конкретной судьбы и личной биографии увидеть реальные основания счастья в рефлексии сознания, соотнести определенные позиции и суждения о счастье с конкретными событиями и фактами жизни.

Кроме пунктов, непосредственно связанных с представлениями о счастье и счастливой жизни, в опросник № 1 были дополнительно включены самооценочная шкала счастья и два контрольных вопроса, направленных на уточнение некоторых личностных особенностей респондентов как субъектов счастья.

В отличие от первого опросника два других имеют персонифицированный характер, поскольку ориентированы не на выявление ценностей счастья в их эталонной (идеальной) представленности в сознании индивида, а в преломлении к личности реального человека. Они содержат определенный набор таких нравственно-психологических качеств и жизненных установок человека, на основании которых можно составить целостный облик как наиболее счастливого (опросник № 2), так и наименее счастливого человека (опрос-

ник № 3). Инструкция предоставляла респондентам возможность сделать самостоятельный выбор такого человека из числа своих реальных знакомых, в отношении к которому по 5-балльной шкале оценивался весь представленный набор личностных качеств (всего 32 наименования в каждом опроснике).

Наряду с первичной обработкой и контент-анализом эмпирических данных в исследовании были использованы и статистические методы, факторный анализ, на основе которого была определена ценностная структура счастья (опросник № 1) и структура личностных качеств счастливого (опросник № 2) и несчастливого человека (опросник № 3). Одновременно с факторным проводился и корреляционный анализ для установления связей между различными проявлениями счастья по всем трем опросникам. С целью уточнения гендерных характеристик счастья и определения значимых различий между представлениями мужчин и женщин использовалась процедура сравнения значений Т-теста для парных выборок.

Анализ результатов исследования показывает, что в системе представлений о счастье абсолютный приоритет принадлежит ценности любви («любить и быть любимым»), семьи («семейное благополучие, когда есть взаимопонимание и теплые отношения родных и близких») и радости жизни («умение радоваться жизни и тому, что имеешь»). Их средние показатели составили соответственно 3,70, 3,63 и 3,38 балла по шкале с диапазоном значений от 0 до 4. К этим трем наиболее значимым ценностям счастья непосредственно примыкают с минимальным отрывом друг от друга еще четыре, связанные, во-первых, с самореализацией (3,23); во-вторых, с ощущением полноты жизни и своих связей с другими людьми (3,21); в-третьих, с личностным ростом (3,20) и, наконец, в-четвертых, с потребностью смысла жизни (3,18). В самом опроснике эти ценностные позиции обозначены следующими утверждениями: «Сознание полноценности своего существования»; «Быть кому-то нужным и помогать другим»; «Возможность самореализации и самосовершенствования, развитие всех своих способностей»; «Видеть смысл жизни и следовать ему». Именно эти семь ценностных ориентаций личности образуют, по данным нашего исследования, «ядро» или высший иерархический уровень в содержательной структуре счастья и несут ее основную ценностно-смысловую нагрузку.

На уровне минимальных значений, напротив, определилась только одна позиция. Это фатализм, убеждение и вера в предопределенность личной судьбы и счастья (1,67). Самые низкие оценки фаталистических представлений по сравнению со всеми другими

дают основание говорить о том, что вопреки распространенному мнению наши соотечественники сегодня совсем не склонны полагаться на чудо, везение, благосклонность судьбы и удачного случая в вопросах счастья, а больше – на самих себя и собственные силы.

Оценочные рейтинги всех других восьми утверждений (из общего числа 17) определились на среднем уровне значимости. Причем четыре из них (называем в порядке убывания): «Наличие конкретных целей в жизни и их реализация»; «Человеческая порядочность и спокойная совесть»; «Способность управлять и быть «хозяином» собственной жизни»; «Материальное благополучие, возможность приобрести то, что пожелаешь» – заметно сдвинуты к полюсу верхних значений, а четыре другие, напротив, к нижнему. К этим последним относятся следующие позиции: «Поиск, устремленность в неизведанное, острота борьбы и радость одержанной победы»; «Душевное спокойствие, умиротворенность, внутреннее равновесие и гармония с самим собой»; «Престижная работа, успех, положение в обществе»; и, наконец, «Развлечения, удовольствия и наслаждения сегодняшнего дня».

Как видим, гедонизм и наслажденчество в ценностной структуре счастья получили достаточно низкие значения (2,48), которые уступают только фатализму как абсолютному «аутсайдеру» в этой иерархической структуре. В оценках гедонизма наши данные не подтверждают результатов некоторых социологических исследований последних лет, которые указывают на лидирующие позиции гедонистических установок в современном российском обществе, особенно в сознании и поведении молодежи (Сибирев, Головин, 1998).

И с этими утверждениями социологов трудно, конечно, спорить, поскольку многое в нашей сегодняшней жизни, в том числе и обычные житейские наблюдения, также свидетельствуют об усилении гедонистических тенденций. В то же время у нас нет оснований не доверять и собственным данным, тем более что сходные результаты получены и в некоторых других психологических исследованиях, в которых ранговый статус гедонистических ориентаций оценивается как достаточно низкий (Бубнова, 1998; Лебедева, 2000). Причину наметившихся расхождений с результатами социологов мы связываем с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что мы проводили исследование на разных выборках, так как у нас она была не чисто молодежной, а «смешанной». И, во-вторых, спецификой нашего исследования, его предметом были ценности счастья, а не сознания и поведения человека в целом, как у социологов, – и это представля-

ется наиболее существенным фактором различия. Психологические реальности этих структур не во всем, конечно, идентичны и по ряду параметров отличаются друг от друга.

Кроме гедонизма, не столь высокими, как это можно было ожидать, учитывая новые социально-нравственные и экономические отношения, сложившиеся в современной российской действительности с их духом соперничества и культом внешних престижных благ, оказались оценки такого фактора, как «престижная работа, успех и положение в обществе» (2,53). По значимости для счастья они, согласно нашим данным, пока еще уступают некоторым другим духовным ценностям и нравственным состояниям личности, в том числе и таким, как умиротворенность, душевное спокойствие, внутренняя гармония и согласие с самим собой (2,57).

Таким образом, счастье как ценностная структура сознания имеет четко выраженную ориентацию на ценностные предпочтения личности (любовь, семья, радость) и потребности самореализации, которые образуют как бы два ее вершинных образования. Специфика этой структуры в том, что представленные в ней ценности не распределены равномерно по двум полюсам значимости, а в большинстве своем тяготеют к полюсу верхних значений. Причем одна их половина представлена в зоне максимальных, а другая – средних значений и практически отсутствует, за одним лишь исключением – полюса наименьших значений.

Сопоставительный анализ мужской и женской выборок выявил ряд различий в представлениях о счастье по половому признаку. О них мы подробно будем говорить в 6-й главе. Здесь лишь отметим, что статистически значимые различия между ними обнаружились только по трем ценностям, которые выделились как самые главные и для всей выборки в целом: «Любить и быть любимым (любимой)», «Умение радоваться жизни» и «Семейное благополучие». Именно им наши женщины в своих описаниях счастья придают существенно более важную роль, чем мужчины.

Анализ ценностной структуры счастья, основанный на показателях средних значений балла, был в дальнейшем расширен и дополнен факторным анализом. Необходимость в нем диктовалось тем, что для задач исследования важно было определить не только доминантные, иерархические отношения между ценностными представлениями о счастье и соответствующее распределение их по уровням значимости (вертикальный срез), но и смысловые, содержательные связи, объединяющие их в отдельные блоки, или факторы (горизонтальный срез).

С этой целью была проведена факторизация опросника, позволившая определить его внутреннюю дифференциацию и смысловую структуру. После варимакс-вращения выделились шесть базисных фактора, на которые приходится 63% от общей дисперсии. Каждый фактор включает от 4 до 2 пунктов.

Первый фактор (20,8%) был назван «целесмысловым», поскольку ведущими для него стали такие ценностные установки, как «Иметь конкретные цели…» (0,72) и «Видеть смысл жизни…» (0,70). Одновременно с ними в этом факторе представлены еще две позиции: «Реализация себя как личности (0,66) и «Нравственная порядочность, чувство спокойной совести» (0,57). Это дает основание предположить, что в сознании наших респондентов целе-смысловая составляющая счастья выступает в одной связке с ценностями самореализации и нравственной зрелости.

Второй фактор (11%) однозначно определился как фактор «семьи и любви», включив в качестве основных ценностей «Семейное благополучие» (0,82) и «Потребность любить и быть любимым» (0,79). Самым интересным в содержании этого фактора показался нам тот факт, что семья и любовь объединились в нем с «Осознанием полноценности своего существования» (0,53). Поэтому можно предположить, что в обыденном сознании современного российского общества чувство полноценности жизни связывается не столько с понятиями смысла, духовности, самосовершенствования или с целями высокого общественного и гражданского звучания, как мы привыкли думать и как считалось еще совсем недавно, а с ценностями индивидуально-личностными, связанными с эмоционально-интимными, межличностными взаимоотношениями и семейной жизнью.

Третий фактор (9,1%) объединил, прежде всего, две позиции, имеющие материально-прагматическую направленность. Это, во-первых, «Успех, престижная работа, положение в обществе» (0,82) и, во-вторых, «Материальное благополучие, возможность приобрести то, что пожелаешь» (0,72). Прагматическую направленность имеет, на наш взгляд, и такая установка личности, вошедшая в этот фактор, которая выражается в позиции: «Мне важно, чтобы было не хуже, чем сейчас» (0,53).

Четвертый фактор (8,7%) правомерно назвать «фактором радости». С одной стороны, это «Просто умение радоваться жизни и тому, что имеешь» (0,71), а с другой, это особое позитивно-приподнятое состояние личности, связанное с «поиском нового, устремленностью в неизведанное и с риском одержанной победы» (0,66).

Пятый фактор (7,2%) ориентирован на ценности «Душевного равновесия, умиротворенности и внутреннего спокойствия» (0,78). Одновременно с ними в этот фактор вторым пунктом вошли и ценности гедонистического содержания, но с отрицательный знаком (0,61), выражая тем самым психологическую оппозицию душевному спокойствию и внутренней уравновешенности личности. Такая оппозиционная «связка» этих двух ценностей в одном факторе полностью согласуется с нашими теоретическими представлениями о гедонизме как особом нравственно-психологическом типе счастья, связанном со специфическими потребностями, установками и природными наклонностями человека.

Наконец, последний шестой фактор (6,2%) также представлен двумя пунктами, которые объединяет общность выраженных в них позиций и ценностных оснований. Во-первых, в нем отражена позиция человека сильной воли, «Сознающего ответственность за собственную судьбу, способного влиять на ход и события своей жизни» (0,70), для которого, во-вторых, важно не благополучие само по себе, не довольство наличным и тем позитивным, чем уже обладаешь на сегодняшний день, а важны принципиальная установка и стремление к тому, «Чтобы было лучше, чем сейчас» (0,59).

Итак, проведенное нами исследование дает основание сделать вывод о том, что ценностный подход в понимании и определении счастья является не только правомерным, но и наиболее адекватным применительно к структурам и формам счастья на уровне обыденного сознания. При ценностном подходе к проблеме счастья следует различать понятия «ценность счастья» и «счастье ценности». В отличие от самодостаточной и абстрактной сущности первого из них второе имеет реальный личностный смысл и может быть предметом конкретно-научного анализа и эмпирических исследований. Специфика счастья как ценности выражается в том, что оно содержится и как бы «проходит» через все другие ценности личности, «высвечиваясь» ими, являясь результатом, «побочным продуктом» их реализации. Тем самым традиционная проблема ценности счастья выступает как проблема ценностного содержания и конкретных ценностей счастья реальной личности с их различными конфигурациями и индивидуально-типологическими характеристиками.

Ценности счастья включают самые разные по психологическому содержанию и предметной направленности жизненные блага и духовно-нравственные ориентации, которые определенным образом соотнесены и структурированы в обыденном сознании. Ос-

нованием для этого структурирования выступает принцип значимости (иерархичности) и внутренние, содержательно-смысловые связи между отдельными ценностями. И чем полнее представлены и реализуются в жизни каждого человека его основные личностные ценности, тем больше оснований у него быть и чувствовать себя счастливым и удовлетворенным жизнью.

Глава 5

СЧАСТЛИВЫЙ И НЕСЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ОБРАЗАХ И ПРОТОТИПАХ СОЗНАНИЯ

По аналогии с известным суждением Л. Н. Толстого, что все счастливые семьи похожи друг на друга, можносказать, что не только семьи, но и все счастливые люди в чем-то похожи друг на друга. Это сходство подтверждается и данными многих современных психологических исследований, в которых выявлены значимые связи счастья с некоторыми личностными характеристиками человека.

В отношении этих связей за долгую историю развития проблематики и понятия счастья было высказано немало самых различных, в том числе и весьма противоречивых суждений. Одним из давних и наиболее распространенных представлений является убеждение в том, что счастье делает людей добрее, что счастье и добродетель неразрывны, так что счастливые люди даже «как бы испускают волны доброй воли: когда они входят в комнату, как будто зажигаются новые свечи» (Татаркевич, 1981, с. 330).

О неразрывной связи счастья и морали в ценностном аспекте мы уже говорили в предыдущей главе. Здесь нам важно подчеркнуть личностно-психологическую сторону этой проблемы, отражающую связь ощущения счастья с моральными качествами личности. На эту связь и единство обратил внимание еще Аристотель. «Для того, чтобы быть счастливым, – считал он, – надо быть добродетельным». С этим его утверждением были позднее полностью согласны и Спиноза, и Кант, и Фейербах, и Шеллер и многие другие известные мыслители. Счастье, утверждал в своей «Этике» Спиноза, – это не награда за добродетель, а сама добродетель, он был убежден, что только счастливый человек может жить нравственно. Эта давняя убежденность ученых в том, что счастье человека во многом зависит от его характера и личных качеств, что счастье обычно приходит к счастливому и не приходит к несчастливому, нашла свое конкретное подтверждение в целом ряде эмпирических

и экспериментальных исследований, проведенных за последние десятилетия. На их основе удалось установить и измерить многие частные зависимости, а не только общую связь счастья с моральным обликом человека.

В частности, в настоящее время считается достоверно установленным, как уже отмечалось ранее, наличие высоких корреляций между счастьем и такими характеристиками личности, как экстраверсия, самоуважение, чувство «внутреннего контроля», социабельность и коммуникативность, способность к саморегуляции и самоуправлению, склонность видеть светлую сторону действительности, а также организовывать и планировать свое время и др. Более того, на основании данных ряда исследований некоторые авторы считают возможным утверждать, что на долю личностных факторов приходится от 30 до 49% всех расхождений в мерах счастья (Diener, 1984, p. 551), хотя по условиям проведения этих исследований нельзя исключить и возможность влияния на эти показатели такого неличностного фактора, как стабильность условий существования респондентов. В то же время связь и влияние на счастье некоторых других параметров личности, к числу которых относятся, например, интеллект, память, импульсивность и др., прослеживаются менее четко, а иногда и вовсе отрицаются (Diener, 1984).

Тем не менее жизненные наблюдения и повседневный человеческий опыт прямо указывают на связь счастья с когнитивными структурами личности. На этот счет в русском фольклоре существует много пословиц и поговорок. Например, «Мудрецу и счастье к лицу», «Счастье без ума, что дырявая сума (что найдешь, и то потеряешь)» (Даль, 1882), в отношении не очень умного человека говорят, что «у него дурацкое счастье» или «дураку везде счастье» и др. Л. Н. Толстой, анализируя внутреннее состояние Пьера Безухова, когда он полюбил Наташу Ростову, приводит следующие рассуждения своего героя: «Я был тогда умнее и проницательнее, чем когда-либо, я понимал все, что стоит понимать в жизни, потому что… я был счастлив» (Толстой, 1981, с. 111).

Не только счастье, но и несчастье имеет, конечно, личностные проявления. Совершенно очевидно, что скверный характер, зависть, мнительность, ревность, трусость, грубость, несдержанность и т. д. и т. п. очень часто становятся причиной многих недоразумений, конфликтов и способны превратить жизнь человека в настоящую пытку. Как справедливо, хотя и в иронически-парадоксальной манере заметил известный ученый-психолог и психиатр П. Вацлавик, «на свете существует достаточно много людей, от природы наделен-

ных талантом самостоятельно мастерить свой маленький персональный ад» (Вацлавик, 1990, с. 10). Об этом таланте и различных других возможностях делать себя несчастным «без посторонней помощи» он написал целую книгу, быстро завоевавшую широкую популярность и всемирную известность. В остроумной манере, пародируя манеру изложения очень модных на Западе изданий типа «Как стать счастливым?», «В погоне за счастьем» и т. п., он описывает множество личностных способов и психологических механизмов «травить душу» себе и своим ближним по пустякам и без серьезных на то причин чувствовать себя глубоко несчастным.

Современными исследованиями установлено, что в своих оценках и восприятии окружающего мира несчастливые люди заметно отличается от счастливых. Они склонны заострять внимание на негативных сторонах жизни, делать пессимистические прогнозы и обобщения из единичных фактов, чаще испытывают чувство одиночества и явно недооценивают свои возможности как-то повлиять на неблагоприятные события и ход жизни.

В свою очередь, результаты воздействия на человека негативных событий, жизненных невзгод и несчастий, которые никого из нас, увы, не обходят стороной, во многом зависят от характера самой личности: одних они могут надломить, сломить, подавить волю, лишить надежды и т. д., у других, напротив, вызвать необычную вспышку духовности, усилить потребность в идеале. На эту психологическую закономерность обратил внимание Гегель, когда писал, что сильный, героический и цельный характер не страшится взять на себя вину в отличие от тех, кто всегда пытается обвинить в своих бедах и несчастьях кого-то другого. Высшие натуры, говорил он, способны «вынести в себе всю боль противоречий и победить ее» (Гегель, 1968, с. 187).

Слова немецкого мыслителя имеют множество жизненных подтверждений. Отечественная история, в частности, знает яркие примеры героических поступков русских женщин эпохи декабризма. А раньше жен декабристов, мужественно последовавших за своими мужьями в далекую сибирскую ссылку, была менее известная Е. Рубановская, свояченица А. Радищева. Несмотря ни на какие препятствия, она присоединилась к нему в ссылке, оказав неоценимую поддержку и разделив трагическую судьбу вольнодумца, посвятившего себя «для пользы отечества» (Лотман, 1994).

Основываясь на предположении, что счастливые люди в чем-то похожи друг на друга и поэтому отличаются от тех, кто менее счастлив и удачлив в своей жизни, и обобщив многочисленные житейские

наблюдения, литературные данные и эмпирические факты, В. Вильсон уже в наше время попытался нарисовать психологический портрет счастливого человека. Это, по его мнению, «физически здоровый, высокообразованный и преуспевающий молодой человек. Он (она) экстровертирован, оптимистичен, не обременен заботами и тревогами, религиозен, женат, обладает высоким чувством самоуважения и трудовой морали, характеризуется умеренными желаниями и широким интеллектуальным кругозором» (Wilson, 1987, p. 294).

В психологической литературе по проблеме счастья и субъективного благополучия личности встречаются и другие «типовые портреты» счастливого человека, но вот найти описание собирательного образа несчастливого человека нам пока не удалось.

Приведем еще одну любопытную зарисовку обобщенного портрета счастливых людей, основанную на результатах детального обследования группы студентов-мужчин, оценивающих себя как людей вполне счастливых: «Общественный автопортрет девяти счастливых мужчин, представляющий их как в состоянии депрессии, так и в состоянии подъема являл образ теплой, дружески расположенной и открытой личности, комфортной в близких взаимоотношениях, добросовестной, изобретательной, способной воспринимать вещи такими, какими они являются в действительности, и далекой от пессимизма» (Wessman, Ricks, 1966). Авторы исследования показали также, что студенты, считающие себя счастливыми людьми, имели более широкий опыт приятных межличностных взаимоотношений по сравнению с несчастливыми и лучше справлялись со своими обязанностями. Их не покидало оптимистическое убеждение в положительном исходе намерений и поставленных целей, сознание осмысленности деятельности, что приносило им значительное удовлетворение.

Однако все известные нам описания и характеристики личности счастливого человека имеют своим основанием эксплицитные концепции счастья. Имеются в виду концепции, которые разрабатываются учеными на основе их собственных наблюдений, теоретического анализа, логических умозаключений с необходимым привлечением имеющихся эмпирических и экспериментальных данных, которые косвенным, опосредованным путем дают им возможность раскрыть определенный типаж, составить социально-психологический портрет того или иного человека. В отличие от эксплицитных теорий перед нами стояла несколько другая задача – реконструировать образ не только счастливого, но и несчастливого человека, основанного на представлениях и оценках обыденного сознания,

на опыте повседневной жизни людей и их непосредственного общения друг с другом.

В своем исследовании имплицитных концепций счастья мы исходили из нашей основной исследовательской гипотезы о том, что счастье как ценностная структура сознания выступает не только в форме идеальных представлений, своеобразного эталона, включенного в оценочные системы личности, но и в форме прототипов, олицетворяющих эти представления в образах конкретных людей из реальной жизни.

Изначально, априори мы, конечно, не обладаем никаким конкретным образом человека, наделенным определенным типом характеристик. Образы, в которых предстает перед нами человек, порождены нашим повседневным житейским опытом, бытующими традициями, обычаями, «обиходными» (А. М. Панченко) формами культуры, заложенными в нас «архетипами», коллективным бессознательным, знаниями и чувствами, почерпнутыми из самых разных областей жизни.

Насколько эти две формы обыденного сознания – представления о счастье и их олицетворение в конкретном образе счастливого человека из реальной жизни – совпадают друг с другом? И если они не совпадают, что представляется вполне логичным, то в чем состоят эти расхождения и чем они объясняются?

Для ответа на эти и подобные им вопросы были проанализированы данные, полученные по опросникам 2 и 3, о которых мы уже говорили в предыдущей главе. Сами опросники включали не только характеристики человека как личности, его социально-нравственные и другие качества, но и некоторые более широкие жизненные установки и особенности образа жизни в целом. Это давало возможность сопоставить результаты по этим опросникам с данными первого опросника и тем самым определить некоторые расхождения или, напротив, совпадения, связанные с «реальным» и «идеальным» счастьем. Эти соотношения представлены в таблице 1.

Придерживаясь уже принятой ранее схемы анализа, использованной применительно к опроснику 1 (см. выше), мы попытались прежде всего выделить основные доминирующие качества личности как счастливого, так и несчастливого человека и представить в соответствии с ними общую характеристику и эмоциональную тональность этих образов в восприятии оценивающего их лица. Далее определялась факторная структура обоих опросников, на основании которой проводилось описание и сопоставление личности в каждой из этих двух групп людей по базисным факторам.

Самыми значимыми, а следовательно, и наиболее типичными для счастливого человека оказались такие характеристики, как Общительность (3,47) и Доброжелательность (3,40). Непосредственно за ними высоко оцениваются также Оптимизм (3,28), Готовность прийти на помощь (3,28), Уверенность в себе (3,22), Уровень притязаний (3,22), Порядочность (3,18), Целеустремленность (3,14), Благополучие в семье и личной жизни (3,13), Ощущение смысла жизни (3,04). Самыми низкими оценками, напротив, были отмечены Религиозность (1,78), Скромность (2,20), Привычка жить сегодняшним днем (2,27). К этому же ряду нетипичных качеств правомерно отнести и Стремление к внешнему успеху, престижность, а также Прагматичность. Наиболее любопытным в характеристике «счастливых» показался нам тот факт, что они не отличаются сколько-нибудь заметно от всех других людей тем, что принято называть «везением», «удачливостью», «благосклонностью судьбы» (2,32). Кроме того, по отношению к ним, как считают наши испытуемые, нельзя сказать, что «многое дается им легко и без больших усилий». Скорее, наоборот, «в жизни они всего добиваются сами».

Таким образом, в вопросе о фатализме, связанном с предопределенностью судьбы и счастья, концептуальные (идеальные) представления о счастье, о которых говорилось в предыдущей главе, и суждения о счастливом человеке в реальной жизни полностью совпадают, поскольку и в том, и в другом случае фатализму придается примерно равное и одинаково низкое значение (см. таблицу 1).

В отличие от перечисленных большинство других личностных качеств счастливых людей, представленных в соответствующем опроснике, являются умеренно выраженными и оцениваются на среднем уровне значимости (2,50 балла и выше). К ним относятся чувство справедливости, потребность самореализации и самосовершенствования, материальный достаток, способность идти на риск, физическое здоровье, образованность и эрудированность, разносторонность интересов, в том числе любовь к искусству.

Оценивая характеристику личности счастливого человека в целом, можно сказать, что в ней четко выражена тенденция к завышению оценок по большинству пунктов опросника (см. таблицу 1).

При описании несчастливого человека имеет место прямо противоположная тенденция, связанная не с завышением, а, наоборот, с некоторым занижением оценок также по большинству пунктов опросника. Для сравнения отметим, что средние показатели у несчастливых распределились от 2,68 до 1,50 балла, в то время как у счастливых они составили 3,47 и 1,78. Причем, если у счаст-

Таблица 1

Показатели средних значений основных ценностных установок счастья по всем трем опросникам с диапазоном значений от 0 до 4 балла

	Представления о счастье		**Счастливый человек**		**Несчастливый человек**	
1а 1б	Любить и быть любимым Семейное благополучие	3,70 3,63	Благополучие в семье и личной жизни	3,13	Благополучие в семье и личной жизни	1,50
2	Видеть смысл жизни и следовать ему	3,18	Видит смысл жизни	3,04	Не видит смысл жизни	1,94
3	Быть порядочным человеком и не испытывать «угрызений совести»	2,96	Порядочный Честный Справедливый	3,18 3,00 2,96	Честный Справедливый	2,34 2,17
4	Материальное благополучие, возможность приобрести то, что пожелаешь	2,74	Материально обеспеченный	2,68	Материально обеспеченный	2,07
5	Иметь конкретные цели и активно действовать для их реализации	2,71	Целеустремленный Настойчивый Хочет многого достичь	3,14 2,96 3,22	Живет без определенных целей Настойчивый	2,12 2,23
6	Важны успех, престижная работа, положение в обществе	2,53	Стремление к внешнему успеху и престижу	2,46	Нацелен на успех	2,15
7	Иметь развлечения, жить радостями и наслаждениями сегодняшнего дня	2,48	Любитель повеселиться, испытать все удовольствия жизни	2,94	Любитель повеселиться, приятно провести время	2,36
8	Везение, судьба, фортуна, а не собственные страдания и усилия	1,67	Удачливый: многое в жизни дается ему легко и без лишних усилий	2,32	В жизни не везучий	2,14

ливых почти половина пунктов опросника превышает 3-балльную оценку, то у несчастливых ни один из них не достигает этого показателя Такое различие в механизмах оценивания «счастливых» и «несчастливых» дает нам основание предположить, что образ счастливого человека представлен в структурах обыденного сознания ярче, определеннее, чем несчастливого. И это понятно, если учесть, что счастливые люди больше выделяются из своего окружения, они более заметны и интересны для других, их личность и жизнь притягивают внимание своей привлекательностью и заманчивостью, успешностью дел, являясь часто примером для подражания, объектом неизбежных сопоставлений и сравнений с самими собой.

Согласно рейтинговым значениям основных ценностей счастья, которые обсуждались в предыдущей главе, в описании несчастливых людей также самые низкие значения получил пункт «Благополучие в семье и личной жизни» (1,50). Напомним, что в системе представлений о счастье любовь и семья имеют высший ценностный приоритет, и он подтвердился, как видим, при оценивании несчастливых людей как самых неблагополучных в личной и семейной жизни. В то же время в отношении счастливых людей эта закономерность не выявилась столь четко. В оценке их личности, как отмечалось выше, на первое место выдвинулись не любовь и семья, а такие «инструментальные» (М. Рокич) ценности, выражающие черты характера, как Общительность и Оптимизм. К этим двум ведущим характеристикам личности счастливого человека непосредственно примыкают Целеустремленность, Доброжелательность, Уверенность в себе и Желание многого достичь в жизни. И хотя Благополучие в семье и личной жизни по уровню значимости также занимает у них верхние позиции, лишь незначительно уступая самым главным ценностям, но приоритетного значения они все-таки не имеют. Поэтому в данном случае можно говорить о «разрыве» между концептуальными (идеальными) представлениями и их реальным воплощением в жизни, поскольку даже у тех людей, которые воспринимаются и оценивается как самые счастливые, ценности любви и семейной жизни не реализованы в полной мере. Это, пожалуй, один из самых нереализованных идеалов счастья в нашем современном обществе.

Кроме «семейного и личного благополучия» (1,50) очень низкими показателями оцениваются у несчастливых людей их религиозность (1,69), беспечность (1,87), а также – и это важно подчеркнуть особо – потребность смысла жизни (1,91) и чувство оптимизма (1,96). Все эти характеристики и личностные качества, выявленные в нашем исследовании как самые нетипичные для образа несчастливого

человека, в целом соответствуют, за исключением, пожалуй, только религиозности, традиционным представлениям, в том числе и тем, которые отмечаются в зарубежных исследованиях.

Менее традиционным выглядит другой ряд качеств, относящийся к наиболее типичным и ярко выраженным характеристикам и чертам их личности. Среди них на первом месте оказались доброта (2,68) и трудолюбие (2,59), т. е. наиболее важные и социально привлекательные качества в нравственном облике человека вообще. Кроме них, в число лидирующих на третью позицию выдвинулась и такая черта характера, как Общительность (2,53). Высокая оценка чувства общительности при характеристике образа несчастливого человека стала для нас неожиданностью, поскольку Общительность, как и экстраверсия в целом, обычно относится к характеристике счастливых людей, являясь для их личности самой выраженной чертой характера (Аргайл, 1990, с. 68). И с этим нельзя не согласиться, тем более что это полностью подтверждается и результатами нашего исследования, которые уже приводились в связи с образом счастливого человека. Общительность действительно является ярко выраженной и, возможно, самой типической чертой счастливой личности. Но это не означает, что она является и тем главным признаком, который отличает счастливых людей от несчастливых. Понятия «самый выраженный» и «самый отличительный» не всегда и не обязательно совпадают друг с другом. Этому утверждению противоречат наши данные, поскольку не только счастливые, но и несчастливые люди, согласно этим данным, являются достаточно общительными, хотя и в менее выраженной степени. Тем не менее различия между этими двумя группами людей действительно существуют, но относятся они, как будет показано ниже, не столько к общительности, сколько к другим чертам и свойствам их личности.

Кроме трех вышеназванных, относительно высоко оцениваются у несчастливых людей и такие человеческие качества, как общая образованность, эрудированность и внешняя красота. В отношении красоты и физической привлекательности следует заметить, что более привычно связывать их с образом счастливого, чем несчастливого человека (Аргайл, 1990, с. 172), хотя по результатам нашего исследования, им придается примерно одинаковая значимость.

Что касается большинства других качеств, по которым оценивалась личность несчастливого человека, то их правомерно отнести к группе умеренно выраженных характеристик, хотя в целом они имеют показатель значимости несколько ниже среднего (2,50) в отличие от счастливых, у которых он, напротив, несколько выше.

В этой группе самые низкие значения имеют (называем по возрастанию): эгоистичность (2,01), материальный достаток (2,07), физическое здоровье (2,10), наличие вредных привычек (2,14), а также целеустремленность (2,15), невезучесть (2,14), ориентация на успех (2,15), а выше – гедонистические установки (2,36), привычка жить сегодняшним днем (2,27), включая и такие черты характера, как обидчивость и ранимость (2,28), осторожность и боязнь риска (2,36), конфликтность (2,17) и др.

Приведенные характеристики личности счастливого и несчастливого человека и их сопоставительный анализ по всем трем категориям качеств (зонам значимости) дают возможность ответить и на вопрос о том, какие из этих характеристик особенно отличают одних людей от других. Прежде всего, к ним относятся чувство оптимизма и связанная с ним вера человека в лучшее будущее. Кроме оптимизма, счастливые люди отличаются от менее счастливых уверенностью в себе, целеустремленностью, наличием смысла жизни, наконец, благополучием в семейной и личной жизни. Самыми «нейтральными» с этой точки зрения, т. е. в равной мере характеризующими как одних, так и других, являются религиозность, скромность, привычка «жить сегодняшним днем», романтизм, осторожность, боязнь риска и др. Что касается других характеристик, в том числе и таких, которые обычно принято относить к факторам счастья, а именно материальный достаток, удачливость и везучесть, образованность и эрудированность, внешняя красота, гедонистические установки и др., то они не определились достаточно четко в этом качестве. Тем не менее их оценки у счастливых людей действительно являются несколько более высокими, чем у несчастливых, как, впрочем, и большинство других.

Таким образом, результаты исследования показывают, что на уровне обыденного сознания и практики повседневной жизни образ несчастливого человека не связывается с какими-либо чертами социальной ущербности или личностной непривлекательности. Скорее, наоборот, ему приписываются высокая нравственность и социально-этическая зрелость. И в целом он воспринимается как человек добрый, трудолюбивый, достаточно скромный и справедливый; у него нет сколько-нибудь выраженного чувства эгоизма и беспечности, тем более привычки «грести жар чужими руками». И только готовность на «самопожертвование ради долга и высокой цели» оценивается достаточно низко (2,10).

Насколько объективны эти оценки и насколько представленный на их основе нравственно-психологический облик несчастливого

человека соответствует действительности, сказать с полной уверенностью мы, конечно, не можем. Однако не вызывает сомнений тот факт, что характеристика этих людей является в целом доброжелательной и сочувственной, в ней нет выраженных проявлений негативизма, тем более социального остракизма (неприятия), которые нередко отмечаются западными исследователями в их странах.

Об этой особенности русского менталитета мы уже писали, анализируя культурно-исторические традиции, связанные с представлениями о счастье в самосознании нашего народа (Джидарьян, 1997). Продолжая разработку этой темы, нам важно было иметь конкретные эмпирические данные, способные подтвердить или не подтвердить, а главное – дополнить и уточнить эти представления применительно к современной российской действительности и ее гражданам.

С этой целью в настоящем исследовании было предусмотрено специальное задание: испытуемым предлагали не только вспомнить и описать самого несчастливого, на их взгляд, человека, но и охарактеризовать чувства, которые он у них вызывает. Аналогичное задание выполнялось и по отношению к счастливому человеку.

Исследование показало, что первое задание оказалось более сложным, чем второе. Так, если трудности с выбором счастливого человека возникли только у троих испытуемых, то уже 18 испытуемых, или 17% из их общего числа, не смогли вспомнить несчастливого человека, хотя при этом большая их часть охарактеризовала чувства, которые вызывает у них несчастливые люди вообще.

Можно было бы, конечно, попытаться объяснить заметную сложность первого задания по сравнению со вторым просто тем, что счастливых людей в нашей жизни больше (или они в большей степени представляются окружающим такими, что в данном случае не играет принципиальной роли), чем несчастливых, поэтому вспомнить и описать первых оказывается проще и легче, чем вторых. Возможно, так оно и есть. Однако вопрос задания был умышленно сформулирован в такой форме, чтобы минимизировать возможное влияние фактора численного преимущества одних людей над другими на результаты ответов, если это влияние действительно существует. Испытуемым представлялась большая свобода выбора в том смысле, что они должны были назвать человека, который представляется им наиболее несчастливым по сравнению с другими знакомыми, а не в соответствии с какими-то заданными параметрами и критериями оценки. Понятно, что при такой формулировке задания расширялись возможности и условия выбора, и оно не должно было вызвать серьезных затруднений у испытуе-

мых. И поскольку они все-таки возникли, то мы склоны связывать их не столько с объективными, сколько с субъективными причинами. Главная из них, на наш взгляд, коренится в той же самой закономерности, о которой мы уже говорили, высказав предположение, что образ несчастливого человека недостаточно четко отрефлексирован в структурах обыденного сознания и является эмоционально менее значимым, внешне хуже «узнаваемым». Анализ содержания ответов на поставленный вопрос показал, что в наибольшей степени несчастливый человек вызывает чувства сострадания и сочувствия (44,%). Причем многие хотели бы оказать ему какую-нибудь помощь, в частности, поддержать морально или посодействовать в конкретных делах (28,%). Нередко в ответах высказывается и осуждение (18%), которое чаще всего мотивировалось тем, что эти люди сами виноваты в своей несложившейся жизни. И лишь очень немногие сказали, что испытывают чувство презрения и личную неприязнь или что этот человек им в принципе безразличен, так что у них нет к нему каких-либо определенных чувств (6%). В то же время в ряде случаев испытуемые указали на свои самые теплые отношения, связанные с чувствами любви и симпатии к человеку, которого они считают несчастливым. Более того, высказывались даже желания быть на него похожими, поскольку он обладает рядом привлекательных, с их точки зрения, личностных качеств (8%). Надо также отметить, что отношение к несчастливому человеку часто включает в себя сочетание самых разных чувств. Например, вместе с сочувствием отмечается не только уважение и желание чем-то помочь, но и жалость, страх, сожаление, а при осуждении указываются также чувства раздражения, сострадания и т. д.

При определении эмоционального отношения к счастливому человеку акцент был сделан на чувствах симпатии и подражания. Высшую степень проявления этих чувств отметили 20,8%, умеренную – 41,5% из тех 91 испытуемых, которые предварительно смогли назвать такого человека. В то же время 28,6% из них сказали о своем нейтральном к нему отношении, а 6,6% выразили даже чувство негативизма и полного личного неприятия. Все эти данные, как и содержательный анализ многих ответов, дают основание сделать вывод о том, что хотя у большинства людей личность счастливого человека и вызывает чувство симпатии и желание подражать ему, но говорить об его идеализации, тем более о некой героизации его образа было бы не совсем верно.

При выборе счастливого и несчастливого человека четко проявляются особенности, связанные с половой дифференциацией.

Однако о них мы будем подробно говорить в следующей главе, специально посвященной различиям в понимании счастья мужчинами и женщинами. Здесь укажем лишь на один феномен, известный в литературе как «половой симметризм», когда предпочтение отдается лицу своего пола.

По результатам нашего исследования, при выборе конкретного счастливого или несчастливого человека пол последнего чаще всего соответствует полу того, кто осуществляет этот выбор. Причем это относится к выбору как счастливых, так и несчастливых людей. Так, 73% мужчин из числа испытуемых отдали предпочтение мужчинам, в то время как только 27% из них выбрали на эту роль женщину. Приблизительно такие же пропорции определились и в женской выборке: в числе счастливых и несчастливых людей ими было названо 70% женщин и только 30% мужчин.

Для получения более полной картины представлений о счастливых и несчастливых людях в обыденном сознании дополнительно была проведена факторизация обоих опросников.

По результатам этой факторизации в каждом из опросников определилось 8 базисных факторов, на которые приходится соответственно 67,1% (для счастливого) и 60,6% (для несчастливого человека) общей дисперсии. Приведем все факторы полностью, выделив для них соответственно две отдельные параллельные колонки. В каждом факторе представлены лишь те пункты опросников, факторный вес которых превышает величину 0,50.

При сравнении двух представленных выше колонок факторов, сгруппировавших личностные характеристики счастливого и несчастливого человека, не сразу заметны различия между ними. И эти различия в конечном итоге не представляются достаточно существенными. Впрочем, принципиальных различий на уровне факторного анализа мы и не ожидали, поскольку оба опросника включали примерно одинаковое число личностных характеристик и ценностных ориентаций человека, хотя часть из них имела, конечно, свою специфику и была сформулирована несколько иначе. Тем не менее при внимательном рассмотрении и сопоставительном анализе содержания каждого из этих факторов обнаруживаются отдельные расхождения между ними не только по смыслу конкретных факторов, но и по их общему порядку и внутренней структуре некоторых из них. Отметим наиболее значимые, на наш взгляд, расхождения.

С точки зрения намеченных различий выделяется, прежде всего, первый фактор в колонке для образа счастливого человека. Он наиболее информативный и содержит в себя пункты, характеризу-

Таблица 2

Факторная структура опросника 2 и опросника 3 в их сопоставлении

Счастливый человек (опросник 2)		Несчастливый человек (опросник 3)	
1-й фактор (29,4%)		1-й фактор (14%)	
– целеустремленный	0,72	– честный	0,68
– самосовершенствующийся	0,72	– трудолюбивый	0,65
– видит смысл жизни	0,66	– справедливый	0,64
– обладает разносторонними интересами	0,66	– добрый	0,61
– творческий	0,60	– скромный	0,54
– образованный, эрудированный	0,58	– любит «грести жар чужими руками»	0,53
– интересуется и любит искусство	0,58		
2-й фактор (11,4%)		2-й фактор (11,5%)	
– честный	0,82	– живет сегодняшним днем	0,73
– готов прийти на помощь	0,80	– имеет вредные привычки	0,56
– справедливый	0,63	– живет без определенных целей	0,55
– порядочный	0,56	– беспечный	0,53
3-й фактор (6,7%)		3-й фактор (8,6%)	
– стремится к внешнему успеху и престижу	0,82	– настойчивый	0,81
– любитель повеселиться, испытать все прелести и удовольствие жизни	0,71	– нацелен на успех	0,81
– внешне красивый	0,65		
– материально обеспеченный	0,57		
– хочет многого достичь	0,54		

4-й фактор (4,9%)		4-й фактор (7,4%)	
– настойчивый – уверенный в себе – в жизни всего добивается сам	0,69 0,61 0,54	– любитель повеселиться, приятно провести время – общительный – физически здоровый – осторожный, боится пойти на риск	0,82 0,80 0,58 0,50
5-й фактор (4,1%)		5-й фактор (5,8%)	
– трудолюбивый – ответственный, обязательный – скромный	0,67 0,63 0,56	– в жизни невезучий – обидчивый, ранимый – не видит смысла жизни	0,75 0,74 0,62
6-й фактор (3,9%)		6-й фактор (5%)	
– религиозный – живет сегодняшним днем – многое в жизни дается ему легко и без всяких усилий – романтик, идеалист	0,64 0,64 0,60 0,57	– романтик, максималист – благополучен в семье и личной жизни	0,58 0,55
7-й фактор (3,4%)		7-й фактор (4,4%)	
– оптимистичный – общительный	0,71 0,54	– конфликтный – оптимистичен, надеется на лучшее	0,73 0,57
8-й фактор (3,3%)		8-й фактор (4%)	
– благополучен в семье и личной жизни – прагматичный	0,76 0,52	– внешне красивый – образованный, эрудированный	0,71 0,62

ющие субъекта по таким двум важным параметрам, как целесмысловые ориентации и самосовершенствование личности, включая эрудированность, творческие и интеллектуальные характеристики. В колонке для несчастливого человека аналогичного или даже близкого к нему по объему и информативности фактора, как видим, нет. Нет в ней в качестве самостоятельного и такого фактора, как «оптимизм–общительность», который четко выделился для счастливого человека.

В свою очередь, в списке факторов для несчастливого человека (правая колонка) не симметричным или «непарным», т. е. специфическим, не имеющим соответствующего аналога в левой колонке, оказался второй фактор. Он представлен такими личностными характеристиками, как беспечность, вредные привычки, бесцельность существования и др., которым при описании облика человека придается обычно отрицательный смысл.

При сопоставлении факторной структуры обоих опросников, выявляется еще одно любопытное различие. Оно касается фактора «благополучие в семейной и личной жизни», который выделился в самостоятельный фактор в каждом из опросников, но с разным «дополнением». Так, если для счастливого человека его вторым дополнительным пунктом выступает прагматизм, то в отношении несчастливого человека им оказывается совершенно противоположная личностная черта – романтизм, максимализм. Напрашивается предположение, что в представлениях обыденного сознания именно эти последние личностные качества человека мешают семейному благополучию, которого больше всего, как отмечалось выше, не хватает несчастливым людям. В то же время в соответствии с этой логикой прагматизм, напротив, ему способствует.

Подведем некоторые общие итоги по поставленным здесь проблемам.

На уровне обыденного сознания счастье проявляется в двух основных формах. Первую из них образуют концептуально-житейские (идеальные) представления о счастье, вторую – конкретные образы счастливого и несчастливого человека из реальной жизни.

Основу житейских представлений о счастье составляют преимущественно «терминальные», в то время как образов – «инструментальные» ценности (по классификации М. Рокича). Ведущая роль среди этих форм принадлежит идеальным представлениям, которые проецируются, конкретизируются и дополняются живыми образами и прототипами сознания или, выражаясь иначе, персонифицируются.

В содержании этих форм существует не только много общих черт, но и различия. Основное расхождение между ними проявляется, прежде всего, в отношении ценности любви и семейного благополучия, а наибольшее совпадение по низкой значимости для достижения счастья и при характеристике людей такого фактора, как везение, судьба.

Главное, что отличает счастливого от несчастливого в оценках и восприятии окружающих людей, – это чувство оптимизма, а также целеустремленность и уверенность в себе. Кроме того, в обыденном сознании образ последнего менее четок, несколько смазан, хуже «узнаваем» и чаще связывается с женским полом, чем образ счастливого человека. В то же время счастливые и несчастливые люди не являются полярными типами по большинству характеристик и практически не отличаются по своим основным социально-этическим качествам.

Глава 6

СЧАСТЬЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Современная психология все решительнее освобождается от традиций «бесполой» науки, которые были характерны для нее раньше. Однако определение «бесполая», которым мы вслед за другими авторами воспользовались, чтобы подчеркнуть факт игнорирования учеными разных областей знаний проблемы психологических различий между мужчинами и женщинами, не совсем точно выражает суть дела, поскольку наука по существу была в прошлом не столько «бесполой», сколько «однополой», ориентированной по преимуществу на лиц «мужской принадлежности». Она выражалась в том, что выводы и обобщения в большинстве случаев делались относительно мужского пола, как если бы ему и в самом деле принадлежало исключительное право выражать собой весь род Homo Sapiens и представлять «человеческую норму» в целом. На протяжении многовековой истории развития науки всеобщее оказалось на полюсе мужчин, частное, особенное и малозначимое на полюсе женщин. И предпочтение, как правило, отдавалось мужскому полу, с которым чаще всего идентифицировался человек вообще.

В этой «маскулинной» ориентации психологической науки, как, впрочем, и всех других наук о человеке, нет ничего удивительного. Тем более нет здесь и какого-либо злого умысла ученых. Это лишь закономерное проявление того испокон века установившегося миропорядка, при котором все важнейшие позиции и роли во всех сферах общественной жизни закрепились за мужчинами. Поэтому они и позволяют зачастую говорить о себе «мы», а о женщинах «они». Причем говорят чаще всего много нелестного, как о существах чуть ли не второсортных и мало на что пригодных. И под влиянием этих давно бытующих в обществе представлений о женщине, как не только слабой, но и низшей по развитию половине человечества, в разное время оказывались многие известные мыслители,

придавая этим представлениям от своего имени как бы статус научности (Кант, Шопенгауэр, Ницше, Фрейд, Кречмер, Гальтон, Мейер, Липман и др.).

Показательна в этом отношении юмореска А. П. Чехова «О женщинах», в которой писатель попытался в шаржированной форме выразить все те мнения и оценки, на которые обычно любят ссылаться мужчины в своих разговорах о женщинах. Приведем несколько выдержек из нее, и все станет ясно без комментариев.

«Женщина с самого сотворения мира считается существом вредным и злокачественным, – этими словами начинает свою юмореску писатель, сразу же задав обличительный тон нравственно-психологическому портрету женщины. Она стоит на таком низком уровне физического, нравственного и умственного развития, что судить ее и зубоскалить над ее недостатками считает себя вправе всякий, даже лишенный всех прав прохвост и сморкающий в чужие платки губошлеп…

Ум женщины никуда не годится. У нее волос долог, но ум короток; у мужчин же наоборот…

Логика женщин вошла в поговорку… Изучать науки женщина не способна. Это явствует уже из одного того, что для нее не заводят учебных заведений. Мужчины, даже идиот и кретин, могут не только изучать науки, но даже занимать кафедры, но женщина – ничтожество ей имя!.. Ужасно не развита! Творческих талантов у нее – ни капли. Не только великое и гениальное, но даже пошлое и шантажное пишется мужчинами, ей же дана от природы только способность заворачивать в творения мужчин пирожки и делать из них папильотки.

Она порочна и безнравственна. От нее идет начало всех зол. В одной старинной книге сказано: „Женщина – это молот, которым дьявол размягчает и молотит весь мир“ (*лат.*)…

Отечеству женщина не приносит никакой пользы. Она не ходит на войну, не переписывает бумаг, не строит железных дорог, а запирая от мужа графинчик с водкой, способствует уменьшению акцизных сборов…

Короче, она лукава, болтлива, суетна, лжива, лицемерна, корыстолюбива, бездарна, легкомысленна, зла… Только одно и симпатично в ней, а именно то, что она производит на свет таких милых, грациозных и ужасно умных душек, как мужчины. За эту добродетель простим ей все ее грехи. Будем к ней великодушны все, даже кокотки в пиджаках и те господа, которых бьют в клубах подсвечниками по мордасям» (Чехов, 1984, с. 113–115).

Прочитав эти строчки, невольно хочется воскликнуть: неужели с этими уничижительными характеристиками женщинам пришлось жить и мириться на протяжении столетий!

Конечно, это юмореска. Конечно, писатель иронизирует по многим позициям. Но разве не просматриваются здесь устойчивые стереотипы и укоренившиеся где-то в глубинах сознания мнения и оценки в отношении женщин? Причем все эти стереотипы и представления зародились не вчера и не сегодня: у них очень давние традиции и прочные основания, так что стало даже казаться, что по-другому и не могло, и не должно было быть. Но это уже другая и специальная тема, выходящая за рамки нашего исследования.

Ситуация с «неравноправием полов» как объектов исследования стала заметно выпрямляться в последние десятилетия XX столетия, когда в науках о человеке была выделена и «узаконена» женская проблематика и вопросы отношений между полами. Произошло это не без влияния, конечно, самого женского движения за свои права и свободы, которое с середины 1960-х годов охватило все развитые страны Запада и вызвало волну феминистских взглядов и настроений во всем мире. В то же время включение вопросов пола в научную проблематику конкретных исследований отвечало и собственным интересам науки, ее объективной потребности в комплексном и всестороннем изучении человеческого сообщества во всех его ипостасях, в том числе мужском и женском проявлениях. Как справедливо подчеркивает в своей работе по истории русской культуры Ю. М. Лотман, выделивший проблему женского влияния как специальный предмет исследования, «женская культура – это не только культура женщин. Это особый взгляд на культуру, необходимый элемент ее многоголосья» (Лотман, 1994, с. 73). Это многоголосье выражается, в частности, в том, что в отличие от «мужского взгляда», который подчеркивает в человеке его поступки, то, что он совершил, «женский взгляд» – то, что он мог бы совершить, но утратил или совершил не полностью. Кроме того, уточняет автор, мужской взгляд прославляет сделанное, женский – скорбит о несделанном.

Ранее других проблема половых различий как предмет специального научного исследования была выделена в работах антропологов, дав толчок своим примером многим другим наукам. Вслед за ними эта проблема начинает изучаться в соответствующих аспектах также историками, социологами, правоведами и, конечно, психологами.

Сегодня накоплен большой эмпирический материал о психологических различиях между мужчинами и женщинами, связанных с закономерностями их личностного развития и самореализации

в жизни, с асимметрией социализации мальчиков и девочек, с гендерными характеристиками в сфере эмоций, межличностных отношений, мотивации достижения, уровня притязаний, когнитивно-познавательных процессов, способностей и др. Предметом особого внимания зарубежных и отечетсвенных ученых стала в последние годы и проблема женской самореализации – особенности жизненного пути и личности женщин, успешно реализующих свои способности и призвания.

При объяснении психических различий между мужчинами и женщинами многие ученые с полным основанием ссылаются на особенности их воспитания и подготовки к жизни в раннем возрасте, когда создаются разные «миры», в которых потом «живут» взрослые девочки и мальчики. Условия воспитания девочек в большей степени способствуют развитию у них чувства зависимости, и поэтому они склонны реагировать на неприятности и неудачи жизни в пассивной, а не наступательной и агрессивной манере, как мужчины. В дальнейшем эти качества в сочетании с более низким (сравнительно с мужчинами) статусом могут вызвать депрессию. В процессе воспитания девочки, как показывают конкретные исследования, находятся в тесном контакте со своими матерями, что в итоге рождает большую чувствительность к потере такого контакта в более поздний период жизни; этот фактор может усугубиться недостаточной социальной поддержкой со стороны мужа, высокой вероятностью овдоветь и трудностями, возникающими в случае развода (Аргайл, 1990, с. 243).

В этой изначальной зависимости самочувствия женщин от эмоциональных контактов, межличностных взаимоотношений и связей, формируемых с детства, следует искать причины того, почему женское счастье, по всеобщему признанию, оказывается более ситуативным и изменчивым по сравнению с мужским.

В гендерных исследованиях последних десятилетий, выполненных преимущественно западными учеными, содержатся также интересные данные по вопросам счастья и удовлетворенности жизнью, раскрывающие ряд важных отличий в их проявлениях у мужчин и женщин. Эти данные уточняют, дополняют давно бытующие в обществе мнения об особенностях «мужского» и «женского» счастья, а иногда даже в чем-то расходятся с ними.

Счастье и пол (Gender) как особые конструкты социума и культуры глубоко связаны между собой по нескольким основаниям. По глубине и фундаментальности этой связи счастье уступает, пожалуй, только чувству любви, которое непосредственно порождено половой

дифференциацией людей и во многом определяется их характеристиками. В свою очередь, благодаря любви и через нее счастье тоже оказывается максимально приближенным ко всему тому, что связано с половыми различиями и характеристиками людей и дает основание говорить о «мужском» и «женском» счастье.

В ценностном обосновании счастья любовь имеет приоритетные позиции. Для многих людей, особенно в молодом возрасте, любовь – не просто фактор или источник, а суть счастья. «Счастье есть дело двоих», – одним из первых выразил эту точку зрения Пифагор, и в дальнейшем она получила широкую поддержку у многих мыслителей, поэтов, писателей и, конечно, у всех влюбленных.

«Поверь мне, счастье только там, где любят нас, где верят нам», – писал М. Ю. Лермонтов. А. П. Чехов, со своей стороны, посчитал нужным несколько уточнить эту формулу счастья, поставив акцент на субъекте любви: «…но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим» (Чехов, 1988, с. 34). Этот субъектный момент любви был важен и для К. Бальмонта в его лаконичной строчке: «Кто любит, счастлив».

Не только счастье, но и любовь, в свою очередь, очень часто определяется через счастье, поскольку смысл ее – делать людей счастливыми. Любовь, как давно заметил Фома Аквинский, означает желание сделать счастливыми других.

Любовь действительно является важнейшим источником самых больших радостей и переживаний счастья. Из всех происходящих в жизни событий влюбленность, как правило, имеет самую высокую положительную планку. Об этом свидетельствуют, в частности, данные, которые приводит на основании своих исследований Майкл Аргайл. Из составленного им списка наиболее существенных положительных ситуаций выше всего, с точки зрения влияния на «счастье, удовлетворение или благополучие» оценивается состояние влюбленности. По своей положительной значимости оно стоит выше таких событий, как женитьба или помолвка, рождение ребенка, выздоровление после тяжелой болезни, продвижение по службе и т. д. (Аргайл, 1990, с. 44). Более того, для многих чувство любви нередко занимает все ценностное пространство счастья, как, например, у девушки, которая написала: «Я летаю на крыльях любви… Я счастлива. Мне хорошо и спокойно. Мне просто. Меня любят, и я люблю… Вот и все».

Трудно согласиться с рассуждениями Н. Г. Чернышевского о будущем обществе, в котором все будут счастливы, потому что не будет мужчин и женщин, а будут только люди. Возможно, Н. Г. Чернышев-

ский прав только в том отношении, что в этом счастливом обществе, о котором он мечтал и которое виделось ему на пути становления человеческой целостности и сближения полов, у людей не будет всех тех страданий и несчастий, которые несет с собой неразделенная любовь. А он, видимо, сам прошел через муки любви и знал цену этим страданиям, если мечтал видеть будущих людей, свободными от всех тех разочарований и злосчастий, которых не удается избежать ни одному влюбленному в нашей земной жизни.

А муки любви по глубине и тяжести переживаний порой действительно не поддаются никакому сравнению. Не случайно А. Шопенгауэр назвал бога любви Амура злым божеством, которому хотелось бы разрушить целый мир, перевернуть все вверх дном (Шопенгауэр, 1898). С любовью связаны не только величайшие пики радости и счастья, но и глубочайшие боль и трагизм. Она дает не только крылья, но и заковывает в цепи, приносит бесконечные разочарования. Она деспотична и предъявляет к личности высокие требования и жертвы. Э. Фромм в работе «Искусство любви» верно заметил, что вряд ли существует на свете что-нибудь другое, что начиналось бы с такими огромными надеждами и ожиданиями и все же постоянно терпело крах, как любовь. А М. Цветаева выразила жертвенность этого чувства в своих поэтических строчках: «Любовь – это все дары, все в костер и все даром».

И все же светлая, возвышенная сторона любви по своей значимости и последствиям для жизни человека, как свидетельствует общечеловеческий опыт, несомненно, перевешивает все те отрицательные переживания и муки, все те разочарования и потери, которые содержит теневая сторона любви. Страницы любви со всеми ее тревогами, разлуками, изменами, неопределенностями и горькими раздумьями вспоминаются обычно как самое счастливое время жизни. «Любовь сама по себе – благо и счастье, если даже она не взаимна», – убежден герой рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет» Желтков, и этой безграничной силой любви пропитана каждая страница этого рассказа. Отметим, что романтические взгляды Н. Г. Чернышевского о целостности будущего человечества[1] перекликают-

1 Эти взгляды были весьма популярны в эпоху европейского романтизма. О необходимости преодоления половой дифференциации человечества Ф. Шлегель писал следующее: «Что может быть отвратительнее, чем преувеличенная женственность; что может быть противнее, чем преувеличенная мужественность, а ведь они господствуют в наших нравах, в наших мнениях, даже в лучших творениях нашего искусства... Характер полов никоим образом не следует далее преувеличивать,

ся с воззрениями древних о перволюдях как обоеполых существах (андрогинах). О них Платон в «Пире» устами Аристофана говорит следующее: «…они сочетали в себе оба пола – мужской и женский; кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько и рук…». Согласно описанию Платона, эти первые люди были невероятно сильны и Зевс, боясь, как бы они не посягнули на самих богов, подумав, решил разрезать их пополам.

«И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, – продолжает рассказ платоновский Аристофан, – каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине… Вот с какой древности свойственно людям любовное влечение, которое, соединяя прежние половины, пытается создать из них единство и тем исцелить человеческую природу» (Платон, 1965, с. 140).

С тех давних пор, добавим мы, и существует поверье, которое было весьма популярно в европейской морали до начала XX в., что у каждого человека где-то в мире есть его «половина», только ему предназначенный избранник, которого надо найти для своего личного счастья.

О том, что этот поведанный Платоном миф не плод больной фантазии одного человека, а некие более общие размышления и устремления человечества, говорит тот факт, что сходные идеи содержатся и в Книге Бытия (Адам изначально сотворен «мужчиной и женщиной», и лишь затем Ева извлекается из его собственного тела, частью которого она до этого была), а также в Талмуде, у гностиков и т. д.

В своем возражении Н. Г. Чернышевскому мы бы хотели сослаться на Платона, он говорит о природе любви как о стремлении людей вернуться к своей изначальной цельности, отвергая при этом, конечно, идею первоначального бесполового человеческого единства. Если иметь «в виду вообще всех мужчин и всех женщин», уточняет свою мысль древнегреческий мыслитель, то «наш род достигнет блаженства тогда, когда… каждый найдет соответствующий себе предмет любви, чтобы вернуться к своей первоначальной природе». И только это, как справедливо утверждает Платон, «сулит нам прекрасное будущее, ибо сделает нас тогда счастливыми и блажен-

но, напротив, смягчать их посредством сильного противовеса… Только мягкая мужественность, только самостоятельная женственность наделены подлинностью, истиной и красотой… На деле мужественность и женственность, как их обычно понимают, суть опаснейшие помехи для человечности» (Самосознание европейской культуры…, 1991, с. 128).

ными, исцелив и вернув нас к нашей изначальной природе» (Платон, 1965, с. 144).

В этой связи нельзя пройти мимо одной, давно замеченной особенности переживания глубокой любви в реальной жизни, когда между влюбленными как бы стираются границы, исчезают всякие барьеры и возникает чувство цельности и неразрывности друг с другом. На этот удивительный психологический феномен любви указывает Л. Н. Толстой, описывая состояние влюбленного в Кити Левина, когда он понял, что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Она была он сам. Этот же феномен выделяет в своих философских размышлениях и Гегель: «Истинная сущность любви состоит в том, – писал он, – чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом „я" и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собой» (Гегель, 1940, с. 107).

Непосредственная соотнесенность счастья с половой дифференциацией людей составляет, на наш взгляд, одну из специфических особенностей счастья по сравнению со многими другими человеческими ценностями, для которых эти связи и соотношения не имеют столь существенного значения. В гендерных характеристиках счастья выделяется их женская составляющая, доминирует женское начало. Более того, счастье – это, пожалуй, одна из немногих, человеческих ценностей, которая персонифицирована и имеет свой архетипический образ в глубинах человеческого сознания. И таким олицетворенным символом, архетипом счастья во многих культурах и у многих народов выступает женский образ.

Для обоснования данного тезиса сошлемся на источники, которые с разных сторон подтверждают его правомерность.

По словам Н. Г. Чернышевского, счастье в древней мифологии представлялось как женщина с длинной косой, развеваемой впереди ее ветром, несущим эту женщину; легко поймать ее, пока она подлетает к вам, но пропустите один миг – она пролетит, и напрасно погнались бы вы ловить ее: нельзя схватить ее, оставшись позади. Невозвратен счастливый миг. Не пропустить благоприятную минуту – вот высочайшее условие житейского благоразумия. Н. Г. Чернышевскому важно было подчеркнуть, конечно, не тот факт, что счастье олицетворяется в глубинах народного самосознания именно в образе женщины, как это важно в данном случае для нас, а его мимолетность, случайность. Счастье в соответствии с приведенным им образом – это только неожиданный миг удачи, который бывает раз в жизни, да и то случается не у всех людей.

Генрих Гейне приводит подобное описание, придав понятиям счастье–несчастье женские черты. Однако, если счастье у него выступает в образе красивой легкомысленной девушки, которая приласкает, поцелует, а потом непременно убежит, то несчастье, наоборот, сравнивается с пожилой женщиной, которая никуда не спешит, привязывается основательно и спокойно сидит рядом.

И Чернышевский, и Гейне в этих поэтических описаниях счастья, почерпнутых из представлений и образов своих народов, перекликаются с древним мифами, в которых идея счастья и удачи идентифицируется с богиней Фортуной (у римлян) и Тихе (у греков). Отметим в этой связи и важное для нашего анализа различие в персонификациях счастья и любви в соответствующих мифах. В отличие от счастья любовь и в римской, и в греческой мифологии ассоциируется, прежде всего, с мужскими божествами – Амуром и Эротом и лишь во вторую очередь с Венерой и Афродитой. Кроме того, они, как известно, олицетворяли собой не только любовь, но также и красоту, являясь одновременно богинями садов, плодородия, вечной весны и жизни. Что касается счастья, то его представляют только образы женских богинь, причем Фортуна первоначально была символом материнства и покровительницей женщин (Мифологический словарь, 1991, с. 575).

Это лишний раз подтверждает наш общий тезис о преобладающем значении женского начала в представлениях о счастье, и этим счастье отличатся от многих других человеческих ценностей, в том числе и от наиболее близкой к нему любви.

Наконец, В. Татаркевич в качестве распространенного житейского факта говорит о бытующем в обществе под влиянием писателей мнении, что счастье – это преимущественно женская проблема. Согласно этим утвердившимся взглядам, мужчины в своем большинстве не проявляют большого интереса к счастью: редко думают и размышляют о нем, часто не имеют понятия и желания его познавать. «В их глазах, – пишет В. Татаркевич, – счастье – это негативное и бесцветное состояние, которое принимается во внимание и оценивается только после познания несчастья» (Татаркевич, 1981, с. 285).

Иначе обстоит дело с женщинами. Для них счастье – не какая-то сентиментальность или забава, а очень серьезная и близко к сердцу принимая проблема, то, в чем они по-настоящему нуждаются. Поэтому о счастье они не только мечтают, но и часто думают, пытаясь разобраться в секретах его достижения в реальной жизни и овладеть ими.

В. Татаркевич говорит обо всех этих различиях не как о научно установленных фактах, а лишь как о взглядах писателей, с которыми он, однако, готов полностью согласиться. Мы можем опереться в своих выводах и рассуждениях на данные и наблюдения собственных конкретных исследований. Анализ ответов наших испытуемых на вопрос о том, «что для вас лично означает счастье и как вы его понимаете?», выявил подобные различия между мужской и женской выборками. Все ответы мужчин отличались краткостью, лаконичностью, а некоторые содержали замечания типа: «А вообще-то я не очень понимаю» или «А знать, что такое счастье, вовсе не обязательно» и т. д.

Напротив, женские ответы были более подробными, отрефлексированными и содержательными, порой даже лиричными и очень личностными, как если бы они уже не раз задумывались об этом и неоднократно сами себе задавали эти вопросы. И не было ни одного случая уклонения от ответа.

Ко всему уже сказанному добавим и такой немаловажный факт, что счастье – это по преимуществу женская тема в искусстве и литературе. Именно через конкретный женский образ поэты, писатели, художники, скульпторы и т. д. предпочитают выражать свои представления и мысли о счастье человеческого бытия.

Не только по своему отношению к счастью разтличаются мужчины и женщины, но и по своему восприятию и оцениванию его. Рассмотрим некоторые из этих особенностей.

Прежде всего, интерес представляет вопрос об их удовлетворенности жизнью и ощущении себя счастливыми. Одинаково ли счастливы мужчины и женщины? И совпадают ли их собственные оценки и то, как их оценивают другие?

Современные исследования западных авторов не фиксируют заметных различий между мужчинами и женщинами по уровню удовлетворенности жизнью и счастья. При этом обычно ссылаются на солидное исследование, проведенное в Англии в 1982 г., в ходе которого испытуемым (30426 человек) был задан вопрос относительно их удовлетворенности жизнью в прошлом. Полученные данные показали, что в целом мужчины и женщины удовлетворены примерно в равной степени. Однако имеются данные другого анкетного опроса, проведенного Уотсоном, которые показали, что в этот период мужчины считали себя более счастливыми, чем женщины. Опрос также показал, что женатые счастливее холостых (Татаркевич, 1981, с. 160).

На российской выборке данные о том, что мужчины в среднем больше, чем женщины удовлетворены тем, как сложилась их жизнь,

приводятся по результатам исследования К. Муздыбаева, о котором мы уже достаточно подробно говорили раньше. Одновременно с этим результатом им были получены также данные о том, что удовлетворенность жизнью и ее смыслом полнее выражена не только у женатых мужчин, но и у замужних женщин по сравнению с незамужними (Муздыбаев, 1981).

Если в целом по уровню удовлетворенности жизнью мужчин и женщин западные психологи больших различий не отмечают, то эти различия становятся гораздо заметнее при сочетании пола с возрастом. Согласно зарубежным данным, женщины, не достигшие 30 лет, а иногда и более старшего возраста (до 45 лет), особенно если у них нет детей, чувствуют себя счастливее мужчин своего возраста. В то же время существуют данные, свидетельствующие о том, что с годами ощущение счастья у мужчин повышается, а у женщин, наоборот, снижается и начиная с 55 лет и выше мужчины более счастливы, чем женщины (Medley, 1980; Spaemann, 1977). Представители слабого пола чувствуют себя наиболее счастливыми в молодом возрасте, во всяком случае, до рождения детей. Специальные исследования также показывают, что с возрастом люди по-разному оценивают свою удовлетворенность жизнью и ощущение счастья. Пожилые люди чаще указывают на свою удовлетворенность жизнью и реже говорят, что они счастливы. По результатам наших исследований наблюдается несколько иная эмпирическая закономерность в оценке своего счастья мужчинами и женщинами, чем отмеченная выше.

Для измерения общей удовлетворенности жизнью и счастья нами были адаптированы к условиям российской выборки, во-первых, специальная шкала по измерению общей удовлетворенности жизнью («Satisfaction With Life Scale» – SWLS), разработанная и валидизированная американским психологом Э. Динером с соавт., и, во-вторых, методика по измерению счастья («Happiness Measures» – HM) другого известного американского специалиста по этой проблеме М. Фордайса.

Отметим, что средние значения по показателям общей удовлетворенности и счастья на нашей российской выборке значительно уступали тем, которые были получены в исследованиях американских психологов. Быть гораздо более счастливыми и удовлетворенными жизнью у жителей США есть, конечно, больше объективных оснований, чем у современных россиян. Показателен, например, такой факт, что 12% жителей Нью-Йорка не видят в своей жизни никаких проблем (Ценности массового сознания…, 1989). У каждого россиянина сегодня их, к сожалению, больше чем достаточно.

Что касается мужчин и женщин (американские авторы такие данные не приводят), то средние показатели по результатам нашего исследования, и по параметру счастья, и по параметру общей удовлетворенности жизнью у женщин выше, чем у мужчин[1]. При этом у женщин они были выше на несколько единиц и по другим личностным характеристикам, связанным со смысложизненными ориентациями человека как субъекта счастья, которые фиксировались в соответствии с тестом смысложизненных ориентаций (СЖО), который был использован нами в исследовании. На основании этих данных можно говорить о том, что женщины, принимавшие участие в нашем исследовании, в большей степени, чем мужчины, считают свою жизнь осмысленной, нацелены в будущее, воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и в известной степени продуктивный. Они более склоны чувствовать себя субъектом собственной жизни, личностью, обладающей достаточной свободой выбора, способной контролировать ход событий и выстраивать линию жизни в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

Полученные нами результаты по методике смысложизненных ориентаций (СЖО) хорошо согласуются с данными о том, что женщины одновременно чувствуют себя и более удовлетворенными жизнью как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне. Так, среднее значение показателя общей удовлетворенности по шкале SWLS у женщин – 20,75, в то время как у мужчин – 17,51 (при max – 35). Равным образом и показатели эмоционального восприятия счастья (НМ) у них выше, чем у мужчин (соответственно 58,23 и 48,70 при max 100).

Эти результаты отдельно проверялись на группе студентов, где испытуемые мужчины и женщины были примерно одного возраста, принадлежали к одной социальной группе, т. е. соблюдались условия гомогенности выборки. И снова средние величины по вышеприведенным показателям у женщин превышали аналогичные средние показатели у мужчин.

---

1 Такая же тенденция, причем даже более четко выраженная, отмечается также в одной из работ В. К. Вилюнаса. По его данным. женщины оказались счастливее мужчин на уровне значимости $p<0,05$ (отметим, однако, что предметом его исследования было не само по себе счастье в строгом смысле слова, а эмоциональные характеристики жизни в целом). Он также пишет о том, что женщины получают в познании ($p<0,01$), общении ($p<0,05$), а также в трудовой, бытовой и эстетической деятельности (незначимо) больше по сравнению с мужчинами эмоционального удовольствия (Вилюнас, 1997).

Конечно, результаты нашего локального исследования не дают оснований для широкомасштабных и категоричных выводов о возрастающей роли женщины в условиях современного российского общества, когда она более решительно начинает заявлять о себе во всех сферах жизни, становится активней, уверенней, чаще проявляет инициативу и берет ответственность на себя. В то же время мы не склонны по этой причине и преуменьшать значение выявленной нами тенденции, за которой стоят вполне реальные процессы современной жизни. Более того, они подтверждают предположение других ученых о том, что мужчины в большей степени, чем женщины, подвержены отрицательным последствиям нашего глубокого социального кризиса: они более болезненно переживают все его тяготы и невзгоды, острее чувствуют давление внешних неблагоприятных обстоятельств и психологически оказываются менее защищенными в условиях неопределенности, социальных разрывов и потрясений, ломки нравственных ориентиров, смещений ценностных шкал и перспектив развития.

Отмечая несколько более высокие субъективные показатели женской удовлетворенности и счастья по сравнению с мужской (причем это просматривается по всем трем нашим эмпирическим исследованиям), мы в то же время столкнулись с одним любопытным феноменом. Этот феномен и его парадоксальность заключаются в том, что вопреки собственным субъективным ощущениям женщины со «стороны», в глазах окружающих воспринимаются и оцениваются более низко по шкале счастья и удовлетворенности жизнью, чем мужчины, т. е. кажутся более несчастливыми, чем они сами о себе думают. Другими словами, имеется явное расхождение между тем, как оценивают себя сами женщины, и тем, как их оценивает ближайшее окружение.

Существование этого расхождения подтверждается и другими материалами исследования. Дело в том, что в соответствии с программой исследования испытуемых просили вспомнить и описать личность наиболее несчастливого, на их взгляд, человека в реальной жизни. Анализ ответов показал, что на эту роль предпочтение с явным преимуществом отдается женскому полу, причем независимо от того, кто осуществляет этот выбор – мужчины или женщины. Один из наших испытуемых весьма эмоционально и прямо выразил эту общую позицию, сказав, что «большинство женщин несчастны, и их нужно осчастливливать». Так же думают и многие другие российские мужчины: «Я часто езжу в метро, смотрю на женщин вокруг меня, – делится своими впечатлениями один из них, – и вижу

на их лицах безнадежность». Эти житейские наблюдения наших мужчин подтверждаются и конкретными цифрами исследования. Так, среди несчастливых было названо 72,2% женщин и только 27,8% мужчин, т. е. почти в 2,5 раза чаще женщины сегодня воспринимаются своим ближайшим окружением как более несчастливые, чем мужчины.

Чем объяснить этот парадоксальный феномен современного российского самосознания, мы пока достоверно не знаем, хотя некоторые свои предположения высказать, конечно, можем. По-видимому, здесь срабатывают, с одной стороны, стереотипы русской ментальности, глубоко укоренившиеся в массовом сознании представления о тяжелой женской доле на протяжении всей долгой российской истории, которая объективно нисколько не изменилась за последние годы. С другой стороны, в сознании женщины произошли явные изменения, поскольку у нее острей проявляется потребность чувствовать себя более уверенной и самостоятельной в жизни, желание и умение постоять за себя, быть активным членом общества, что, возможно, не всегда заметно со стороны, но что ей самой прибавляет внутренней удовлетворенности.

В отношении пола лица, выбираемого на роль счастливого человека, явных расхождений по этому основанию не выявляется, хотя женщин среди счастливых все равно больше, чем мужчин, но уже в соотношении 55% (жен.) и 45% (муж.). Однако это расхождение представляется нам вполне естественным, учитывая, например, демографический фактор численного преимущества женского населения в современном обществе.

Исследования показывают, подтверждая некоторые житейские наблюдения, что мужчины и женщины имеют разные источники удовлетворенности жизнью и счастья. Основными источниками или факторами счастья для мужчин (по данным зарубежных авторов) являются преимущественно материальное положение и работа, а для женщин – дети и благополучие семьи. Однако здесь наблюдаются и некоторые более тонкие предпочтения и различия. Это относится как к работе, так и к браку.

В отношении работы специальные исследования показывают, что женщины большее значение придают условиям труда (когда работа связана с проявлением индивидуальности, самостоятельности и с разнообразием профессиональных навыков) и человеческим отношениям. Кроме того, женщины в целом менее болезненно реагируют на потерю работы, за исключением тех случаев, когда они являются основными кормильцами в семье. Они также более

стойко переносят потерю работы своими мужьями. Мужчины чаще женщин высказывают низкую удовлетворенность своим заработком (Аргайл, 1990, с. 72).

Что касается брака и семейных отношений, то хотя одинокие люди в целом менее счастливы, чем те, кто состоит в браке, это различие с большей отчетливостью выступает в отношении мужчин, чем женщин. По результатам национального опроса в США (1957, 1976) коэффициент корреляции, характеризующий связь между субъективным благополучием и супружеством для мужчин выше, причем он намного выше для молодых, чем для людей среднего и пожилого возраста (Аргайл, 1990).

Имеются данные о том, что неженатые мужчины менее счастливы, чем незамужние женщины. Особенно тяжело переживают свое холостяцкое положение пожилые мужчины. Причем наиболее несчастливыми людьми считают себя прежде всего те мужчины, которые никогда не были женаты, а также женщины, которые разошлись со своими мужьями. Многие эмпирические данные, полученные в последние годы, дают основание сделать предположение о том, что по сравнению с женщинами мужчины извлекают больше пользы и положительных эмоций из брака. Возможно, это связано с тем, что в семейно-брачных отношениях жены обеспечивают более прочную социальную и эмоциональную поддержку своим мужьям, чем мужья женам. В отличие от мужчин женщины ищут и находят такого рода поддержку и взаимное подкрепление у своих подруг, родственников, соседей и т. д.

Согласно некоторым отечественным исследованиям по проблеме семейно-брачных отношений, статистически значимых различий по степени удовлетворенности браком между мужчинами и женщинами не выявляется. В то же время в отношении отдельных ее составляющих мужчины оказываются более удовлетворенными, чем женщины. Так, по сравнению с женщинами мужчины считают себя более счастливыми, если им предлагается сравнить свою семейную жизнь с семейной жизнью своих друзей и знакомых, а также полагают, что семейные отношения внесли в их жизнь тот порядок и организованность, которых они ожидали (Столин, Романова, Бутенко, 1984). Эти данные также подтверждают по ряду пунктов мнение психологов о том, что брак в отличие от всех других видов социальной связи приносит женщинам меньше пользы, чем мужчинам.

Считается, что внешность и физическая привлекательность имеет большое значение для полноты ощущения счастья у женщин, особенно у молодых, в то время как мужчины больше озадачены своим

ростом. Для женщин последний фактор не столь важен, особенно если их рост приближается к принятой в их среде норме. Но вот что больше всего огорчает и делает женщин поистине несчастными, так это их чрезмерный вес. Больше, чем мужчин, их огорчает также возраст.

Наконец, заслуживают внимания факты, которые свидетельствуют о том, что женщины более самокритичны и требовательны к себе, меньше подвержены саморекламе и публичной демонстрации своих достижений, чем мужчины. Они не так хвастливы, не так самоуверенны и реже выражают довольство собой, чем это делают многие мужчины, даже если у них нет на то достаточных оснований. Вот почему женщины в целом реже, чем мужчины, бывают довольны результатом своего общения с противоположным полом (Таннен, 1996, с. 341).

В нашем исследовании имплицитных концепций счастья, также были выявлены различия между мужчинами и женщинами в их представлениях о счастье и удовлетворенности жизнью. Сравнительный анализ их содержания дает возможность ответить и на вопрос о том, какие жизненные ценности являются предпочтительными для достижения и переживания счастья у мужчин, а какие у женщин.

Статистически значимые различия между ними обнаружились по следующим трем важнейшим ценностям счастья. Это, во-первых, «любить и быть любимым/ой» ($p=0{,}030$); во-вторых, «умение радоваться жизни и тому, что имеешь» (0,091) и, в-третьих, «семейное благополучие, когда есть взаимопонимание и теплые отношения родных и близких» (0,072). Именно этим главнейшим гуманистическим ценностям эмоционально-личностных взаимоотношений – особенно любви – отводится в структуре женского счастья существенно более высокая роль, чем в мужском. И для многих женщин возможность любить и быть любимой выступает синонимом счастья, как это выражено у Инны Кашежевой:

> А что такое счастье? Быть любимой.
> Да, быть любимой, как никто другой.

Классическим примером женского понимания счастья как любви является пушкинская Татьяна. Когда она в минуты объяснения с Онегиным с грустью восклицает «А счастье было так возможно», она имеет в виду, конечно, счастье любви, ибо только этим чувством она тогда жила, только оно имело для нее реальный смысл, наполняя собой весь окружающий мир.

Кроме статистически достоверных различий, выявленных в отношении трех перечисленных выше ценностей, существуют и менее четко выраженные расхождения в ценностных предпочтениях счастья у мужчин и женщин. Так, женщины, кроме любви, семьи и способности радоваться жизни, выше мужчин ценят также потребность и возможность чувствовать смысл своей жизни, душевное равновесие и ощущение внутреннего спокойствия. Для мужчин, в свою очередь, более предпочтительными в их представлениях о счастье оказались, во-первых, «везение, фортуна, судьба»; во-вторых, «поиск, устремленность в неизведанное, острота борьбы и радость одержанной победы» и, в-третьих, наличие «конкретных целей и активных действий для их реализации». Наконец, для внутреннего самочувствия женщин также более важно, чтобы было «лучше, чем сейчас», а в позитивном мироощущении мужчин преобладает другой принцип – чтобы было «не хуже, чем сейчас».

В отличие от вышеназванных в позиции самых нейтральных для мужской и женской выборки оказалась значимость для счастья таких факторов, как материальный достаток, гедонизм, потребность быть кому-то нужным, возможность приносить пользу людям, сознание полноценности своего существования и некоторые другие позиции. Именно эти ценности, по нашим данным, в равной мере характеризуют как «женское», так и «мужское» счастье.

К числу важных определителей и детерминант субъективного благополучия личности, тесно связанных с ощущением счастья и различно проявляющихся у мужчин и женщин, относится здоровье человека. Причем по своей значимости для счастливой жизни оно ставится респондентами обычно на самые первые места. Особенно это характерно для пожилых людей и для тех, у кого есть проблемы со здоровьем.

Как показывают западные исследования, коэффициент корреляции между здоровьем и счастьем в целом составляет 0,32. Причем у женщин он выше, чем у мужчин. Еще более отчетливо выступает эта связь по противоположному основанию – между плохим здоровьем и несчастьем (отрицательные эмоции, чувство тревожности и т. д.) (Аргайл, 1990, с. 250).

По данным Всероссийского мониторинга, проводимого в течение последних лет Аналитическим центром Института социально-психологических исследований РАН «Как живешь Россия?», при ответе на вопрос «Что, по вашему мнению, важнее всего для счастливой жизни? «на первое место в 1997 г. в отличие от предыдущих лет выдвинулось «хорошее здоровье», опередив две другие самые значи-

мые позиции: материальное благополучие и счастливый брак, семья (Мониторинг…, 1998, с. 154). В Англии и США здоровье как фактор удовлетворенности чаще всего ставится на второе место по важности после семейной жизни (Campbell, Converse, Rodgers, 1976).

Многие данные свидетельствуют о том, что в среднем женщины обладают худшим здоровьем, чем мужчины. Во всяком случае им присущ более высокий уровень депрессии, у них ярче выражены тревожность и другие признаки стресса, хотя здесь, возможно, сказывается их излишняя эмоциональность и субъективно повышенное внимание к своему здоровью. Женщины, по наблюдениям медиков, более чутко прислушиваются ко всему, что происходит в их организме и серьезнее мужчин относятся ко всем своим недомоганиям. Это заставляет их чаще обращаться к врачам и принимать лекарственные препараты. Возможно, именно поэтому они и живут дольше мужчин, хотя биологический фактор в этом вопросе тоже является существенным.

Одним из индикаторов духовного неблагополучия издавна считается уровень самоубийств. Глава и основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм, например, даже считал, что число самоубийств является объективным критерием счастья, на основании которого можно судить о том, увеличивается оно в обществе или нет. Он подробно проанализировал около 26 тысяч самоубийств и пришел к выводу, что это чисто мужское явление, поскольку на одну женщину, лишившую себя жизни в то время, приходилось в среднем четверо мужчин-самоубийц (Дюркгейм, 1912). Статистика свидетельствует, что число самоубийств в мире неуклонно растет. Это неизбежный результат технического прогресса с его индустриализацией и урбанизацией населения, невероятным ускорением темпов жизни, осложнением человеческих взаимоотношений, падением духовности.

Годы российских «реформ» и капитализации общественных отношений вызвали невероятную «вспышку» числа самоубийств в нашей стране. Уже в 1993–1994 гг. оно составляло 40–45 случаев на 100 тыс. населения в год, хотя даже 20 случаев считается высоким. По суицидным показателям мы «успешно» вышли на одно из первых мест в мире, практически догнав Венгрию, мирового лидера по этому показателю (50 случаев), а США и Великобританию обогнав в 3–4 раза (В поиске социальной парадигмы, 1995). Все эти статистические данные весьма, конечно, неутешительны, тем более если учесть, что суицид вообще глубоко чужд российскому менталитету. Достаточно сказать, что в дореволюционной России прихо-

дилось только 3 суицида на 100 тыс. населения (О самоубийцах..., 1994).

Особенно велика сегодня суицидность среди российских мужчин: до 71 человек на 100 тыс. человек. Это почти в 3–4 раза больше, чем у женщин. В то же время на Западе картина совсем другая, там уровень самоубийств в отличие от данных Э. Дюркгейма выше сейчас у женщин. Во многом это связано с тем, что симптомы психического расстройства чаще проявляются у женщин, чем у мужчин. Врач-психиатр из Йоханнесбурга А. О'Нейлл Керр в течение года собирал данные о людях, решившихся покончить с собой, в итоге он составил «типовой портрет» самоубийцы. По его мнению, наиболее предрасположена свести счеты с жизнью женщина в возрасте от 20 до 30 лет со средним или высшим образованием, которая, возможно, поссорилась с кем-то из близких. Самый распространенный способ – чрезмерная доза наркотика или лекарственного препарата. Российские женщины чаще кидаются под колеса и травятся; мужчины выбирают огнестрельное оружие, повешенье, выбрасыванье с высоты. «Вообще, – считает руководитель Всероссийского научно-методического суицидологического центра проф. А. Г. Амбрумова, – никакой кардинальной революции в средствах самоуничтожения за последние несколько сот лет не произошло» (там же).

В то же время следует отметить, что, по многолетним наблюдениям ученых западных стран, соотношение между количеством мужчин и женщин, пытавшимся покончить с собой, в последние годы стало сокращаться. Ссылаясь на исследования американских ученых, М. Аргайл отмечает, что если в 1957 г. в Америке соотношение попыток самоубийства между мужчинами и женщинами равнялось примерно 1 : 3, то к началу 1980-х годов этот разрыв снизился до соотношения 1 : 1,4 (Аргайл, 1990, с. 239). Другими словами, по сравнению с прошлыми годами попытки покончить с собой сегодня все чаще предпринимают женщины и все реже мужчины, хотя в абсолютном исчислении первых больше, чем вторых (в России соотношение другое).

К факторам счастья многие психологии правомерно относят умение человека справляться с трудностями и жизненными проблемами, способность успешно противостоять различным стрессовым ситуациям и преодолевать внутренние состояния дискомфорта. Люди, которые в процессе переживания каких-либо невзгод не замыкаются в себе, а рассказывают о своих проблемах и трудностях другим или обращаются к молитве, чувствуют себя обычно более комфортно, чем те, кто уединяется и остается наедине с самим со-

бой. Исследования также показывают, что личности с установкой на внутренний контроль менее подвержены негативным воздействиям стрессовых ситуаций, так как способны находить и достаточно гибко использовать наиболее эффективные способы противостояния различным проблемам и трудностям жизни. Они предпочитают не уходить от сложных ситуаций и не расслабляться, а тем или иным способом действовать и изменять неблагоприятные обстоятельства жизни в интересах себя и своего дела. Напротив, люди с чувством внешнего контроля в аналогичных ситуациях обычно поступают совсем по-другому, полагая, что все зависит от внешних сил и условий и мало что от них самих.

Современная психология располагает интересными данными о преодолении стрессовых ситуаций и состояний внутреннего дискомфорта в аспекте половых различий. И эти данные не подтверждают бытующие в массовом сознании представления о якобы имеющихся преимуществах мужского поведения перед женским. Они свидетельствуют лишь о разных способах поведения и разных стратегиях совладания с трудными ситуациями, к которым прибегают мужчины и женщины, а не об их эффективности или целесообразности. Обычно женщины выбирают один путь и стиль поведения, мужчины другой, и у каждого из них есть свои слабые и сильные стороны.

Так, исследования американских психологов показывают, что мужчины чаще женщин в трудных ситуациях предпринимают конструктивные инструментальные действия, в то время как женщины в большей степени ищут поддержку и помощь со стороны друзей, знакомых, родственников и т. д. В то же время мужчины чаще женщин предпочитают в сложных жизненных ситуациях вообще ничего не делать (так называемое «пассивное совладание»), оставляя все как есть до лучших времен. Или, например, там, где женщины находят утешение в молитвах или считают возможным в чем-то уступить или от чего-то отступить, мужчины прибегают к алкоголю или совершают агрессивные действия и поступки (см.: Ценности массового сознания…, 1989).

Другими словами, сталкиваясь с трудными ситуациями, жизненными невзгодами и преодолевая их, женщины ведут себя по-другому, чем мужчины, предпочитают выбирать другие способы совладания, в целом не лучше и не хуже способов, применяемых мужчинами.

Наличие определенных различий в поведении мужчин и женщин при выборе стратегий и тактик преодоления жизненных трудностей подтверждают и результаты нашего собственного исследо-

вания проблемы совладающего поведения (coping behavior). О его содержании и главных выводах мы еще будем подробно говорить ниже. Здесь остановимся на результатах, связанных с половыми различиями.

Из 10 базисных стратегий, выделившихся при факторизации опросника по способам совладания с трудностями Р. Лазаруса, который использовался в исследовании, статистически значимые различия по половому признаку обнаружили три из них.

Одна из таких стратегий, к которой женщины прибегают чаще мужчин (p=0,001), условно была названа нами «изменение себя и пересмотр жизненных позиций». Она указывает на возможности внутриличностных изменений, ценностно-смысловых переориентаций и поисков веры в процессе обдумывания и преодоления трудных жизненных обстоятельств.

Вторая «женская» стратегия (p=0,002) обозначена как «социальные контакты». Она предполагает такие формы и способы поведения, как: 1) беседа с людьми, чтобы еще больше узнать об этой ситуации; 2) обращение за советом к родным или другу, которого уважаешь; 3) принятие сочувствия и поддержки от других людей; 4) желание рассказать другим о своем самочувствии. Наконец, в-третьих, женщины чаще мужчин (p=0,052) используют и такие формы преодоления трудностей, которые связаны с актуализацией как своего собственного жизненного опыта, так и использования опыта знакомых людей. Совладающий и по преимуществу позитивный «женский» смысл такой стратегии и ее конкретных механизмов состоит, прежде всего, в том, что обращение и использование жизненного опыта, умение и желание найти в нем нужные параллели и аналоги с днем сегодняшним помогают личности сохранить необходимую эмоциональную устойчивость, обрести столь важные в трудных ситуациях чувство оптимизма и уверенность в своей способности успешно разрешить и новые трудные жизненные проблемы по примеру прошлого опыта.

Обращает на себя внимание тот факт, что все три обозначенные выше стратегии совладания, которые женщины предпочитают использовать в трудных жизненных ситуациях чаще, чем мужчины, относятся к эмоционально-ориентированному типу поведения, что в общем соответствует особенностям женской психологии в целом. Прежде всего, она проявляется в стратегии «социальные контакты и поддержка». Известно – и это подтверждается целым рядом исследований, – что женщины в целом пользуются более широкой системой социальных связей, а также социальной и эмоциональной

поддержкой, основу которой составляют семья, родственники, подруги, сослуживцы, соседи и т. д.

Особый интерес представляет для нас первая из этих трех «женских» стратегий, а именно, стратегия «изменение себя и пересмотр жизненных позиций», поскольку в ней отчетливо проявляются некоторые особенности и черты русской ментальности. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что на американской выборке эта стратегия вообще не выделилась в качестве отдельного базисного фактора. И весьма показательно, что на российской выборке она характеризует прежде всего линию поведения женщин, а не мужчин. Это хорошо согласуется и с другими нашими данными, а именно с более высокими показателями смысложизненных ориентаций и общего уровня удовлетворенности жизнью в целом у женщин по сравнению с мужчинами. И тот факт, что современная российская женщина существенно чаще мужчин использует именно эту стратегию, свидетельствует о том, что она оказалась более адаптированной к условиям резко изменившейся жизни, когда объективных возможностей что-то реально изменить или как-то повлиять на ход событий у большинства простых людей просто нет, поэтому им остается только что-то менять в себе – свои привычки, потребности, взгляды и установки. С точки зрения здравого смысла и житейских интересов личности, это нередко единственно возможный способ справиться с новыми сложными проблемами сегодняшней кризисной жизни.

Наконец, рассмотрим ряд личностных особенностей и черт, которые в той или иной мере влияют на чувство удовлетворенности и особенности переживания счастья у мужчин и женщин.

Специальные исследования эмоциональности показывают, что женщины в целом более эмоциональны и их переживания, как положительные так и отрицательные, более интенсивны и глубоки. Можно предположить, что уровень и диапазон счастья и несчастья у них в целом выше, чем у мужчин. Причем они чаще мужчин испытывают депрессивные состояния и отрицательные чувства. Ученые считают, что существует некоторый оптимальный для психического самочувствия и здоровья человека уровень эмоциональности, определенный баланс положительных и отрицательных переживаний, в отношении которых большую роль играют дружеские контакты, умение налаживать социальные связи. И женщины, как уже отмечалось, лучше мужчин используют эти контакты и связи, что помогает им регулировать и приводить в норму свой эмоциональный баланс жизни.

Считается, что у мужчин сильнее развито чувство хозяина своей жизни и чувство «внутреннего контроля». Для них чрезвычайно важно быть уверенным в том, что именно они, а не другие люди или стечения обстоятельств определяют и контролируют ход событий, что именно они влияют на ситуацию и обладают широким выбором действий. Мужчины высоко ценят статус и возможность быть на руководящих постах, занимать высокие должности. И им важно постоянно чувствовать себя сильными и независимыми, способными на решительные действия. Не случайно Ф. Ницше говорил: «Счастье мужчин зовется «я хочу!»».

Самооценка (самоуважение), которая, по мнению некоторых ученых, в разной степени характеризует мужчин и женщин, также устойчиво коррелирует с субъективным благополучием, причем некоторые даже полагают, что самая сильная связь характеризует соотношение именно этих двух переменных (Campbell, 1981). Кроме того, мужчины более активно проводят свой досуг и чаще бывают довольны сами собой.

Личности типа «А» больше распространены среди мужчин, чем среди женщин, а у последних этот тип преобладает среди работающих женщин. Для внутреннего склада этого типа людей характерны следующие черты: во-первых, жесткий и агрессивный стиль действий, дух соперничества и конкурентности, нацеленность на успех; во-вторых, желание все делать быстро, энергично, по принципу «время не ждет»; в-третьих, высокая работоспособность. Эти личности отличаются высокой экстраверсией и невротизмом (Furnham, 1988). Они в два раза чаще подвержены сердечным приступам (даже с поправкой на выравнивание таких показателей, как возраст, уровень холестерина и курение). Некоторые данные свидетельствуют и о том, что личности типа «А» в силу духа соперничества и соревновательности своего поведения, а также из-за и предпочтения работать в одиночку в целом имеют ослабленные социальные связи.

Недавно учеными было обнаружено, что людям, которые страдают от одиночества и несчастливы в жизни, очень помогают откровенные и дружеские разговоры с женщинами. Общение и неформальные разговоры с женщинами для людей обоего пола считаются более приятными, душевными, откровенными и в целом являются очень значимыми, обладающими высоким утешительным и психотерапевтическим эффектом. Они помогают сглаживать одиночество в большей степени, чем разговоры с мужчинами. На Руси, как и у многих других народов, была даже особая, исключительно

женская профессия, – «плакальщица», своим особым умением и причитаниями плакальщицы приносили облегчение людям в дни несчастий и большого горя.

Таким образом, различия между «женским» и «мужским» счастьем проявляется по разным линиям и параметрам, многие из которых остаются пока недостаточно изученными и требуют дальнейших углубленных разработок и конкретных исследований.

Глава 7

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ И СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

В заключительной главе обсуждаются результаты самого первого из проведенных нами теоретико-эмпирических исследований проблемы счастья. И это логично с позиций общей структуры книги, поскольку ниже речь идет о «пользе» и последствиях счастья с точки зрения его влияния на эффективность функционирования личности в реальной жизни.

В основу этого экспериментального исследования положена концептуальная для нас идея К. А. Абульхановой-Славской о семантическом интеграле личности. Согласно этой идее, удовлетворенность жизнью является необходимым звеном в структуре активности личности, образуя механизм обратной связи между разными составляющими и этапами жизненной активности личности, влияя на ее последующий уровень и способы реализации. Эта идея «обратной связи» определила основную цель данного исследования: соотнести удовлетворенность–неудовлетворенность жизнью с личностной активностью, взяв в качестве конкретной эмпирической модели разные стратегии и способы совладающего поведения (coping behavior).

Выбор такой модели исследования соответствует и нашему пониманию счастья как интегральной характеристики субъекта целостной жизни, связанной с осознанием себя и своего существования в мире с точки зрения баланса положительных и отрицательных чувств, переживаний реальных приобретений и потерь, реализованных и упущенных возможностей. В то же время жизнь каждого человека, целостной и ценностной характеристикой которой выступает в его сознании счастье – это вереница и переплетение различных ситуаций и событий, которые не только затрагивают интересы конкретных людей, вызывая у них соответствующие эмоции, но и ставят перед ними сложные, нередко трудноразре-

шимые проблемы. Она выстраивается на основе множества крупномасштабных или, напротив, малозаметных изменений, которые происходят внутри и вокруг нас и на которые мы постоянно реагируем, используя разные стратегии и способы поведения, не всегда, однако, приводящие к нужному эффекту. И все эти события и реакция на них не проходят для личности бесследно: они образуют ее опыт, историю ее индивидуальной жизни и делают в конечном итоге тем, чем она является на каждом отрезке биографии, испытывая чувство удовлетворенности или неудовлетворенности, счастья или несчастья.

Задачи и методика исследования

Одна из задач нашего совместного с Е. В. Антоновой экспериментального исследования проблемы общей удовлетворенности жизнью и ее связи с сознанием и активностью личности, результаты первого этапа которого приведены в нашей общей работе (Джидарьян, Антонова, 1995), состояла в том, чтобы выявить стратегии поведения личности в трудных жизненных ситуациях и тем самым попытаться ответить на вопрос о том, как, в каких конкретных формах сознания и действия осуществляется, по словам С. Л. Рубинштейна, выход человека за пределы этих ситуаций (Рубинштейн, 1973, с. 341). Далее – и в этом была, пожалуй, главная идея исследования – мы могли уже определить возможные взаимосвязи и влияния общей удовлетворенности жизнью и счастья на выбор отдельных стратегий совладания, а также сопоставить между собой по интересующему нас параметру две группы испытуемых: высокоудовлетворенных и счастливых, с одной стороны, и наименее удовлетворенных и счастливых, с другой.

Для решения поставленных задач нами была адаптирована хорошо известная на Западе методика Р. Лазарус и С. Фолькман. В ее основу положена процессуальная концепция совладающего поведения, разработанная этими авторами с учетом недостатков и ограничений других аналогичных теорий. В соответствии с основными положениями своей концепции они определяют совладание (coping) как «постоянно меняющиеся когнитивные и поведенческие усилия (efforts), направленные на то, чтобы справиться (manage) с внешними или внутренними требованиями, оцененными как чрезмерно напряженные или превышающие ресурсы личности» (Lazarus, Folkman, 1984, p. 14). В этом определении авторами подчеркивается два важных аспекта их понимания феномена совладания. Во-первых,

используя термин «efforts», они исключают тем самым из его содержания какой-либо оценочный компонент, поскольку речь идет обо всем, что делает или предпринимает личность во внешнем или внутреннем (мыслительном) плане безотносительно к тому, хорошо это или плохо. Во-вторых, используя слово «manage», они подчеркивают идею о том, что имеются в виду не только процессы подчинения, господства, власти над теми или иными обстоятельствами и стрессовыми ситуациями, но и попытки их уменьшения, избегания, терпимости, соглашения или даже принятия.

Методика включает специальный опросник способов совладания ОСС (Ways of Coping Questionnaire – WOC), использующий рейтинговые шкалы самоотчета и позволяющий осуществить их процессуально ориентированное измерение (Lazarus, Folkman, 1984). Среди опросников, разработанных в рамках когнитивно-поведенческой парадигмы, он является одним из наиболее популярных на Западе, на него часто ссылаются, его используют и обсуждают в соответствующей психологической литературе. В то же время в нашей стране он практически неизвестен и, насколько мы можем судить, в отечественных исследованиях пока не использовался.

В своем исходном авторском варианте ОСС состоит из 66 пунктов, охватывающих широкий спектр мыслей, чувствований и действий, к которым прибегают люди в трудных жизненных ситуациях, чтобы справиться с ними и преодолеть их негативные последствия. В соответствии с двумя главными функциями совладания: проблемно-ориентированной и эмоционально-ориентированной – каждый пункт опросника классифицирован по этой общей рубрике. Согласно прилагаемой инструкции, испытуемым предлагается вспомнить и кратко описать самую сложную, по их мнению, ситуацию, с которой они реально столкнулись в своей жизни за последний год. И применительно к этой конкретной ситуации они должны поочередно оценить каждый из 66 содержащихся в опроснике способов совладания, предварительно внимательно с ними познакомившись. Рейтинг производится по 4-балльной шкале от «Не использовал совсем» до «Использовал полностью».

Другая серьезная проблема методического порядка была связана для нас с задачей поиска и первичной апробации методик по измерению общей удовлетворенности жизнью и счастья. Из множества разработанных и используемых в зарубежной психологической науке методик по ряду критериев мы выбрали две.

Это, во-первых, специальная шкала по измерению удовлетворенности целостной жизнью (Satisfaction With Life Scale – SWLS), разрабо-

танная и валидизированная американским психологом Э. Динером с соавт. Она состоит из 5 пунктов с 7-балльной градацией ответов по каждому пункту (минимальные и максимальные значения равняются соответственно 5 и 35) и ориентированных на измерение когнитивно-оценочного компонента общей удовлетворенности жизнью (Diener, Emmons, Larsen and Griffin, 1985).

И во-вторых, это методика по измерению счастья («Happiness Measures» – HM) другого известного американского специалиста по проблеме счастья и удовлетворенности жизнью М. Фордайса. Она включает опросник эмоционального благополучия и переживания счастья, составленный по так называемому «лестничному методу» с двумя полюсами оценочной шкалы, т. е. верхняя и нижняя ступени лестницы. Дополнительно по специальной процедуре в ней предусматривается также подсчет как частоты, так и интенсивности эмоциональных переживаний человека за последний период времени (Fordyce, 1988).

Таким образом, используя одновременно обе эти методики, мы имели возможность получить психологически полную картину субъективного благополучия наших испытуемых как на когнитивном, так и на эмоциональном уровнях.

Для определения содержательно-смысловых и некоторых других личностных характеристик субъекта общей удовлетворенности жизнью был использован уже рассмотренный нами во второй главе тест смысложизненных ориентаций (СЖО) в редакции Д. Леонтьева (Леонтьев, Калашников, Калашникова, 1993), с помощью которого предполагалось выделить некоторые содержательные характеристики и психологические составляющие счастья, связанные с наличием у наших испытуемых жизненных целей, эмоциональной насыщенности и осмысленности жизни, чувства самореализованности, а также способности быть субъектом и хозяином своей жизни.

Испытуемые

В исследовании приняли участие 148 человек: из них 83 женщин и 65 мужчин. Средний возраст составил 25 лет: самому младшему было 17 лет, самому старшему – 57, причем в возрасте старше 50 лет было всего три человека. Основной контингент наших испытуемых – 90 человек, это студенты вузов в возрасте от 17 до 23 лет. Все они прошли индивидуальное тестирование по совокупности описанных выше методик.

Результаты

Средние значения по показателям общей удовлетворенности и счастья оказались невысокими. Для всей выборки испытуемых они составили соответственно 19,34 (при мах. = 35) и 54,09 (при мах. = 100), значительно уступая результатам, которые были получены в аналогичных исследованиях зарубежных авторов. Так, в исследовании Э. Дайнера с соавт., методику SWLS которых мы использовали в своей работе, средние значения удовлетворенности составили для студенческой выборки 23,5 (у наших студентов – 19,47), а для старческой, в которой средний возраст испытуемых был 75 лет, он оказался еще выше – 25.

По материалам нашего исследования обнаружилась интересная закономерность в отношении мужчин и женщин. Она состоит в том, что средние показатели величин по различным параметрам, в том числе и по параметру общей удовлетворенности и счастья, у женщин, как уже отмечалось, оказались на несколько единиц выше, чем у мужчин. В этом отношении наши результаты расходятся с данными, которые приводятся в исследованиях К. Муздыбаева и Д. Леонтьева, где, напротив, подобные показатели мужчин превышают показатели женщин. Для сравнения приведем таблицы средних значений по общему показателю ОЖ (осмысленность жизни) и всем пяти субшкалам отдельно для мужчин и женщин, полученных в исследовании Д. Леонтьева, с одной стороны, и нашем, с другой.

Корреляционный анализ полученных нами данных по всей совокупности методик на каждого испытуемого выявил ряд зависимостей, подтверждающих, в частности, и наше предположение о влиянии фактора удовлетворенности – неудовлетворенности на выбор стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях. Отметим некоторые из этих зависимостей.

Так, оказалось, что чем выше показатели по всем шкалам методики СЖО, тем чаще в сложных жизненных ситуациях человек ориентируется на непосредственное решение проблемы, берет на себя ответственность за случившееся и активно действует, пытаясь исправить положение (проблемно-ориентированная стратегия). Аналогично ведут себя и люди, у которых наблюдается благоприятное эмоциональное восприятие жизни.

Анализ показывает, что более активные личности, лицом к лицу встречающие жизненные трудности, чаще других предпочитают открыто выражать свои чувства по отношению к возникающим

Таблица 3
Средние показатели теста смысложизненных ориентаций (СЖО) для мужчин и женщин по данным двух исследований

Шкала	Мужчины		Женщины	
	Данные Леонтьева	Наши данные	Данные Леонтьева	Наши данные
Цели	39,90	30,88	29,38	32,91
Процесс	31,09	29,74	28,80	32,64
Результат	25,46	25,45	23,30	26,43
Локус контроля – Я	21,13	19,84	18,58	21,18
Локус контроля – жизнь	30,14	28,00	28,70	30,89

проблемам, они готовы к изменениям в самих себе для достижения желаемого результата, а при необходимости более охотно идут на компромиссы, т. е. они в большей степени открыты как личности и более гибко воспринимают процесс жизни.

Существует положительная корреляция между показателями как «счастливости», так и удовлетворенности жизнью и такой стратегией поведения в сложных жизненных ситуациях, как готовность личности к изменениям внутри себя. Одновременно эта стратегия проявляет положительную зависимость с такими шкалами по методике СЖО, как цели, процесс и результат, т. е. чем человек более целеустремлен, воспринимает сам процесс жизни как удовлетворяющий его, а также чем полнее и глубже оценивает он свое прошлое, тем более вероятной оказывается его способность к самоизменениям.

В то же время связь такой стратегии совладающего поведения, как «поиск позитива в ситуации», достаточно четко проявился только с показателями шкалы счастья, но не удовлетворенности жизнью. Другими словами, чем более счастлив человек, точнее, чем выше его позитивное эмоциональное состояние, тем в большей степени он склонен видеть «светлые» стороны явлений и не «сгущать красок» в условиях жизненных затруднений и невзгод.

Выявлена связь стратегии «дистанцирования от проблемы» с некоторыми шкалами по методике СЖО. Так, люди, удовлетворенные своим прошлым, чаще других предпочитают «закрывать

глаза» на возникающие сложности и затруднения в своей жизни и жить так, как если бы ничего с ними неприятного не произошло.

Факторный анализ и структура ОСС

В соответствии с основным замыслом и задачами исследования нам, прежде всего, важно было раскрыть факторную структуру ОСС на данной выборке испытуемых и сравнить ее с американскими данными, известными по некоторым публикациям (Ben-Porath, Waller, Butcher, 1991; Folkman, Lazarus, 1985). Далее мы уже могли соотнести полученные факторы (стратегии) с показателями удовлетворенности и счастья, выявить возможные связи и корреляции между ними.

Обработка матрицы данных ОСС с помощью процедуры факторного анализа выявила 10 основных факторов, на которые приходится немногим больше половины (50,3%) общей дисперсии. Пункты опросника с учетом факторной нагрузки 0,50 и выше сгруппировались по этим десяти факторам следующим образом.

В первый фактор (16,3% общей дисперсии) вошли шесть пунктов опросника. Наибольшие факторные нагрузки (выше 0,60) имели три из них: «Фантазировал относительно того, чем может все это закончиться» (0,70); «Хотел, чтобы могло измениться либо то, что произошло, либо мое эмоциональное отношение к этому» (0,62); «Я мечтал и представлял себе более благоприятное время или место, чем те, в которых реально находился» (0,60).

Содержание этих, как и трех остальных вошедших в первый фактор пунктов, но не приведенных здесь, показывает, что в нем представлен такой эмоционально-ориентированный тип совладающего поведения, который характеризуется фантазиями и мечтаниями личности, выражает отношения желательности, иллюзорности и прекраснодушия. Суровой реальности фактов и событий с их травмирующими воздействиями на психику индивид предпочитает воображаемый мир и рассуждения о том, «как хорошо было бы, если бы…». Эту стратегию правомерно определить как «фантазирование, уход в мир воображаемого и желаемого».

Второй фактор (5,7%) содержит 5 пунктов, которые указывают на возможности внутриличностных изменений и ценностно-смысловых переориентаций в процессе обдумывания и преодоления трудных жизненных обстоятельств. Четыре из них имеют факторный вес превышающий 0,60: «Я изменял что-то в самом себе» (0,65); «Изменялся или становился лучше как личность» (0,64); «Пересматривал жизненные позиции» (0,61); «Находил новую веру» (0,61). Соответ-

ственно мы обозначили этот фактор и отражаемую им стратегию как «изменение себя и пересмотр жизненных позиций».

В третий фактор (5,2%) также вошли 5 пунктов. Они выражают некоторые типичные черты и особенности предметно-ориентированного поведения: рациональные действия в соответствии с намеченным планом и обозначенной целью, концентрация внимания на сути проблемы и осознание ответственности, которую она возлагает и т. д. Соответственно этот фактор был обозначен как «проблемно-решающий» Приведем вошедшие в него пункты: «Я осознал, что взял эту проблему на себя» (0,69); «Я был сосредоточен лишь на том, что необходимо было делать дальше в качестве следующего шага» (0,66); «Стоял на своем и боролся за то, чего хотел» (0,65); «Я знал, что нужно делать, поэтому удваивал усилия, чтобы дела улучшились» (0,62); «Я составлял план действия и следовал ему» (0,58).

В четвертом факторе (3,9%) объединились следующие пункты: «Беседовал с людьми, чтобы еще больше узнать об этой ситуации» (0,62); «Обращался за советом к родным или другу, которого уважал»(0,61); «Принимал сочувствие и поддержку от других людей» (0,60); «Говорил кому-то другому, как я себя чувствовал»(0,59). Наконец, в этот фактор, но с отрицательным знаком вошел еще один пункт: «Не посвящал других в то, насколько плохи дела» (–0.57).

Содержательный анализ приведенных пунктов показывает, что не конкретные цели и намерения (получение информации, одобрение и совет, психологическая поддержка, эмоциональная разрядка и т. д.), а сам факт обращения и установления контактов с другими людьми выступает здесь факторообразующим началом. Поэтому мы посчитали более корректным определить данный фактор как «социальные контакты», а не «социальная поддержка», как обычно определятся в литературе эта стратегия.

Пятый фактор (3,7%) получил название «компромисс». В него вошли три пункта, в содержании которых четко указывается на готовность индивида идти на соглашения и компромиссы, отмечается его способность проявлять осторожность и гибкость, умение искать «обходные пути», допускающие временные отступления от намеченной цели: «Старался не сжигать за собой мостов, оставляя запасные ходы» (0,63); «Шел на соглашения или компромиссы, чтобы получить какой-либо позитив в этой ситуации» (0,62); «Я извинялся или предпринимал шаги к примирению» (0,61).

Шестой фактор (3,5%) также представлен тремя пунктами: «Я напомнил себе, насколько все могло быть хуже» (0,67); «Использовал свой прошлый опыт: я был в подобной ситуации» (0,57); «Я думал

о том, как человек, которым я восхищаюсь, поступил бы в этой ситуации и использовал это в качестве модели» (0,50).

Базисный смысл данного фактора не вполне очевиден и возможны его разные толкования. Тем не менее мы считаем возможным определить его через механизм актуализации жизненного опыта, который в той или иной форме обозначен и представлен в содержании всех трех приведенных пунктов. Причем это может быть не только собственный опыт, но и опыт другого человека. Совладающий позитивный смысл данного механизма состоит, прежде всего, в том, что обращение к жизненному опыту, его актуализация в трудных жизненных ситуациях, умение и желание найти в нем нужные аналоги и параллели с днем сегодняшним помогают индивиду сохранить необходимую эмоциональную устойчивость, обрести столь важные в этих условиях чувства оптимизма и уверенности в своей способности успешно преодолевать новые проблемы и затрудненные обстоятельства.

Седьмой фактор (3,3) определили следующие три пункта: «Подчинялся судьбе: временами у меня бывают одни неудачи» (0,67); «Соглашался с этим, так как ничего больше не оставалось делать» (0,65); «Я принимал то, что есть, хотя это был не самый лучший вариант» (0,56).

Как видно из содержания образующих этот фактор пунктов, он имеет явную фаталистическую направленность, выражает чувства беспомощности и покорности перед трудностями жизни и ее испытаниями: индивид либо просто подчиняется неблагоприятным обстоятельствам жизни как неизбежным ударам судьбы, либо бездействует, понимая, что какое-либо противодействие им неразумно и бессмысленно. Эту стратегию, представляющую крайнюю форму пассивного совладания, правомерно определить как «фатализм», «покорность» или «опустить руки», как принято говорить в обыденной речи.

В восьмом факторе (3,1%) доминирует смысл, выраженный в следующем пункте: «Избегал вообще быть с людьми» (0,57).Одновременно с ним в этот фактор вошел и такой пункт: «Старался почувствовать себя лучше благодаря еде, напиткам, курению, наркотикам или лекарствам» (0,51). Примыкает к двум названным и следующий пункт: «Брался за работу или менял род деятельности, чтобы выбросить все из головы» (0,49).

Очевидно, в этом факторе объединились такие способы и приемы совладания, которые выражают эмоционально-ориентированный, точнее, невротический тип поведения, когда индивид замыкается

в себе, старается отбросить от себя все, что представляется ему лишним и посторонним, или снимает внутреннее напряжение внешне простыми, но «самопоражающими», по определению Л. И. Анцыферовой, средствами (алкоголь, наркотики, курение, лекарства и т. д.) (Анцыферова, 1994). Использование этих средств тоже приводит, как правило, к изоляции личности, к ее отчуждению от общества и окружающих людей, поэтому мы сочли возможным обозначить эту стратегию в целом как «самоизоляция», хотя содержание второго пункта не отвечает полностью этому названию.

Девятый фактор (2,9%) объединил следующие три пункта: «Не позволял ситуации овладеть собой: старался не думать об этом слишком много» (0,60); «Отстранялся на время от проблемы: старался отдохнуть или взять отпуск» (0,59); «Продолжал жить так, как будто ничего не случилось» (0,55).

Содержание этого фактора можно однозначно интерпретировать как «дистанцирование» от трудностей, «избегание» и «уход» от решения проблем. Это типичная и хорошо известная многим позиция «внешнего наблюдателя», когда субъект стремится оградить себя от неприятных воздействий внешних обстоятельств, как бы не замечая их или делая вид, что ничего страшного не произошло.

Наконец, в десятый фактор (2,8%), условно названный нами «осторожность и уравновешенность», вошли два пункта: «Я выжидал, прежде чем что-то предпринять» (0,60) и «Старался не действовать слишком поспешно и не следовать своему первому порыву» (0,60).

В этом факторе, как видно из содержания приведенных пунктов, нашла отражение вполне зрелая, эмоционально-ориентированная стратегия поведения, в которой нет места поспешным и импульсивным действиям. Напротив, в сложных для себя ситуациях индивид проявляет осторожность и предусмотрительность, прибегает к таким испытанным средствам, как тактика выжидания более благоприятного случая и наступления удобного момента для своих действий.

Итак, проведенный анализ показывает, что из общей 10-факторной структуры ОСС, которая определилась в нашем исследовании, наиболее четко обозначились три фактора: они хорошо интерпретируются, объединяют внутри себя не менее пяти пунктов с факторным весом выше 0,50 и объясняют в своей совокупности 27,2% общей дисперсии, т. е. больше, чем семь других вместе взятых. Это, во-первых, «фантазирование, уход в мир желаемого и воображаемого»; во-вторых, «проблемное разрешение» и, в-третьих, «изменение себя, пересмотр жизненных позиций». Непосредственно к названным трем факторам приближается еще и четвертый – «социальные

контакты». Соответственно можно предположить, что аналогичные стратегии являются преобладающими и наиболее структурированными также и в сознании самих респондентов.

При сравнении наших результатов с американскими данными обнаруживаются некоторые различия не только по общему числу, но и по базовому содержанию отдельных факторов и их структурным соотношениям.

Так, не все факторы по своему доминирующему смыслу совпали с американскими. В 10-факторной структуре ОСС, которая определилась на отечественной выборке, не обозначились в качестве самостоятельного фактора такие стратегии, как «выделение позитива», «самообвинение» и «минимизация угрозы», которые имеются в американской 8-факторной структуре, полученной на студенческой выборке. В то же время несколько стратегий, напротив, выделились в отдельные базовые факторы в нашей выборке, но отсутствуют в американской. К ним относятся «фатализм», «изменение себя и пересмотр жизненных позиций», «осторожность и уравновешенность», «компромисс», а также «актуализация жизненного опыта».

Однако по большинству факторов и в основном по ведущим из них обнаружились совпадения. Это «проблемное решение», «фантазирование, уход в мир воображаемого и желаемого», «социальные контакты», «самоизоляция» и «дистанцирование».

Для конкретизации и более полного охвата ведущих, чаще всего используемых нашими соотечественниками стратегий и способов совладания в исследовании, кроме факторного анализа, позволившего сгруппировать в смысловые блоки (стратегии) отдельные пункты ОСС, были также проанализированы и сопоставлены между собой и рейтинговые значения (величина балла) каждого из 66 пунктов. Тем самым оказались учтенными все содержащиеся в опроснике конкретные способы, «техники» и механизмы совладания, а не только те, которые выделились в отдельные факторы.

В целом и по рейтинговым значениям самые высокие баллы набрали те пункты, которые по результатам факторного анализа, как было показано выше, определили три первые фактора – «фантазирование», «проблемное разрешение» и «личностные изменения». Причем чаще всего наши испытуемые называли такие два способа совладающего поведения, один из которых относится к третьему, а другой – к первому из обозначившихся выше факторов: «Пытался проанализировать проблему, чтобы лучше ее понять» (2,10) и «Хотел, чтобы эта ситуация как-то разрешилась или закончилась» (2,04) при диапазоне значений от 0 до 3 балла.

Мы полагаем, что ведущие позиции этих стратегий в сознании и поведении наших граждан имеют во многом специфические российские основания, обусловленные как менталитетом народа, так и современным кризисным состоянием нашего общества. Особенно четко эти «российские» детерминанты просматриваются в отношении стратегии фантазирования и ее конкретных проявлений.

Во-первых, основные характеристики этой стратегии имеют национальные корни, определены русской ментальностью. Эта ментальность ярко и убедительно раскрыта писателем Гончаровым в образе Обломова. Об «обломовщине» как особом явлении русской жизни говорили и писали многие известные отечественные авторы, усматривая в ней определенную слабость и даже национальную болезнь нашего народа (Лосский, 1991; Цейтлин, 1950). Имеется в виду склонность русского человека к мечтательности и фантазерству, его увлеченность размышлениями о желательном и идеальном, пылкая игра воображения, ожидание чуда и чего-то необычного. Именно эти особенности русской души выделяет А. П. Чехов в ночных размышлениях молодого Саньки из рассказа «Счастье»: «...интересовало его не самое счастие, которое было ему не нужно и непонятно, а фантастичность и сказочность человеческого счастья» (Чехов, 1985а, с. 218).

Во-вторых, что представляется нам не менее важным отметить, развитию и активному проявлению этих национальных черт русского характера сегодня во многом способствуют и сами социальные условия, и обстоятельства современной жизни в стране. Совершенно очевидно, что для многих наших граждан «уход в мир воображаемого и желаемого» выступает нередко своеобразным протестом, неприятием или просто непониманием того, что происходит в стране, выражает состояние отчужденности и бессилия как-то повлиять на события или что-то изменить в происходящих процессах. Иногда он является единственно возможным «безобидным» способом снять негативизм и напряженность жизни с ее безысходностью и непредсказуемостью, жесткостью социальных требований и условий существования, болезненной ломкой мировоззренческих и нравственных ориентиров, нескончаемыми потрясениями и хаосом.

Через призму «социальной детерминированности» многое проясняется и в отношении другого интересного результата нашего эмпирического исследования, согласно которому в первую тройку совладающего поведения попала и такая стратегия, как «изменение себя, пересмотр жизненных позиций». В этой связи показательно и любопытно то, что на американской выборке эта стратегия, как уже отмечалось, вообще не представлена в качестве самостоя-

тельной шкалы ОСС. Почему же наши соотечественники в условиях современной российской жизни так часто выбирают эту стратегию, предполагающую определенные изменения личности, пересмотр жизненных позиций и ценностных установок? Скорее всего, это связано, на наш взгляд, с тем, что в реформируемой «сверху» и по произвольным правилам стране резко сузились возможности отдельных людей как-то участвовать, пусть даже формально, в общественных событиях; произошло заметное разъединение личности и общества, общества и государства, возникло глубокое отчуждение между ними. В этих условиях внимание и усилия граждан невольно переключаются с внешнего на внутреннее – на самих себя, на изменение собственных мировоззренческих установок и личностных характеристик как на возможный способ адаптироваться к резко изменившейся жизни, справиться с ее новыми и сложными проблемами.

Кроме рассмотренных выше трех основных стратегий совладания наши испытуемые, как показывают рейтинговые значения, также довольно часто прибегают в сложных ситуациях, по крайней мере, еще к двум способам психологического преодоления трудностей. Они отражены в следующих пунктах опросника: «Старался сдерживать свои чувства, держать себя в руках» (1,95) и «Искал как бы луч надежды, хотел увидеть светлую сторону ситуации» (1,59). Оба эти конкретных способа совладания правомерно отнести к эмоционально-ориентированному типу поведения, в котором решающую роль играют определенные личностные характеристики и умение субъекта использовать их в трудных ситуациях.

Для обсуждаемой нами проблемы совладающего поведения интерес представляют не только те стратегии, которые чаще других используются нашими испытуемыми, но и те из них, которые, напротив, применяются крайне редко. На этом противоположном полюсе оказались, прежде всего, различные приемы и способы релаксации, снятия напряжения. Причем это не только физические упражнения, бег (0,57), продолжительный сон (0,44), отдых и отпуск (0,58), но и еда, курение, употребление лекарств, алкогольных напитков, наркотиков (0,54) и др. Не склонны также наши люди в трудных жизненных ситуациях прибегать к самоизоляции, избегать общения с людьми (0,39) или перекладывать свои проблемы на плечи других (0,30). Кроме того, они предпочитают не рисковать в трудных ситуациях (0,66) и в то же время, что очень важно, «не сидят, сложа руки», подчиняясь судьбе (0,65).

Итак, на основе дополнительно проведенного рейтингового анализа, основанного на средних показателях балла по каждому пункту

опросника ОСС, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, подтвердилось предположение о трех преобладающих стратегиях совладания, поскольку и по рейтинговым значениям самые высокие баллы набрали те пункты, которые раскрывают содержание того, что было обозначено нами как «фантазирование», «личностные изменения» и «проблемное разрешение».

Во-вторых, среди часто используемых способов совладания, кроме трех обозначенных выше, выявленных на основе факторного анализа, четко обозначились еще два: «Старался сдерживать свои чувства» и «Искал как бы луч надежды, хотел увидеть светлую сторону явлений». Оба они, бесспорно, характеризуют эмоционально-ориентированный тип поведения, в котором решающую роль играют определенные психологические свойства личности, определяющие ее способность при столкновении с жизненными испытаниями и трудностями сохранять чувства оптимизма, достоинства и уверенности в себе.

И в-третьих, более очевидными стали и те способы совладания, которые реже всего используются в затруднительных и проблемных ситуациях жизни. Для нашей выборки такими оказались некоторые формы релаксации и снятия напряжения. Причем это не только физические упражнения, бег, продолжительный сон, отдых и отпуск, но и курение, прием лекарств, алкогольных напитков, наркотиков и др. Кроме перечисленных средств, наши соотечественники не склонны также в трудных жизненных ситуациях прибегать к самоизоляции, отказываться от привычного круга общения или «перекладывать свои проблемы на плечи других людей». Не предпочитают они также рисковать и в то же время «не сидят, сложа руки», подчиняясь судьбе.

Как видим, низкие рейтинговые значения получили в основном те способы совладания, которые и по результатам факторного анализа занимают последние позиции.

Использованная в исследовании методика ОСС предполагала анализ не только конкретных способов совладания, но и тех реальных проблем и сложных ситуаций, с которыми непосредственно столкнулись наши испытуемые за последний год. Из общего числа испытуемых (148) только 12 человек или 8,1% по разным причинам не смогли ответить на вопрос о том, какие трудные жизненные события им пришлось пережить за последний год. Что же касается большинства опрошенных, то все названные ими трудные события и ситуации, по своему содержанию можно распределить по следующим группам:

1. Межличностные трудности: серьезные разлады во взаимоотношениях с близкими и дорогими людьми; ссоры с любимым или любимой; семейные конфликты, доходящие до разводов; разногласия и стычки с родителями и т. д.
2. Внутриличностные трудности: ситуации выбора и принятия важных решений, совершение каких-то очень значимых поступков, осознание необходимости глубже разобраться в себе или в близком человеке, желание и готовность изменить или переосмыслить свое отношение к жизни, окружающим людям и другим ценностям.
3. Жизненные изменения: важные события в жизни человека, связанные, например, с поступлением в вуз или, напротив, отчислением из вуза, переездом семьи, уходом из дома, службой в армии, вхождением в новый коллектив и т. д.
4. Жизненные затруднения, неурядицы, стрессы: финансовые трудности, падение жизненного уровня, а также жилищная проблема, безработица, конфликты на работе с начальством; сдача экзаменов, проблемы со здоровьем и др.
5. Проблемы других: болезнь близких людей, главным образом ребенка.
6. Травматические переживания: серьезные физические повреждения и даже увечья, смерть родных или друга, ограбление, столкновение с правоохранительными органами и т. д.

Из числа этих шести выделившихся групп трудных ситуаций чаще всего в нашей выборке отмечались межличностные проблемы (40%). И это понятно, поскольку большинство испытуемых составляли молодые люди, студенты 1–2 курсов. Вторую позицию (21,6%) прочно заняли жизненные затруднения, финансовая и жилищная проблемы, безработица и т. д. Причем для более старшего возраста эта группа трудностей оказалась преобладающей. На третье место вышли внутриличностные трудности (15,5%). Остальные три группы заметно отстают от первых: жизненные изменения (6,7%), травматические переживания (5,4%) и проблемы других (2,7%).

Анализ взаимосвязи между личностными особенностями, уровнем удовлетворенности, уровнем счастья и стратегиями совладания

Как мы уже отмечали, факторный анализ ОСС был важен и интересен нам не только сам по себе, не только для выяснения того, какие по преимуществу стратегии использовались нашими респон-

дентами в процессе преодоления трудных жизненных ситуаций, но главным образом для ответа на более конкретный и специальный вопрос исследования: влияет ли на выбор этих стратегий и каких именно такая интегральная психологическая характеристика личности, как общая удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью, осознание себя счастливым или несчастливым человеком и какие между ними существуют взаимосвязи. С этой целью был проведен корреляционный анализ между выявленными факторами (стратегиями), с одной стороны, и показателями удовлетворенности (ПУ) и счастья (ПС), с другой, а также всеми пятью шкалами смысложизненных ориентаций (СЖО) как их важными психологическими составляющими.

Результаты анализа показали, что такие связи и влияния действительно существует, хотя они не глобальны, имеют разную степень выраженности и распространяются отнюдь не на все стратегии и способы совладающего поведения.

Наиболее четко, с высоким уровнем значимости (p=0,002) и сразу по двум показателям одновременно (ПУ н ПС) эта связь обозначилась в отношении стратегии «дистанцирование», выражающая как бы «уход» от проблем и трудностей. При интерпретации данной зависимости необходимо иметь в виду две стороны этой стратегии, наличие взаимно-обратных соотношений между ними. С одной стороны, счастливые и удовлетворенные жизнью люди действительно не «зацикливаются» на своих проблемах, не позволяют неприятностям и трудным обстоятельствам жизни «поглотить» себя, стараются держаться от них на определенном «расстоянии» и т.д., а с другой стороны, не менее правомерно и то, что именно такая форма поведения, в свою очередь, помогает им оставаться в хорошем настроении, чувствовать себя более счастливыми и удовлетворенными жизнью индивидами.

Для более содержательной интерпретации данной зависимости была учтена также и соответствующая информацию по СЖО. По данным этого теста стратегия «дистанцирование» оказалась значимо связанной с личностными характеристиками только по трем шкалам (убежденность человека в своей способности контролировать процессы собственной жизни и управлять ими (p=0,005); оценка своей жизни как интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом (p=0,006); наличие чувства самореализованности (p=0,000)), а по двум другим (наличие целей; осознание себя хозяином жизни и уверенность в своей способности построить ее в соответствии с собственными целями и представлениями о смысле)

эта связь не проявилась. Такая избирательность в отношении указанных характеристик личности дает нам основание предположить, что стратегия «дистанцирование» характерна не вообще для счастливых людей в целом, а, прежде всего, для тех из них, кто ориентирован на гедонистический тип счастья.

Влияние счастья и удовлетворенности жизнью оказалось значимым ($p=0{,}005$) и для выбора такой стратегии, как «самоизоляция». Однако связь между ними, как мы и предполагали, имеет отрицательный знак. Другими словами, чем менее счастливым и удовлетворенным жизнью чувствует себя индивид, тем больше он предпочитает «самоизоляцию» как способ поведения в трудных ситуациях и тем чаще обращается также к алкоголю, лекарствам, наркотикам и другим «самопоражающим» личность средствам. Показательно, что значимые, но отрицательные корреляции проявились у этой стратегии с теми же самыми характеристиками личности, с которыми положительно связана стратегия «дистанцирование», поэтому можно уточнить и сделать более конкретным вывод о том, что к «самоизоляции» и «самопоражающим» стратегиям прибегают чаще всего те индивиды, которые связывают свою неудовлетворенность и несчастливость, прежде всего, с убеждениями о том, что все в жизни предопределено и не зависит от усилий самого человека, кто не считает свою жизнь состоявшейся, а себя самореализовавшимся, кто не воспринимает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

Еще две стратегии – «изменение себя, пересмотр жизненных позиций» и «проблемно-решающая», – которые принято относить к числу наиболее продуктивных, зрелых форм совладающего поведения (McGrae, 1986; Jorgensen et al., 1990), обнаружили значимые связи ($p<0{,}05$) с показателями счастья (ПС). В то же время с показателем удовлетворенности (ПУ) их корреляции оказались незначимыми. Чем вызвана такая «избирательность» и что реально за этим скрывается, пока не совсем ясно. Этот вопрос требует дополнительных исследований и специального анализа, в которых учитывались бы не только самые общие, но и более тонкие психологические различия между счастьем и удовлетворенностью жизнью. Однако такая задача такого учета в настоящем исследовании специально не ставилась.

В то же время необходимо отметить, что нами изначально была предусмотрена возможность возникновения подобных нечетких, «спорных» ситуаций и благодаря использованию дополнительной методики СЖО предполагалось их корректное разрешение. В дан-

ном конкретном случае спорность ситуации для нас была разрешена тем, что связь этих двух стратегий совладания со счастьем косвенно подтвердилась также и по показателям СЖО, причем по всем ее пяти шкалам.

При этом важно обратить внимание на то обстоятельство, что использованный нами в исследовании тест смысложизненных ориентаций (СЖО) по смыслу большинства своих шкал включает когнитивные процессы (например, оценка пройденного отрезка жизни как результативного и осмысленного; убеждение в том, что человек может контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь; наличие целей, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу и т. д.) и поэтому больше связан с понятием жизненной удовлетворенности, чем с понятием счастья.

Что касается остальных шести стратегий совладания, описанных нами выше по результатам факторного анализа («фантазирование», «социальные контакты», «компромисс», «актуализация жизненного опыта», «фатализм», «осторожность и уравновешенность»), то их соотношения с показателями счастья и удовлетворенности жизнью оказались не значимыми. Нет также у этих стратегий значимых корреляций и со всеми пятью шкалами СЖО. Это свидетельствует о высокой степени «обезличенности» этих стратегий в том смысле, что они одинаково часто используются всеми людьми, безотносительно к их личностным характеристикам.

Чтобы уточнить полученные результаты и иметь более объемную информацию об особенностях поведения личности в трудных жизненных ситуациях в зависимости от ее счастья и удовлетворенности жизнью в исследовании был использован и другой вариант анализа исходного материала – метод контрастных групп. С этой целью из всей выборки испытуемых по комбинированному индексу [СУЖ – общий показатель субъективного уровня жизни, объединяющий и счастье (показатель счастья – ПС) и удовлетворенность жизнью (показатель удовлетворенности – ПУ)], были выделены две крайние группы: наиболее удовлетворенные и счастливые, с одной стороны, и наиболее неудовлетворенные и несчастливые, с другой. В первой из них оказалось 38, во второй 37 человек. (Остальные 73 испытуемых составили среднюю, нейтральную группу, которую мы, однако, специально не анализировали.)

Для этих крайних групп был проведен однонаправленный дисперсионный анализ (ANOVA) способов совладания в зависимости от уровня СУЖ. Этот метод статистической обработки позволил

нам более строго оценить, насколько уровень общего субъективного благополучия личности влияет на выбор стратегий совладания.

Прежде всего, нас интересовали, конечно, те три основные стратегии совладания, которые выделились в нашем исследовании как наиболее значимые и характерные для российской выборки. Результаты дисперсионного анализа полностью подтвердили выводы, сделанные выше на основе корреляционного анализа: уровень счастья и удовлетворенности (СУЖ) оказался значимым для выбора стратегий «проблемное разрешение» и «личностные изменения», но не значимым для «фантазирования».

В то же время важно было не только подтвердить достоверность уже найденных и описанных выше зависимостей или, напротив, усомниться в ней, но и получить некоторые новые данные, дополняющие и уточняющие интересующие нас связи и тенденции.

Это связано с тем, что в 10-факторную структуру ОСС, на основе которой проводился дальнейший корреляционный анализ и выявлялись связи стратегий совладания с показателями счастья и удовлетворенности жизнью, не вошла значительная часть пунктов ОСС, поэтому они оказались за рамками корреляционного анализа. В то же время среди них, конечно, могли быть и такие, которые значимо связаны с СУЖ и тем самым представляют интерес для нашего исследования. И действительно благодаря такой методической процедуре выделились некоторые дополнительные стратегии и способы совладания, не учтенные предыдущим анализом.

В отношении приводимых ниже дополнительных данных мы считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что они отражают не столько сами стратегии в собственном смысле слова как некие устойчивые и обобщенные линии поведения в трудных ситуациях, сколько конкретные способы и механизмы совладания, через которые реализуются и проявляются эти базовые стратегии. Для примера сошлемся на такую стратегию совладания, как «проблемное разрешение». В факторной структуре ОСС – по данным нашего и американского исследований – она представлена такими конкретными способами и механизмами поведения, которые выражены в следующих пунктах опросника (в скобках указана достоверность их связи с уровнем СУЖ): «Я был сосредоточен лишь на том, что необходимо было делать дальше в качестве следующего шага» ($p=0{,}010$); «Подходил к проблеме с парой различных решений» ($p=0{,}057$); «Я осознал, что взял эту проблему на себя» ($p=0{,}060$); «Я знал, что нужно делать, поэтому удваивал усилия, чтобы дела улучшились» ($p=0{,}065$); «Стоял на своем и боролся за то, чего хотел» ($p=0{,}073$).

Другими словами, приведенные выше пункты ОСС выражают только те конкретные способы и «техники» реализации проблемно-решающей стратегии совладания, которые счастливые и удовлетворенные жизнью испытуемые значительно чаще, чем неудовлетворенные и несчастливые, предпочитают использовать в трудных жизненных ситуациях.

Дополнительные данные выявились и в отношении такой стратегии, как «снятие напряжения». Эта стратегия как одна из восьми шкал WOC, по авторской версии ее создателей, представлена такими конкретными механизмами или «техниками», как: 1) занятие физическими упражнениями, бег; 2) продолжительный сон; 3) употребление алкоголя, лекарств, наркотиков, пищи и т. д.; 4) стремление отдохнуть или взять отпуск, чтобы на время отстраниться от проблемы. Материалы нашего анализа дают основание сделать вывод о том, что счастливые и удовлетворенные жизнью люди для психологического расслабления и снятия напряжения чаще всего прибегают к физическим упражнениям и спорту, в то время как неудовлетворенные, напротив, их избегают. Для этой цели последние чаще обращаются к алкоголю, лекарствам, наркотикам, пище и т. д.; они также спят больше обычного или берут отпуск и отдыхают, чтобы временно отвлечься от тревожащих проблем. Все перечисленные способы снятия напряжения не являются значимыми для группы удовлетворенных и счастливых.

Приведем также и те пункты опросника, которые относятся к стратегии «изменение себя как личности, пересмотр жизненных позиций» и также значительно чаще используются счастливыми и удовлетворенными: «Я изменял кое-что в самом себе» (p=0,009); «Изменялся или становился лучше как личность» (p=0,023); «Сохранял гордость и проявлял твердость характера» (p=0,049).

По данным дисперсионного анализа, в числе стратегий, на выбор которых значимое влияние оказывает состояние удовлетворенности и счастья, выделилась также и стратегия «социальные контакты», точнее, два конкретных способа ее реализации. Так, счастливые и удовлетворенные жизнью существенно чаще, чем неудовлетворенные и несчастливые, в трудных жизненных ситуациях обращаются за советом к родным или другу, которого они уважают (p=0,007). И одновременно с этим они чаще в затруднительных случаях делятся и говорят другим о своих чувствах и переживаниях (p=0,037).

Кроме уже отмеченных стратегий и способов совладания, счастливые и удовлетворенные жизнью люди в трудных ситуациях жизни предпочитают одновременно обращаться к молитвам (p=0,026),

у них особенно четко проявляется чувство оптимизма, стремление «найти как бы луч надежды, увидеть светлую сторону явления» (p=0,001). Интересно также и то, что они стараются «держать себя в руках», сдерживают неизбежные в подобных ситуациях чувства и эмоции (p=0,003).

В свою очередь, в числе отличительных (хотя статистически и не значимых) особенностей поведения неудовлетворённых и несчастливых людей в трудных ситуациях жизни, кроме уже отмеченных, определились также их склонность «перекладывать свои проблемы на плечи других», выражать злость в отношении тех, кто был причиной их трудностей. В то же время они лишены фатализма, который более характерен для счастливых, не проявляют чувства безысходности и покорности перед неудачами и неблагоприятным раскладом жизненных обстоятельств, стремясь увидеть светлую сторону явлений.

Наконец, еще один любопытный результат нашего исследования, связанный с характеристикой поведения несчастливых и неудовлетворенных жизнью людей в сложных ситуациях жизни. Оказалось, что у них в отличие от счастливых и удовлетворенных преобладают только два тесно связанных между собой способа реагирования на проблемы и сложности жизни. Они просто «спят больше обычного» (p=0,021) и предпочитают «сменить род деятельности», чтобы «выбросить все из головы» (p=0,070). Соответственно можно заключить, что в поведении неудовлетворенных и несчастливых преобладает стратегия, связанная с релаксацией и самоизоляцией.

Для счастливых и удовлетворенных жизнью людей наиболее отличительными характеристиками поведения в трудных ситуациях жизни наряду с уже перечисленными является также их склонность критиковать и винить себя, обращаться к Богу и молитвам, а также не сгущать красок и не воспринимать ситуацию слишком серьезно.

Таким образом, результаты исследования показывают, что счастье и удовлетворенность жизнью оказывают существенное влияние на поведение людей в трудных жизненных ситуациях и отражаются на выборе стратегий и конкретных способов их преодоления. Тем самым подтверждается наше исходное теоретическое положение о том, что удовлетворенность и счастье включены в структуру активности личности как выражение механизма «обратной связи» между ее разными составляющими и уровнями проявления. В то же время проведенный анализ показывает, что в поведении россиян

в условиях жизненных затруднений и решения сложных проблем имеются некоторые особенности, которые концентрируют многие противоречия и трудности современной российской действительности.

***

Возможно, читатель обратил внимание на некоторое различие между главами, связанное с тем, что одни из них являются преимущественно теоретическими, а другие эмпирическими. Во многом это объясняется объективными обстоятельствами и особенностями авторской работы над темой.

Началом нашего интереса и всей последующей разработки психологии счастья в связи с проявлениями российского менталитета послужило конкретное экспериментальное исследование проблемы совладающего поведения и выбора определенных стратегий и форм поведения в трудных жизненных ситуациях. Нам представилось перспективным включить в него дополнительный аспект, связанный с удовлетворенностью жизнью и субъективным ощущением счастья. Полученные результаты позволили провести сопоставительный анализ наших данных с соответствующими материалами зарубежных авторов, методику которых мы использовали.

При сопоставлении были выявлены некоторые особенности в сознании и поведении россиян по сравнению с жителями западных стран, в частности США. Отсутствие отечественных эмпирических исследований по проблеме счастья и удовлетворенности жизнью, на которые мы могли бы опираться и использовать при разработке данной проблемы, сделало необходимым продолжить эмпирические исследования по конкретным вопросам, представляющим несомненный интерес, с точки зрения общей теории. Одновременно прорабатывались и некоторые современные теоретические проблемы счастья и удовлетворенности жизнью, исследовались на культурологическом материале особенности восприятия и представления счастья в русском самосознании. Поэтому, несмотря на определенные внешние различия, в каждой из частей монографии в той или иной степени, в меру объективных возможностей рассматриваются и анализируются проявления русской ментальности в представлениях о счастье и удовлетворенности жизнью. В этом состояла главная стратегическая линия и цель написания работы.

Автор надеется, что у читателя не создалось ложного впечатления о какой-либо идеализации или «приукрашивания» представлений о счастье в российском менталитете. На самом деле мы стремились не к идеализации, а к объективности и научной достоверности,

хотя последнее условие всегда трудно реализовать в полной мере в отношении вопросов, которые принято относить к разряду «вечных», поэтому вопросы российской ментальности счастья рассматриваются нами на фоне общечеловеческих традиций и мирового опыта с привлечением конкретно-научного материала. В то же время сама работа, безусловно, несет на себе отпечаток авторской позиции, связанной с чувством личной причастности к российскому менталитету, понимания его общемирового значения и необходимости сохранения и развития в новых социальных условиях национально-духовных традиций и уникального опыта русского народа.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психол. журн. 1983. № 1.
Альберони Ф. Дружба и любовь. М., 1991.
Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. № 1.
Аргайл М. Психология счастья. М., 1990.
Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1983. Т. 4.
Архангельский Л. М. Категории марксистской этики. М., 1963.
Баллестрем К. Г. Homo economicus? Образы человека в классическом либерализме // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 42–54.
Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1953.
Бердяев Н. Самопознание. М., 1990а.
Бердяев Н. Судьба России. М., 1990б.
Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990в.
Берестов В. Лестница чувств. Солнце нашей поэзии. М., 1989.
Бетанели Н. Зеркало // Московский комсомолец. 1997.05.09. С. 4.
Богомолов А. С. Античная философия. М., 1985.
Боярский М. Пока струится в жилах кровь… // Комсомол. правда. 1996.11.13.
Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер, Роспедагентство, 1994.
Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности и их многомерная нелинейная система. М., 1998.
Вальшонок З. Из воспоминаний об Арсении Тарковском «Судьба моя сгорела между строк» // Книжное обозрение. 1996. № 19.
Вацлавик П. Как стать несчастным без посторонней помощи. М., 1990.

Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новости, 1990.
Вилюнас В.К. Эмпирические характеристики эмоциональной жизни // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 3.
В поиске социальной парадигмы («круглый стол») // Социологические исследования. 1995. № 10.
Гайденко П.П. Трагедия эстетизма. М., 1970.
Гегель. Соч. М., 1940. Т. 13.
Гегель. Эстетика. В 4 т. М., 1968. Т. 1.
Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития // Материалы конференции / Под ред. З.А. Хоткиной. М.: МЦГИ РАН, 1996.
Георгиева Т.С. Русская культура: история и современность. М.: ЮРАЙТ, 1998.
Гольбах П.А. Избр. произв. В 2 т. М., 1963. Т. 1.
Даль В. Толковый словарь. СПб.–М., 1882. Т. 4.
Джидарьян И.А., Антонова Е.В. Проблема общей удовлетворенности жизнью: теоретическое и эмпирическое исследование // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
Джидарьян И.А. Счастье и удовлетворенность жизнью в русском обществе // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.
Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1978.
Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974.
Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912.
Ивин А.А. Ценности и понимание // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 31–43.
Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. В 2 т. М., 1992. Т. 1, 2.
Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988.
Кепалайте А. Знак эмоциональности и особенности интеллекта // Психологический журнал. 1982. № 2.
Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994.
Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
Конрад Н.И. Избранные труды. М., 1974.

Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 21–28.
Ксенофонтов В. И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 41–52.
Кучер С. Бовин не любит стрелять // Комсомол. правда. 1990.09.15.
Культура. Нравственность. Религия (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 30–63.
Лапин Н. И. Ценности в кризисном обществе // Ценности социальных групп и кризис общества. М., 1991.
Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3. С. 73–87.
Леонтьев Д. А., Калашников М. О., Калашникова О. Э. Факторная структура теста смысложизненных ориентаций // Психол. журн. 1993. № 1.
Ливанова А. Ландау. М., 1983.
Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
Макаренко А. С. Соч. В 7 т. М., 1958. Т. 5.
Макдауголл У. Различение эмоции и чувства // Психология эмоций. Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 5. С. 56–68.
Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
Материалисты Древней Греции. М., 1955.
Ментальность россиян. М.: ИПРАО, 1997.
Мечников И. И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1987.
Милль Дж. Ст. Автобиография. М., 1896.
Милль Дж. Ст. Подчиненность женщины. СПб., 1906.
Милль Дж. Ст. Система логики. М., 1914.
Мифологический словарь. М., 1991.
Монтень М. Опыты. В 3 кн. М., 1992. Кн. 2.
Мониторинг. Аналитический Центр социально-психологических исследований РАН // Социолог. исслед. 1997. № 6.
Мониторинг. Социальные настроения и ожидания // Социолог. исслед. 1998. № 6. С. 152–154.
Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956.
Муздыбаев К. Удовлетворенность жизнью ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов. М., 1981. С. 181–198.

Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.

О самоубийцах. Беседа с руководителем ВНМСЦ А.Г. Амбрумовой // Аргументы и факты. 1994. Март.

Платон. Избранные диалоги. М.: Худ. лит., 1965.

Попов С.И. Буржуазная социология в поисках нового «качества жизни» // Социолог. исслед. 1977. № 1.

Попова Л.В. Проблемы самореализации одаренных женщин // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 31–42.

Раневская Ф. Мне нужен XXI век // Куранты. 1993.11.06.

Рейковский Я. Личность и ее подверженность влиянию эмоции – проблема эмоциональной устойчивости // Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.

Рибо Т. Логика чувств. СПб., 1906.

Розенберг Р.Л. Динамика ценностей и интересов в модернизирующемся обществе. М., 1995.

Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. № 1.

Российский менталитет. Психология личности, сознания, социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Русские. М., 1997.

Руткевич М.Н. «Образ жизни» и «качество жизни» // Социолог. исслед. 1976. № 4. С. 13–23.

Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // Социолог. исслед. 1998. № 6.

Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991.

Сибирев В.А., Головин Н.А. Штрихи к портрету поколения 90-х годов // Социолог. исслед. 1998. № 3. С. 106–117.

Сикевич З.В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социолог. исслед. 1999. № 1. С. 87–93.

Силласте Г.Г. Эволюция духовных ценностей россиянок в новой социокультурной ситуации // Социолог. исслед. 1995. № 10. С. 88–95.

Смысл жизни в русской философии. СПб.: Наука, 1995.

Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996.

Сорокин П.А. Социологический прогресс и принцип счастья // Социолог. исслед. 1988. № 4.

Столин В.В., Романова Г.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1984. № 2. С. 54–60.

Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994.

Таннен Д. «Ты меня не понимаешь!» Почему женщины и мужчины не понимают друг друга. М.: Вече–Персей–АСТ, 1996.

Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.

Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994.

Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии, русской истории и культуры. Т. 1. СПб., 1992. В 2 т.

Федотов Г. П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.

Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.

Харчев А. Г. Этика и мораль // Предмет и система этики. М.: София, 1973.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1.

Ценности массового сознания в СССР и США (Некоторые результаты совместного советско-американского исследования). М., 1989.

Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. М.: Худ. лит., 1939. Т. 1.

Шестаков Е. Н. Свобода воли как ценность в эвдемонистической этике Л. Фейрбаха // Духовные ценности как предмет философского анализа. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1985.

Шопенгауэр А. Метафизика любви. СПб., 1898.

Apter M. J. Reversal theory and personality: a review // J. of Research in Personality. 1984. 18. P. 265–280.

Argule M. The psychology of happiness. L., 1987.

Atkinson J., Litwin G. Achievement motive and test anxiety conceived as motive to approach success and motive to avoid failure // J. Abn. Soc. Psychol. 1960. V. 60.

Beiser M. Components and correlates of mental well-being // J. of Health & Social Behav. 1974. 15. P. 320–327.

Ben-Porath Y. S., Waller N. G., Butcher J. N. Assessment of Coping: An Empirical Illustration of the Problem of Inapplicable items // J. of Personality Assessment. 1991. V. 57. № 1. P. 162–176.

Bradburn N. M., Caplovita D. Reports on happiness. Chicago, 1965.

Bradburn N. M. The structure of psychological Well-being. Chicago: Aldine, 1969.

Campbell A. The sense of Well-Being in America: Recent patterns and trends. N. Y., 1981.

Campbell A., Converse P., Rodgers W. The Quality of American Life. Perceptions, Evaluations and Satisfactions. N. Y., 1976.

Costa P. T., McGal R. R. Influence of extraversion and neurotism on subjective well-being: Happy and unhappy // J. of Personality and Social Psychology. 1980. 38. P. 668–678.

Csikszentmihalyi M., Figurski T. Self-awareness and aversive experience in everyday live // J. of Personality. 50. P. 15–24.

Deci E. L., Ryen R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behaviour. N. J., 1985.

Diener E. Subjective Well-Being // Psychol. Bull. 1984. V. 95. № 3. P. 542–575.

Diener E., Brief A. P., Butcher A. H., George J. M., Link K. E. Integrating Bottom-Up and Top-Down Theories of Subjective Well-Being: The Case of Health // J. of Personal. and Social Psychol. 1993. V. 64. № 4. P. 646–653.

Diener E., Emmons R. A. The independence of Positive and Negative Affect // J. of Person. and Social Psychol. 1985. 47. 5. P. 1105–1117.

Diener E., Emmons R., Larsen R., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // J. of Personality Assessment. 1985. 1. V. 49. P. 71–76.

Diener E., Larsen R. J., Levine S., Emmons R. A. Frequency and Intensity: Dimensions underlying positive and negative affect // J. of Person. and Social Psychol. 1985. 48. P. 1253–1265.

Diener E., Sandvik E., Larsen R. Age and sex effects for emotional interesity // Developm. Psychol. 1985. 21. P. 542–546.

Folkman S., Lazarus R. If it changes it must be a process: Study of emotion and coping during three stages of a college examination // J. of Pers. and Social Psychology. 1985. № 48. P. 155–170.

Fordyce M. W. A review of research on the happiness measures: A sixty second index of happiness and mental health // Social Indicators Research. 1988. № 20. P. 355–381.

Furnham A. Extraversion, sensation-seeking, stimulus screening and type "A" behaviour pattern: the relationships between various levels of arousal // Personality and Individual Differences. 1984. № 5 P. 133–140.

Jorgensen R. S., Dusek J. B. Adolescent Adjustment and Coping Strategies // J. of Personality. 1990. V. 58. № 3. P. 503–513.

Herzberg F. Work and the Nature of man. N. Y., 1966.

Kozma A., Stones M. The measurement of happiness: Development of the Memorial University of Newfoundland of Happiness (MUNSH) // J. of Gerontology. 1980. V. 35. № 6. P. 906–912.

Kraut R. Two conception of happiness // Philosophical Review. 1979. V. 87.

Lazarus R., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N. Y., 1984.

Maccola C. Social Indicators Research. 1975. V. 2. № 2. P. 229.

McGrae R. R., Costa P. T. Personality, Coping, and Coping Effectiveness in Adult Sample //J. of Personality. 1986. V. 54. №2. P. 385–405.

Medley M. L. Life satisfaction across four stages of adult life // International Journal of Aging and Human Development. 1980. 11. P. 193–209.

Michalos A. C. Optimism in thirty countries over a decade. Social Indicators Research. 1988. V. 20. P. 177–180.

Moriwaki S. Y. The Affect Balance Scale: A validity study with aged samples // J. of Gerontology. 1974. V. 29. P. 73–78.

Newell M. The Quality of Life. Sydney, 1972.

Parkes K. R. Locus of control, cognitive appraisal, and coping in stressful episodes // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. №46. P. 655–668.

Rodgers W. L., Converse P. E. Measures of the Perceived Overall Quality of Life // Social Indicators Research. 1975. V. 2. №2.

Russell J. A. Affective space is bipolar // J. of Person. and Psychology. 1979. 37. P. 345–356.

Shin D. C. & Johnson D. M. Avowed happiness as an overall assessment of the quality of Life // Social indicators Research. 1978. №5. P. 475–492.

Spaemann R. Philosophie als Lehre vom glücklichen Leben // Neue Zürcher Zeitung. 1977. P. 66, 260.

Spreitzer E., Snyder E. E. Correlates of life satisfaction among the aged // Journal of Gerontology. 1974. 29. P. 454–458.

Veroff J., Douvan E., Kulka R. A. The Inner American. N. Y.: Basic Books, 1981.

Warr P., Barter J., Brownbridge G. On the interdependence of positive and negative affect // J. of Person. and Soc. Psychol. 1983. 44. P. 644–651.

Waterman A. S. Two Conceptions of Happiness: Contrasts of Personal Expressiveness (Eudaemonist) and Hedonic Enjoyment // J. of Person. and Social Psychology. 1993. V. 64. №4.

Wessman A. E., Ricks D. F. Mood and Personality. N. Y.: Holt, 1966.

Williams J. G., Solano C. H. The social reality of feeling lonely // Personality and Social Psychology Bulletin. 1983. N 9. P. 237–242.

Wilson W. Correlates of avowed happiness // Psychol. Bullet. 1987. V. 67. P. 294–306.

Источники цитирования художественных текстов

Асеев Н. Н. Стихотворения. Поэма. Пермское книжное изд., 1982.

Бабель И. Одесские рассказы. М., 1930.

Бальмонт К. Избранное. М., 1980.

Бунин И. А. Поэзия и проза. М.: Просвещение, 1986.

Гоголь Н. В. Собр. соч. В 7 т. М., 1986. Т. 6.
Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Худ. лит., 1990.
Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15 т. Л., 1990. Т. 7.
Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1974.
И будет вечен вольный труд… Стихи русских поэтов о родине. М.: Правда, 1988.
Лермонтов М. Ю. Избр. соч. В 2 т. М., 1970. Т. 1.
Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. М., 1957. Т. 6.
Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 3 т. М.: Русская книга, 1993.
Пришвин М. М. Собр. соч. В 8 т. М., 1986. Т. 8.
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л., 1977а. Т. 1; 1977б. Т. 2; 1977в. Т. 3; 1978. Т. 5.
Ремарк Э. М. Тени в раю // Иностранная литература. 1971. № 12.
Роллан Р. Собр. соч. В 14 т. М., 1954. Т. 2.
Светлов М. Стихотворения, песни, поэмы. М., 1983.
Стендаль. О любви // Собр. соч. М., 1959. Т. 4.
Толстой Л. Н. Исповедь // Новые пророки. СПб.: Алетейя, 1996. С. 199–290.
Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М., 1956.
Толстой Л. Н. Собр. соч. В 20 т. М., 1960. Т. 19.
Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч. В 22 т. М., 1981. Т. 7.
Тургенев И. С. Соч. В 12 т. М., 1986а. Т. 12; 1986б. Т. 4; 1986в. Т. 9; 1986 г. Т. 10.
Уайльд О. Полн. собр. соч. СПб., 1912. Т. 2.
Цвейг С. Казанова. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. М., 1990.
Чернышевский Н. Г. Что делать? М.: Правда, 1955.
Чехов А. П. Соч. В 18 т. М., 1983. Т. 3; 1984. Т. 5; 1985а. Т. 6; 1985б. Т. 7; 1986а. Т. 8; 1985в. Т. 9; 1986б. Т. 10; 1987. Т. 17; 1988. Т. 18.

ЧАСТЬ II

ПОЗИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Глава 1

ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТРИЕДИНСТВА ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ

В психологической науке, в ее многочисленных теориях и концепциях широкое распространение и известность получили различные триадичные и трехкомпонентные схемы и модели рассмотрения, объяснения и классификации психических явлений, будто подтверждая известную русскую пословицу «Бог троицу любит». Не вызывает сомнений, что свою расположенность к триадам психология унаследовала от философии, в истории которой эта традиция начинается уже у древнегреческих мыслителей, развивавших идею трехритмичности (трехступенчатости) мирового движения. В дальнейшем данная идея наиболее полно воплотилась в немецком классическом идеализме, особенно у Гегеля, сделавшим ее основным диалектическим принципом развития. В современной научной литературе понятие «триада» используется более широко как синоним тройственности (троичности) чего-либо.

В числе наиболее известных в психологии триад прежде всего назовем идущее от Тетенса и Канта трехчленное деление психических явлений на интеллектуальные, эмоциональные и волевые, а также признаваемое большинством современных ученых трехмодусное существование психического в качестве процесса, состояния и свойства. В рамках отечественной психологии в этом ряду правомерно назвать рубинштейновское определение личности как триединства «хочу», «могу» и «Я сам», ананьевскую триаду социальных деятельностей (труд, общение, познание), триадическую схему исследования психологических проблем (индивид–деятельность–среда) и мн. др. В мировой психологической науке хорошо известно предложенное Вундтом трехмерное измерение эмоциональной сферы сознания (удовольствие–неудовольствие, расслабление–напряжение, спокойствие–возбуждение), а также трехчленная модель личности Фрейда (Оно, Я, Сверх-Я), как и выделенные им три уров-

ня психической жизни: бессознательное, предсознательное и сознательное. Этот список можно продолжить, называя как зарубежных, так и отечественных авторов и их триадичные модели.

В связи с темой нашего исследования наибольший интерес представляет триадический принцип классификации смысловых образований, реализуемый в логотерапевтической концепции В. Франкла. Одну из трех выделенных им триад ученый называет «трагической триадой» человеческого существования. Она включает такие экзистенциальные «факты жизни», как боль (страдание), вина, смерть (В. Франкл).

Конечно, сама по себе эта «трагическая триада» не вносит в его целостную концепцию какого-либо пессимизма, который характерен для классического экзистенциализма. Напротив, как подчеркивает автор, в основе его теории лежит оптимистическое отношение к жизни, убежденность в том, что нет таких трагических и негативных аспектов, которые нельзя было бы переосмыслить и превратить в достижения. Более того, разработанная им логотерапия направлена именно на то, чтобы научить и дать человеку возможность посредством изменения отношений «переформировать», «преобразовать» себя даже в безнадежной, трагической ситуации, связанной с неизбежными в жизни страданиями, неудачами, смертью.

В качестве прямой альтернативы этой «трагической триаде» В. Франкла правомерно выделить другой, хорошо известный нам из библейских текстов необыкновенно возвышенный, вдохновенный и жизнеутверждающий «союз», представленный такими феноменами, как вера, надежда, любовь, которые для русского сознания совпадают еще и с прекрасными женскими именами. Уникальность такого «тройственного союза» – в максимально присущей ему позитивности и выраженности того, что С.Л. Рубинштейн называл «человеческим в человеке» и что делает людей способными смягчать, превозмогать, преодолевать, а нередко и побеждать объективный трагизм жизни. Поэтому наиболее логично по аналогии с рассмотренной триадой В. Франкла назвать эту противостоящую ей по позитивности и объективному смыслу триаду оптимистической. В то же время есть все основания определить ее также понятием «духовная», учитывая христианские корни и высшую меру открытости, свободы и «всечеловечности» (Ф.М. Достоевский) всех трех ее составляющих.

По своей первичной основе эта триада архетипична, если использовать терминологию Юнга, «окультурена», укоренена в структурах обыденного сознания и в большинстве случаев воспринимается на-

ми как нечто само собой разумеющееся, изначальное, неоспоримое, включенное в непосредственный опыт наших переживаний.

В то же время обозначенный феномен триединства веры, надежды любви практически не отрефлексирован на уровне научного знания, не стал пока объектом внимания и конкретного исследования ученых в качестве целостности и единородности всех трех его составляющих, что трудно согласуется с позицией интенсивно расширяющейся в последние годы позитивной проблематики современной психологической науки. На наш взгляд, эта в высшей степени позитивная триада имеет не только житейский, христианский, но и научный статус, представляя бесспорный интерес для исследования.

Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, относятся к тому классу высших, хотя четко и не очерченных, структурно трудно дифференцируемых чувств, которые выражают сферу духовного в человеке, отношения с трансцендентальным, метаэмпирическим измерением реальности. Они интегральны по отношению к личности и всей ее жизни.

Природа этих и подобных им «осердеченных» чувств представляет несомненные трудности для научного исследования. И не лишены оснований утверждения о том, что по своей специфике они более соответствуют художественному описанию, чем научному познанию, предполагающему строгость и объективность мышления. По крайней мере, несомненным представляется тот факт, что на протяжении многих столетий эти и подобные им проявления духовной сущности человека оставались преимущественно объектом внимания не столько ученых, сколько поэтов, писателей, драматургов и т. д., сделавших не только для их описания, но и понимания, пожалуй, не меньше, чем наука.

Более того, и сами ученые, особенно представляющие отечественную науку, при рассмотрении этих и аналогичных им личностных структур высшего, метаэмпирического уровня часто обращаются к классикам литературы и искусства, используя богатый психологический материал, содержащийся в созданных ими художественных произведениях. Наука с ее сугубо понятийными и логическими способами познания мира не владеет пока соответствующей системой понятий, способной адекватно выразить все содержащееся в этих чувствах богатство смыслов, парадоксов, переживаний с их мистическими наслоениями, переливами, многозначностью, «невербальностью мысли» (М. Мамардашвили), открытостью бесконечному, приобщенности к чему-то вечному, всеобщему и т. д. На эти языковые трудности и понятийные барьеры указывали и указывают прак-

тически все авторы, исследующие или хотя бы затрагивающие эту проблематику в своих работах. Поэтому и в научных текстах часто приходится встречать метафоры, образные выражения и слова, используемые без необходимой научной строгости, но способствующие пониманию авторской мысли и уточняющие смысл написанного.

Конечно, за последние два-три десятилетия ситуация в психологической науке в отношении изучения сферы духовного в человеке и его проявлений, к которым в числе первых, бесспорно, относятся вера, надежда, любовь, заметно изменилась. Психологическая наука, наконец, повернулась лицом к этим «вершинным» образованиям человеческой психики, стремясь операционализировать и раскрыть психологическое содержание многих относящихся к ним понятий: субъективное благополучие, счастье, смысл, оптимизм, высшие духовные устремления, жизнестойкость, духовный интеллект, позитивное мышление, юмор и т. д.

В русле этих новых тенденций, определивших появление в мировой психологической науке на рубеже столетий позитивной психологии как особой научной дисциплины, были сделаны и первые шаги на пути конкретно-научного изучения тех чувств, которые образуют выделенную нами «оптимистическую триаду», прежде всего любви. Однако все известные нам эмпирические, как, впрочем, и теоретические исследования, изучают каждое из них в отдельности, изолированно друг от друга, не затрагивая и не обсуждая проблему их целокупности и приобретаемый в этой взаимосвязанности усиливающий и взаимообогащающий эффект.

В соответствии с вышеизложенным главную задачу своего исследования мы связываем с попыткой научно обосновать представленный в культуре и массовом – в частности, и религиозном – сознании феномен триединства веры, надежды, любви, раскрыть объективную основу их единения в этот уникальный по благотворности и силе противостояния трагизму жизни «тройственный союз». Согласно нашей гипотезе, в единую целостность эти чувства объединяют, прежде всего, присущие им оптимизм и четко выраженная духовность, а вместе с ними и общая для них жизнетворческая функция. Причем и сами они и особенно их совместная «бытийность» имеют прочные и глубокие основания в российском, исторически ориентированном на православие менталитете.

Вера – первая составляющая данной триады и первая ступень на пути понимания ее единой сущности. Одновременно вера является первой и с точки зрения полноты выраженности в ней того качества личности, которое называется оптимизмом. Оптимизм в наи-

более кратком, предложенном нами определении – это позитивное отношение и восприятие будущего.

О максимальной сближенности оптимизма и веры свидетельствует тот факт, что не только в обыденной речи, но и в научной литературе эти понятия часто употребляются как однозначные и взаимозаменяемые. Более того, нередко оптимизм определяется как вера в светлое (лучшее, прекрасное, коммунистическое и т.д.) будущее, означающее при всем разнообразии прилагаемых к нему эпитетов конечное торжество добра над злом или, если не как вера в будущее процветание общества, то, по крайней мере, в возможность его улучшения, несмотря на все препоны и бедствия. В науке эта более мягкая форма оптимистического сознания получила название мелиоризма (от *лат.* melior – лучшее).

Авторы подобных определений, встречающихся даже в справочных изданиях и словарях, видимо, полагают, что вера представляет собой более определившееся и общезначимое понятие, чем оптимизм, хотя в действительности это совсем не так. И задача ее определения является не менее, а, возможно, и более сложной, чем задача определения оптимизма, который выступает корневым для целого ряда других, более частных понятий, в том числе и для веры.

Существующие в психологической литературе определения веры очень разнятся между собой, и трудно отдать предпочтение какому-либо одному из них. Да и сами они вряд ли претендуют на общезначимость. В предлагаемом нами варианте вера – наиболее близкий оптимизму личностный конструкт, имеющий не только выраженную эмоционально-чувственную, но и мировоззренческую основу и наделенный способностью выходить за пределы «наличного бытия» (С.Л. Рубинштейн) в пространство будущего как желаемого, оправданного и одновременно реально возможного. Основную содержательную нагрузку в этом определении несет в себе категория «будущее», поэтому не лишено оснований, на наш взгляд, и предельно краткое определение веры как чувство будущего.

В своем наиболее общем значении чувство будущего выражает одно из самых фундаментальных качеств человеческого бытия – пребывание во времени с его протяженностью и текучестью, представленное тремя измерениями – прошлое, настоящее, будущее. В этом своем качестве последнее фиксирует, прежде всего, однонаправленность времени нашего бытия, вектор движения жизни.

Будущее, несмотря на свою проспективность, эмпирическую неочевидность и фактологическую неосуществленность, – тоже вид бытия, не менее реальный и переживаемый, чем прошлое и насто-

ящее. В практике жизни не только настоящее определяет будущее, но и будущее оказывает давление на настоящее. И эта бытийность будущего достигается благодаря особым структурам в психике человека, к которым относится, прежде всего, вера и непосредственно связанная с ней по смыслу надежда (предмет нашего дальнейшего анализа), наделенные способностью просветлять, «пронзая будущего мрак» (М. Ю. Лермонтов), «очеловечивать», наделять признаками жизни и всем ценным для нас это пока отдаленное, бездушное и полное неопределенности и тайн пространство будущего. Верой своей и заложенным в ней оптимизмом человек вторгается в него, духовно «осваивает», приоткрывает завесу неизвестности, приближает к себе, преодолевая отчужденность и чувство страха перед стихией грядущего. И чем сильнее и крепче вера, тем меньше оснований «глядеть на будущность с боязнью» (М. Ю. Лермонтов).

В этом смысле можно сказать, что человек, находясь в настоящем и оглядываясь на прошлое, живет будущим, поскольку только будущее таит в себе возможность реализовать все несбывшееся и неосуществленное в прошлом и настоящем. И совсем не случайно мифологический Янус, бог дверей – входов и выходов – знающий одновременно и прошлое и будущее, часто изображается с двумя, смотрящими в разные стороны лицами: в прошлое и в будущее. Лицо, смотрящее в будущее, – прекрасно, оно притягивает взгляд; в прошлое, напротив, отталкивает.

Вера обеспечивает возможность смотреть не назад, а вперед, туда, куда явления восходят, и в направлении, в котором они развиваются. Благодаря вере значимость будущего возрастает еще и оттого, что связанная с ним перспективность, выстраивая вертикальную ось жизни, наделяет подлинным человеческим смыслом и наше настоящее, приподнимая его над прозой и житейской приземленностью дня сегодняшнего. Эту психологическую закономерность человеческого бытия в аспекте времени жизни, тесно связанную с верой, выразил А. С. Пушкин:

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

(Пушкин, 1977, с. 230)

Вера как чувство будущего обладает огромной внутренней силой. Образно говоря, это не только ориентир, но и своеобразный аккумулятор жизни, который заряжает, поддерживает энергетическое

состояние тех, кто верит в лучшее, кто идет с этой верой по дороге жизни к завтрашнему дню, к достижению своей заветной цели. «Встань и иди. И вера твоя поможет тебе», – лаконично и сильно сказано в Библии.

Для обоснования и развития этой мысли сошлемся также и на научное мнение практического психолога и ученого невролога, утверждающего, что «вера является изначальным и непременным условием достижения будущего, так как формирует для этого необходимые психофизиологические предпосылки, и в этом смысле представляет собой атрибут жизни» (Гримак, 2001, с. 90).

«Преданность вере» (А. С. Пушкин) – важнейшее качество личности, необходимое условие для больших начинаний и вдохновения. В свою очередь, потеря веры – это духовный крах человека, который одинаково неприемлем как с церковных позиций, так и с позиций атеистических представлений о жизни, добре и зле, «праведности по вере». Неслучайно символами неверия в мировой культуре выступают «дьявольские» персонажи, такие, например, как Демон в поэзии М. Ю. Лермонтова или Мефистофель в «Фаусте» Гёте. Как известно, главный зловещий замысел Мефистофеля, который сам ни во что не верит, ибо «знает все», – посеять дух неверия среди людей, обесценить стремление человека к духовным вершинам, испытать его иллюзиями и суррогатами истины и после их крушения – низвергнуть в пучину неверия, опустить на самое дно, из которого уже никогда и никому не выбраться.

Личностная вера, даже если объект ее представляется весьма сомнительным, а порой и просто нелепым, с точки зрения представлений науки или реальных возможностей самого индивида как субъекта веры, сама по себе не есть «пустой самообман», как это нередко можно было еще недавно прочитать в философской литературе, связывающей по традиции проблему веры в основном с религией. Возможно, в некоторых случаях вера и является неким «самообманом», но только не пустым, а чаще всего весьма живительным и благотворным, когда, по словам Пушкина, «я сам обманываться рад». И действительно, современная психологическая наука располагает большим объемом эмпирических данных, раскрывающих по ряду параметров положительную связь религиозных верований с благополучием человека – субъективным и объективным, с его состоянием и восприятием счастья и т. д. (Эммонс, 2004; Аргайл, 2003).

Во всех своих формах и проявлениях вера – это реальная жизненная сила, включающая диктат убежденности, непоколебимости и властности, а вместе с ними и силу страсти, элементы воления,

долженствования. «Если имеете веры хоть с горчичное зерно, – отмечал Ф. М. Достоевский, опираясь на Библию, – по вашему слову горы сойдут в море». О том, на что бывает способна вера с ее огромным энергетическим потенциалом, действенностью и волевой напористостью, свидетельствует такой феномен, как фанатизм.

Фанатизм, имея общие с верой механизмы, сам непосредственно верой, конечно, не является, представляя ту ее духовно искаженную, отчужденную от любви и надежды форму, при которой она становится поистине «слепой», неуправляемой, сметая все на своем пути и переступая доводы разума, практической целесообразности и опыта жизни. В то же время элемент фанатизма в большей или меньшей мере имеется в любой вере, поскольку вера человека во что-то или в кого-то, особенно в идеологемы или идеалы, кумиров, социальные программы, обещания известных и влиятельных лиц и т. д. всегда предполагает определенные убеждения и принятые принципы жизни.

Одновременно следует подчеркнуть, что вера в структуре оптимистического сознания выступает не столько в каких-то эзотерических, фанатически искаженных, юродивых или мистических формах, значимость которых для самого оптимистического мироощущения личности часто бывает вообще минимальной, сколько в таких проявлениях и структурах личности, как вера человека в самого себя, свое Я, свои возможности и силы. Она укрепляет волю, вселяет в человека стойкость, решимость, способность терпеть, мужественно переносить лишения и невзгоды. В свою очередь, вера человека в себя определяет также чувства самоэффективности и успешности, самоценности и компетентности, личного достоинства и внутреннего контроля за ходом собственной жизни и т. д. Вера человека в свои силы и возможности, как и связанная с ней способность самому определять личную судьбу и сценарий будущих событий, нередко сочетаются с аналогичным отношением к другим людям, особенно из числа любимых и духовно близких, с верой в их порядочность, творческие способности, надежность, с уверенностью, что на этих людей всегда можно положиться. В этом кроется один из источников жизнестойкости личности.

В своем понимании веры, как это видно из проведенного выше анализа, мы придерживаемся той широкой позиции, ставшей в настоящее время практически общепринятой в науке, которая не ограничивает этот феномен рамками одной только религии. С этих позиций религиозная вера, основанная на признании сверхъестественного начала, божественных откровений и т. д., – это только

одна из разновидностей «веры вообще», хотя и очень специфическая. Она является наиболее традиционной, самой определившейся, распространенной и укорененной ее формой, представляя обязательный и главный компонент религиозного сознания. По одному из новозаветных определений, принадлежащих апостолу Павлу, «вера – уверенность в невидимом», и это дополнено тезисом «Блажен, кто верует».

Несмотря на принципиальное отличие предметного содержания религиозной веры и ее безрелигиозных форм, они представляют, по существу, единый психологический феномен, функционирующий по сходным механизмам и выполняющий в целом позитивную роль с точки зрения своего влияния на психику человека. Из используемых в науке понятий, способных наиболее адекватно выразить психологическую суть религиозной веры, основным, на наш взгляд, является понятие смысла, точнее, «стремления к смыслу» или «поиска смысла», которые вводит и анализирует в своей логотерапевтической концепции австрийский психолог и терапевт В. Франкл. Солидаризуясь с высказыванием А. Эйнштейна о том, что для него задаваться вопросом о смысле жизни – значит быть религиозным, Франкл считает правомерным рассматривать феномен веры с позиций науки не как веру в Бога, а как более широкую веру в смысл или, точнее, как стремление к конечному смыслу, сверхсмыслу, используя соответствующую для себя терминологию. «Религиозная вера, – пишет он, – является, в конечном счете, верой в сверхсмысл, упованием на сверхсмысл» (Франкл, 1990, с. 336).

Вопрос веры – вопрос мировоззренческого уровня. Именно на таком уровне рассматривается он в романах Ф. М. Достоевского, в которых вера или неверие главных персонажей проанализированы с тщательностью и мастерством «духовного экспериментатора», каким писатель предстает в своих произведениях. Это мастерство позволило ему увидеть и психологически подробно описать такой феномен нравственно-духовного содержания, как «верование без веры». И у Достоевского-мыслителя были все основания назвать веру главной заботой человека и человечества, поскольку она выражает смысловую сторону бытия с его извечным вопросом «для чего жить?». Особенно значимой вера представлялась ему для русского человека, поскольку именно она, по глубокому убеждению писателя, не дает прорасти всем дурным наклонностям национального характера. Без веры, писал он, русский человек – дрянь.

В связи с мировоззренческими характеристиками веры отметим, что вслед за Достоевским и героями его романов другой наш

великий писатель Л. Н. Толстой в программной форме выразил эти характерные для русского самосознания духовные искания в сакраментальном для себя вопросе: «В чем моя вера?».

Этот вопрос логически замыкает показательный для российской общественности XIX в. и ментальный по своей сути ряд из других кардинальных для истории страны вопросов, несколько ранее уже поставленных известными выразителями дум и чаяний народа: «Кто виноват?» (А. И. Герцен), «Что делать?» (Н. Г. Чернышевский) и «Когда же придет настоящий день?» (Н. А. Добролюбов).

Все эти вопросы и особенно ответы на них подтверждают мнение тех отечественных авторов, которые полагают, что исторически для России и россиян одних только «хлеба и зрелищ» всегда было мало, у них постоянно была сильно выражена потребность в национальной идее и вере.

В своей устремленности к будущему как к чему-то особенно желаемому и вожделенному в конкретных жизненных ситуациях вера плавно переходит и подкрепляется надеждой – следующей составляющей оптимистической триады чувств. Надежда является еще одним, сходным с верой, «генератором» и мощным фактором оптимистического мироощущения человека, способом утверждения бытия в его позитивной настроенности на будущее. Выражая чаяния и высшие духовные устремления, надежда противостоит отчаянию и безнадежности, образуя заградительный «барьер» на пути их разрушительного воздействия на психику. По образному выражению из Евангелия, она представляет собой «шлем» на голове человека, а по своему духовному смыслу – это возможность не капитулировать, не опустить руки, не сломиться под тяжестью настоящего и грузом прошлого.

Надежда – великая «волшебница» (Г. Полонский), которая не исчезает в «минуты роковые», не оставляет человека один на один с его сомнениями, жизненными потрясениями, неудачами, с враждебностью и угрозами среды, давая «лазейку» для выхода из темной полосы жизни. Это качество «преданности», всегда высоко ценимое во всех культурах и всеми народами, таким, как русский, особо выделяет надежду, что отразилось, например, в одной из русских пословиц: «Счастье скоро покинет, а добрая надежда – никогда». Как в жизни, так и в поэтических и литературных произведениях для надежды всегда находились и находятся особенно теплые, глубоко проникновенные слова и выражения: чистая и прекрасная, вдохновенная и окрыленная, лучистая, ослепительная и сладостная, радостная, волшебная и т. д. Отметим, что все эти характеристики и эпитеты

заимствованы нами в данном случае только из стихотворений двух наших классиков – Пушкина и Лермонтова, для которых – особенно для Пушкина – надежда была верной спутницей и духовной опорой в жизни и творчестве.

Для раскрытия внутренней сути и психологических характеристик надежды наиболее выразительным представляется нам ее символический образ в качестве источника света. Именно этот поэтический символ использует Пушкин, обращаясь к своему лицейскому братству:

Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

В свою очередь, Лермонтов находит для надежды уже более глобальный и даже космический аналог – светило. Он, как всегда, полемизирует с Пушкиным, противопоставляя его оптимистическому мироощущению свой пессимизм:

И померкло прежде, чем младость,
Светило надежды моей.

Как видим, если для оптимиста Пушкина «лампа надежды зажжена», то для Лермонтова, напротив, «светило надежды» померкло.

Образ «луча», источника света дает возможность подчеркнуть важнейшую функцию и жизненный смысл не столько веры, сколько надежды как мощнейшего внутреннего ресурса личности, дающего необходимую жизненную энергию, стойкость, укрепляющего волю к жизни и силу духа. Наделяя нас внутренним духовным светом, надежда, как и вера, снижает тревогу и страх человека перед «неведомым грядущим», помогает определиться в отношении будущего, внести в него частицу живого, одушевленного бытия.

Надежда, «чистая и прекрасная» (М. Ю. Лермонтов), живет в каждом из нас, порождая эффект окрыленности, причем ее тепло и поддержка ощущается даже тогда, когда, казалось бы, уже все потеряно и ничего нельзя изменить к лучшему. «Пока дышу – надеюсь», – сказано было еще в древности. Надежда не просто сопровождает нашу жизнь, она часть этой жизни, часть нашего Я. Среди широко распространенных определений человека, (homo faber, homo sapiens, homo negans, homo ludens, homo agens и т. д.) есть и определение – homo esperans (человек надеющийся). «Когда человек полностью отказывается от своих надежд, – пишет Э. Фромм, – он подходит к дверям ада, понимает он это или нет, и перестает быть человеком» (Фромм, 1999, с. 92). В этом своем утверждении ученый перекликается с Дан-

те, в «Божественной комедии» которого над вратами ада предусмотрительно повешена табличка со словами «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Именно так выразил жизненную сущность надежды великий поэт Возрождения. И действительно, расставшись с ней и потеряв ее, человек уже «не принадлежит будущему» (А. Камю) и для него наступает, если не физическая, то духовная смерть – потеря смысла и воли к жизни.

Надежда высоко оценивается не только по светским нормам и позиций науки, но и с точки зрения религиозных учений. Отметим, что и Библию, например, многие считают книгой о надежде, ибо, как сказано в послании апостола Павла Салоникийцам, мы спасены, «облекшись в шлем надежды»[1]. В Евангелии содержится мысль о том, что надежда, которая «не постыжает», есть и у пропащей женщины (блудницы), и у разбойника, и даже у мытаря – сборщика налогов, в адрес которого там, как известно, сказано много жестких, обвинительных слов, тем не менее, и у него есть шанс начать жизнь сначала, т. е. по благоверию и нравственным заповедям.

Образ спасительной «соломинки», который прочно закрепился в нашем сознании за словом «надежда», как и часто цитируемая фраза «Надежда умирает последней», по заложенному в них смыслу восходят к древнему и весьма парадоксальному, на первый взгляд, латинскому выражению «Contra spem spero» («Без надежды надеюсь»). Однако именно это выражение с его внутренней напряженностью выбрала в качестве эпиграфа к одному из своих первых стихотворений безнадежно больная, прикованная к постели с ранних лет, но мужественная и духовно стойкая Леся Украинка. При всей объективной безысходности своего положения она до самых последних дней жизни сохраняла надежду на тот светлый день весны, когда «сердце забьется сильнее, – может, лютую смерть победит».

Да! И в горе я петь не забуду,
Улыбнусь и в ненастную ночь.
Без надежды надеяться буду,
Буду жить! Прочь, печальные, прочь!

(Украинка, 1984, с. 19).

При рассмотрении и феноменологическом описании надежды наибольшую трудность представляет вопрос ее размежевания и разведения с понятием веры. Являясь подструктурами оптимистического

1 «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения» (1 Сол. 5: 8).

сознания и будучи связанны категорией будущего, они обнаруживают между собой, пожалуй, больше общего, чем различного и провести четкую границу между ними совсем не просто. Причем различия относятся не столько к существенному, сколько к формам проявления, к различным оттенкам, степени выраженности и значимости в их структуре того или иного качества, поэтому многое из того, что было сказано выше при рассмотрении веры, может быть с небольшими поправками и уточнениями отнесено и к феномену надежды. Тем не менее в аспекте нашей темы вопрос о разграничительной линии между ними требует более специального рассмотрения.

В литературе, в том числе и научной, и уж само собой в устной и разговорной речи вера и надежда чаще всего не разграничиваются и употребляются как тождественные понятия. Более того, встречаются случаи, когда один и тот же автор на одной и той же странице текста сначала определяет веру через надежду, а сразу за этим уже надежду – через веру. Например, в одной из научных работ можно прочитать следующее: «И если вера – это осуществление надежды, то надежда, в свою очередь, является формой веры» (Унамуно, 1996, с. 15).

Проанализировав большой объем соответствующей научной литературы, преимущественно зарубежной, К. Муздыбаев приходит к выводу, что почти все исследователи надежды солидарны в том, что вера сопровождает надежду или что она присутствует в содержании понятия надежды (Муздыбаев, 1999, с. 21).

Среди известных нам определений веры, раскрывающих ее соотношение не только с надеждой, но и с некоторыми другими личностными феноменами, наиболее удачным представляется определение Дж. Фаулера: «Вера в ее классическом понимании не есть изолированное измерение жизни, какая-то обособленная область. Вера есть ориентация целостного человека, придающая ориентацию и цель его надеждам и стремлениям, мыслям и действиям» (цит. по: Эммонс, 2004, с. 172). Еще более определенно пишет Э. Фромм: «Надежда – это настрой, который идет рука об руку с верой. Без настроя, полного надежд, нельзя поддерживать веру. Лишь на фундаменте веры можно воздвигнуть здание надежды» (Фромм, 1999, с. 29).

Однако при всех совпадениях, пересечениях предметного содержания веры и надежды, при всей их взаимосоотнесенности и единосущности в практике реальной жизни нередко складываются такие ситуации, когда важно подчеркнуть момент их несовпадения, расхождения. И в этих случаях обычно говорят: «Надеюсь, но не верю». Именно так ответил возвратившийся из ссылки

и активно включившийся в общественную жизнь и «перестройку» страны А. Д. Сахаров на вопрос о том, действительно ли он верит в то, что его план социального переустройства общества будет выполнен в ближайшем будущем.

Противопоставление веры надежде или, по крайней мере, их разведение в приведенной фразе Сахарова, которую нередко можно услышать и от других людей в сходных жизненных ситуациях, оправданно, на наш взгляд, прежде всего тем, что для веры, тем более уверенности в отношении реализации своего плана, тезисно представленного в ряде публикаций и выступлений, у Андрея Дмитриевича не было достаточных оснований в сложных, перестроечных условиях тех лет (социальная неопределенность в стране, противодействие влиятельных политических группировок и их лидеров, недостаточная поддержка широкой общественности, слабая информированность о реальном положении дел в различных сферах жизни, отсутствие необходимого опыта политической борьбы и т. д.). Однако к этому времени у него уже были не только заслуженное имя ученого-академика и широкий международный авторитет правозащитника, но и глубоко прочувствованное понимание необходимости и важности социальных перемен, продуманный и вполне разумный проект широких социально-политических преобразований в стране, реализация которого стала делом жизни ученого. И поэтому в его сознании сохранялась какая-то надежда на успех его новых общественных инициатив, на понимание и поддержку здравомыслящей части общества и на тот счастливый случай или благоприятное стечение обстоятельств, которые не дают угаснуть надежде как чувству возможного, хотя и трудно выполнимого.

Таким образом, противопоставление веры и надежды в приведенной выше фразе проходит по линии их соотнесенности со знанием, фактами, доводами разума, степенью уверенности в достижимости желаемого. Для веры эта соотнесенность является более значимой, чем для надежды. Известное житейское выражение «Когда кончаются факты, начинается вера», как и часто цитируемый афоризм Канта из его второго предисловия к «Критике чистого разума» о том, что он должен был устранить знание, чтобы получить место для веры, справедливы лишь отчасти, поскольку относятся в основном к области религиозных форм веры, а не веры в целом, понимаемой более широко как чувство будущего.

Условием возникновения этих нерелигиозных, обычных форм веры является не столько отсутствие фактов, знаний, сколько их недостаточность, недостоверность, противоречивость, непроверяе-

мость и т. д., что не допускается в отношении научного, объективного знания, основанного на строгих доказательствах и обоснованиях. Вера представляет, скорее всего, механизм замещения этих доказательств, восполняющий недостаточность рационального обоснования и понимания мира. Это особый вид убежденности в отличие от надежды. В свою очередь, знания тоже предполагают в своем содержании некоторый элемент веры, поскольку никогда не бывают абсолютными, окончательными, безоговорочными. Более того, именно вера в их истинность придает им необходимую действенность, превращает в могучую реальную силу.

Если обратиться, насколько это, конечно, представляется возможным, к истории понятия веры, то становится очевидным, что с самого начала с ним связывалась возможность разрешения конфликта между религией и наукой, между истинами богословия и научного знания, между откровением и объективным познанием. Причем на протяжении этой истории предлагались самые разные варианты решения проблемы веры в ее соотношении с познанием и рассудочным пониманием: «Верю потому, что абсурдно» (Тертуллиан); «Верю, чтобы понимать» (Ансельм Кентерберийский); «Понимаю, чтобы верить» (Абеляр); «Верю и понимаю» (Фома Аквинский) и др.

Традиция определения и соотнесения веры с познанием в той или иной форме присутствует и в более поздних теориях и представлениях. Наиболее четко она выражена в определении веры как «неразумного знания» (Л. Н. Толстой) или иллюзорного познания, в частности, как чувства, создающего «иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией» (Платонов, 1982, с. 170). Отметим, что определения, близкие этому последнему, предложенному известным советским психологом К. К. Платоновым, были еще сравнительно недавно преобладающими в нашей отечественной литературе, когда вера связывалась в основном с религиозной формой сознания.

Эта традиция соотнесения веры с познанием просматривается и в работах последних лет, авторы которых включают в структуру веры когнитивный компонент, содержащий определенную информацию об объекте (Борунков, 1971) или даже рассматривают феномен веры как некий «энергоинформационный механизм» (Гримак, 2001).

Наименее традиционной в решении проблемы «вера и познание», «вера и знание» представляется нам попытка связать это решение с таким понятием как «персональный миф» (Двойнин, 2007). Персональный миф – это «определенным образом *индивидуально познаваемая* (курсив мой. – *И. Д.*) действительность, наполненная

личностными смыслами и ценностями, представляющая „точку опоры“ для человека, служащая основанием для всех его действий». Понятие персонального мифа, как полагает цитируемый автор, дает возможность «объединить то, что в вере человек *познает* (курсив мой. – *И. Д.*) действительность, находит в ней смысл, переживает его и стремится утвердить его своими поступками» (Двойнин, 2007, с. 46). При этом, как уточняет свою мысль ученый, традиционное противопоставление человека как субъекта и мира как объекта в вере «снимается».

Отмеченная нами здесь более выраженная по сравнению с надеждой «причастность» веры к познавательным структурам, к формирующемуся или уже имеющемуся, но пока неполному знанию о мире и его объективных законах, истинность которого к тому же имеет лишь вероятностный характер, объясняет широту и разнообразие объекта веры, которым может стать практически все.

Люди верят, например (даже если исключить религиозную сферу), не только в чудеса, приметы, инопланетян, параллельные миры, свою судьбу, «вещие» сны, свое особое предназначение, правоту (успех) главного дела жизни и т. д., но и в безграничность человеческого прогресса, в науку и ее высшие достижения, в «силы человеческого разума и духа» (А. Д. Сахаров), во «всеобщее будущее благоразумие» (Ф. М. Достоевский), в наступление «прекрасного будущего» (В. И. Вернадский), в «человеческий потенциал человека» (В. Франкл), в социальную справедливость, силу духа русского народа, возрождение России и т. д.

О таких широко раздвинутых границах объекта веры, не ограниченных опытом собственных переживаний или строгостью мысли, а значит не застрахованных в будущем от сожалений и разочарований, с присущей ему иронией и на языке поэзии говорит в своей «Исповеди» М. Ю. Лермонтов:

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;

Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки

Они прощают иногда.
Что время лечит от страданья,

Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!

(Лермонтов, 1970, с. 73).

По сравнению с верой надежда не столь многоохватна в отношении объекта своей направленности. Предметный мир надежды более избирателен и конкретизирован, более субъективен, личностно и эмоционально окрашен и чаще оказывается привязанным к наиболее значимым и судьбоносным событиям собственной жизни или к касающимся жизни человечества и сферы межличностных отношений. Поэтому он не всегда и не во всем совпадает с верой. Надежда – это ожидание наиболее сокровенного, особенно желаемого, хотя и трудновыполнимого, в котором проявляется «склонность души убеждать себя в том, что желание сбудется» (Р. Декарт).

Надежда меньше всего основана на доказательстве, обосновании; в ней больше иррационального, интуитивного, эмоционально-бессознательного, а ее мобилизационный ресурс подключается обычно в критических для жизни людей ситуациях. Например, человек может верить в чудо вообще как некий необъяснимый феномен нашего бытия, имеющий своим основанием общую непредсказуемость и неопределенность будущих событий, способных перевернуть весь налаженный ритм жизни. Однако в условиях конкретной жизненной ситуации, связанной в большинстве случаев с какими-нибудь судьбоносными моментами жизни, например, с тяжелой, трудноизлечимой болезнью – своей или очень близких и родных людей, – правомерно говорить уже не о вере в чудо как таковое, а о надежде больного на чудо своего исцеления. И если на веру уповают (полагаются), то надеждой утешаются.

Выступая в качестве утешительного умонастроения человека и выполняя в целом прежде всего и главным образом утешительную функцию, надежда не содержит в своей структуре, на наш взгляд, сколько-нибудь выраженного волевого начала. В этом вопросе мы не можем согласиться с теми авторами, которые считают надежду, как и веру, «сродни с волей», выделяя в ней непременную волевую составляющую (Муздыбаев, 1999, с. 21).

Активность надежды проявляется не в том, что она выступает неким сознательно используемым поведенческим регулятором, непосредственным источником практических действий, требующих волевых усилий, а в том, что она придает смысл действиям, поддерживает волю к жизни, поднимает силу духа, учит терпению, возвра-

щает человеку чувство контроля над обстоятельствами собственной жизни и т. д. В связи с этими характеристиками надежды заслуживает внимания критический анализ известного отечественного философа Э. Ю. Соловьева концепции Канта, с точки зрения соотношения в ней знания, веры и нравственности. Отметив противоречивость концепции немецкого философа в этом вопросе, Соловьев справедливо полагает, что Кант поступил бы последовательно, если бы вообще исключил категорию «вера» из своего учения, поставив на ее место понятие «надежда». «Последняя, – пишет он далее, – отличается от веры тем, что она никогда не является внутренним одушевлением, предшествующим действию и определяющим выбор <…>. Надежды простительны, поскольку речь идет об утешении, но как побудительные силы поступков они требуют настороженного и критического отношения к себе» (Соловьев, 1992, с.179).

Однако это не означает, что надежда по своей внутренней сути является неким пассивным состоянием, сходным с покорным сидением у «синего моря» в ожидании своей заветной «золотой рыбки», как в известной сказке Пушкина, тем более она не является бессмысленным ожиданием мифического Годо, который, конечно, никогда не появится, как в пьесе С. Беккета.

Надежда – это состояние не просто бытия, а активного бытия. Термин «активное бытие», предложенный М. Маккоби и высоко оцененный Э. Фроммом в качестве возможной замены чрезмерно перегруженного термина «активность», представляется и нам весьма продуктивным для характеристики многих душевных состояний и проявлений духовной сущности человека, непосредственно не связанных с активностью в ее традиционном понимании как практической и преимущественно волевой деятельности человека, направленной на внешнюю среду. И тем не менее все эти состояния являются «продуктами» работы внутреннего Я, определяют содержание нашей внутренней жизни, требуют больших духовных усилий и нравственных напряжений.

Идея активного бытия предельно лаконично выражена в известных стихотворных строчках поэта Н. Заболоцкого, утверждавшего, что «…душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!». Об этом же в более развернутой форме писал и Ч. Айтматов, справедливо полагая, что человек трудолюбивой души будет задавать себе вопросы, на которые у других всегда есть готовый ответ, и поэтому они лениво делают какое-то дело, даже когда делают его хорошо, и живут, только потребляя. Понятие «активное бытие» применимо, на наш взгляд, не только в отношении таких феноменов,

как «вера», «надежда», «любовь», «мужество» и др., но и к понятию «созерцание» в предложенной С. Л. Рубинштейном трактовке, а также к понятиям «эстетическое восприятие», «переживание совести, вины», «сочувствие к людям», «чувство эмпатии» и др.

Наш анализ проблемы надежды с ориентацией на ее многосторонность и соотнесенность с верой, а также с попыткой опереться на самые разные источники дает основание считать вполне обоснованным утверждение о глубокой укорененности этого оптимистического чувства в российском менталитете. И если правомерно поставить вопрос о том, какой из народов в своей исторической биографии мог извлечь больше всего позитивной энергии из надежды, из своей настроенности на лучшее будущее, то таким народом, скорее всего, оказался бы русский.

В свое время при исследовании феномена счастья в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа нами было высказано предположение о том, что веками продолжавшийся «недобор» счастья в жизни русского народа не мог не отразиться на более выраженном развитии в его психике таких структур и качеств личности, которые должны были как-то компенсировать эту «недостаточность», стать источником положительных эмоций в повседневной жизни, необходимой подпиткой для жизненных сил и стойкости духа, которым всегда славились русские люди (Джидарьян, 2001).

И такими структурами психики могли оказаться, на наш взгляд, прежде всего, надежда и непосредственно связанная с ней вера, обращенные в завтрашний день и наделенные мечтой о более благополучном и счастливом будущем по сравнению с настоящим. В этом предположении мы во многом опирались на русскую художественную классику, правомерно названную «эхом» своего народа – его надежд, настроений и общих устремлений, на работы и высказывания известных представителей отечественной философской и общественной мысли, на некоторые историко-культурологические и эмпирические факты и др. Весьма показателен, например, созданный в русской поэзии XIX в. образ простого человека из народа, идущего по темной дороге в огромной заснеженной степи, у которого «в сердце радостная вера средь кручины злой» (И будет вечен вольный труд…, с. 189). А. С. Пушкин выражает эту мысль в другой поэтической метафоре, говоря о надежде «несчастью верная сестра». В этом определении он своей «чувственной душой» поэта и патриота удивительно метко и образно схватывает глубинную связь между историческими невзгодами страны и человеческими беда-

ми родного народа, с одной стороны, и его надеждами на лучшую жизнь, с другой. И именно надеждой стремится поддержать он своих друзей в «минуты роковые», вселив в них «бодрость и веселье» в известном стихотворении «Во глубине сибирских руд».

В свою очередь, Е. Н. Трубецкой – один из ярких представителей русской религиозно-философской мысли, – размышляя над духовным смыслом древней русской иконописи, этого уникального вида искусства, справедливо увидел в ней не только выражение «беспредельной» и «бездонной глубины скорби существования», но и ту «великую радость», в которую претворяется скорбь: то и другое в ней нераздельны. «Но есть в этой иконописи и что-то другое, – заключает он свои размышления, – что преисполняет душу бесконечной радостью, – это образ России, обновленной, воскресшей и прославленной. Все в ней говорит о нашей народной надежде, о том высоком духовном подвиге, который вернул русскому человеку родину» (Трубецкой, 1994, с. 290).

И уже в наше время всемирно известный кинорежиссер Андрей Тарковский выразит свое кредо в лаконичных словах, которые обрамляют его памятную доску на Мосфильме: «Я за искусство, которое дает человеку надежду и веру».

Наконец, приведем еще один весьма показательный в интересующем нас отношении аргумент, связанный уже с таким выражением, как «Понадеяться на русский авось». Эта хорошо известная и прочно закрепившаяся в нашем сознании поговорка прямо указывает на отмеченную выше характеристику русских как народа, который на протяжении многих веков, несмотря ни на что, в глубине души сохранял и лелеял надежду на жизнь, более радостную и благополучную, чем та, которая, к сожалению, снова и снова выпадала на его долю. «Надежда на авось», т. е. на благоприятный случай, на положительный исход – характерный, а возможно, даже и исключительно русский феномен. Существуют разные версии объяснения слова «авось» в этом выражении. Считается, например, что слово «авось» происходит от названия божественного существа Авося. Отсюда и поговорка: «На авось – вся наша надежда». Позднее это слово стало означать то, на что человек надеется в том или другом случае. В дальнейшем появились и другие его оттенки: «авось, обойдется» или «авось да небось», указывающие уже на некоторые национальные черты русского характера, сформировавшиеся в процессе исторического развития, по всей видимости, не без влияния этой самой ментальной характеристики при ее гипертрофировании, когда происходит фетишизация будущего, наделение его чрезмерными

и самодовлеющими возможностями, не соотнесенными с реалиями настоящего. Этот феномен пассивного бытия можно условно определить как «ожидание жизни», откладывание ее «на потом», когда человек склонен полагать, что настоящая жизнь начнется завтра или, например, с понедельника, с Нового года и т. д.

Классическим примером такого откладывания настоящей жизни на будущее время, когда сама она воспринимается лишь в мысленной благостной перспективе, оторванной от реальных дел для ее наступления, является образ Обломова из одноименного романа И. А. Гончарова: «Еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал многого и от судьбы, и от себя самого… Но дни шли за днями, годы сменялись годами… Стукнуло тридцать лет, а он ни на шаг не подвинулся ни на каком поприще и все еще стоял у порога своей арены, там же, где был десять лет назад. Но он все собирался и готовился начать жизнь, все рисовал в уме узор своей будущности» (Гончаров, 1979, с. 57).

Об опасности такого рода пустых надежд и благих намерений, которыми, как говорится, «вымощена дорога в ад» и из-за которых можно, по словам Д. И. Писарева, «прозевать жизнь или в порыве безумного воодушевления принести ее в жертву» (Писарев, 1949, с. 76) повествуется в рассказе А. П. Чехова «Талант». Речь в нем идет о трех молодых художниках, которые, собираясь вместе, с воодушевлением говорят об искусстве, предаваясь мечтам о своих будущих успехах, известности, деньгах, поклонниках. И в то же время никому из них «не приходит в голову, что время идет, жизнь со дня на день близится к закату <…>, а еще ничего не сделано; что они все трое – жертва того неумолимого закона, по которому из сотни начинающих и подающих надежду только двое, трое выскакивают в люди, все же остальные попадают в тираж» (Чехов, 1961, с. 312–313).

На укорененность надежды в ментальных структурах российского сознания указывают и некоторые данные современных исследований. Сошлемся на одно из них, посвященное выявлению «образа» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян в конце 1990-х годов и давших основание сделать общий вывод о негативном фоне социального самочувствия российского общества в результате проводимых реформ (Сикевич, 1999). В нем было установлено, что надежда, которую автор правомерно рассматривает как одну из константных черт национального характера русских, идущую в паре с «терпением» («оттерпимся, до чего-нибудь дотерпимся»), получает более высокий процент (63%), чем оптимизм (19,9%). В соответствии с этими результатами можно утверждать, что, по крайней

мере, свыше 40% из числа опрошенных соотечественников могли бы сказать о себе примерно так: «Хотя я пессимист и не верю в изменения к лучшему, но надежды не теряю».

Наконец, замыкающим звеном в «оптимистической триаде» чувств выступает любовь. Это тот самый случай, когда последнее по счету отнюдь не означает последнее по значимости, а скорее даже наоборот. Именно акцент на любви сделан апостолом Павлом в его первом послании Коринфянам, где впервые в письменном тексте, как можно предположить, обозначена сама эта триада чувств: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13: 13). Этому заключительному выводу предшествуют слова, выражающие необъятную ценность любви, которая «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 7). А главное состоит в том, что «если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1 Кор. 13: 2).

В отношении этих новозаветных строк К. Юнг высказался весьма определенно и лаконично: «Эти слова говорят обо всем. К ним нечего прибавить». В свою очередь, ученый признается, что его врачебный опыт и собственная жизнь беспрестанно ставили перед ним вопрос о любви, на который он никогда не мог дать какой-либо удовлетворительный ответ. «Здесь, – пишет основатель аналитической психологии, – речь идет о величайшем и самомалейшем, удаленнейшем и ближайшем, высочайшем и глубочайшем, и одно никогда не высказывается без другого. Ни один язык не взрастил таких парадоксов» (Юнг, 1992, с. 301).

Первое, что отмечают все, кто касались проблемы любви, – это многообразие форм ее проявления, что затрудняет возможность дать одно-единственное обобщающее, а тем более исчерпывающее ее определение. Определить любовь затрудняются даже поэты, хотя для них она – главная тема творчества: «Я не могу любовь определить, но эта страсть сильнейшая! – любить» (М. Ю. Лермонтов).

К основным разновидностям любви обычно относят романтическую любовь-привязанность, связывающую мужчин и женщин, любовь между родителями и детьми, между братьями и сестрами, любовь-дружбу, христианскую любовь к ближнему, любовь к родине, к родной природе, любовь к искусству, животным, любовь к Богу и т. д.

К этому типологическому ряду правомерно отнести, на наш взгляд, и любовь к жизни, которая не стала пока предметом внимания и сколько-нибудь целостного рассмотрения ученых, хотя пони-

мание любви как любви к жизни встречается у многих авторов. Более того, она практически даже не выделяется в соответствующей научной литературе как отдельный вид любви из ряда многих других, различаемых по объекту направленности. Однако любовь к жизни не менее реальна и укоренена в духовном мире личности, чем все остальные ее разновидности, а в аспекте нашей темы интересна и значима еще и тем, что проявляет наиболее выраженную сопричастность и единоприродность с верой и надеждой – двумя другими составляющими оптимистической триады чувств. И к этому вопросу мы еще вернемся, рассмотрев сначала более общие для понимания сущности любви проблемы.

В современной психологической литературе выделяются не только разные виды, но и разные стили любви. И если основанием для выделения первых выступает объект любви, то для вторых – отдельные психологические характеристики и компоненты ее структуры, связанные в основном с когнитивно-поведенческими и оценочно-установочными отношениями к объекту (партнеру) любви. Наиболее известная в настоящее время теория стилей любви, принадлежащая американским психологам К. Хендрик и С. Хендрик (Hendrick, Hendrick, 1989), описывает шесть основных стилей, три из которых – эрос, сторгэ и агапе – известны еще со времен древних греков. Эрос – пылкое и страстное чувство с ярко выраженным сексуальным началом, но не лишенное и элементов духовности; сторгэ – спокойная, теплая и надежная любовь-дружба, любовь-привязанность, свойственная, прежде всего, семейным парам; агапе – бескорыстная любовь-самоотдача, полная альтруизма и преклонения, способная на жертвенность и высшие духовные порывы.

По аналогии с древнегреческими названиями этих трех стилей любви и другие три стиля получили соответствующие древнегреческие обозначения: мания, прагма и людус. Мания – неуравновешенное, бурно протекающее чувство с выраженной ревностью и сексуальными затруднениями. Характеризуется пессимистичностью и тенденцией к саморазрушению. Прагма – любовь по расчету, свойственная прагматически ориентированным людям с их чувством благоразумия и практичности. Отличается прочностью и длительностью, отношениями привязанности и симпатии. Людус – любовь-игра с выраженной эгоцентричностью и гедонистической окрашенностью чувств, не отличающаяся глубиной и прочностью отношений, легко допускающая измены и смену партнера.

В связи со сказанным в отношении классификации любви и ее стилей необходимо отметить, что, во-первых, все эти стили были вы-

делены эмпирическим путем на основе специально разработанной указанными авторами методики (Hendrick, Hendrick, 1989), которая на протяжении двух десятилетий широко используется в западной психологии, а в последнее время привлекла внимание отечественных авторов. Во-вторых, исследования по стилям любви охватывают практически только одну ее разновидность, связанную, прежде всего, с отношениями между мужчиной и женщиной и обычно определяемую как романтическая привязанность полов. Именно ей посвящена в основном вся огромная мировая, в том числе и научная литература, а в последние годы – и конкретные эмпирические исследования. Что касается других ее разновидностей, то они изучены намного слабее, специальных исследований практически нет, и в отношении их дело ограничивается чаще всего общетеоретическими рассуждениями и житейскими наблюдениями. И, в-третьих, разработанные в науке различные классификации и типы любви, к которым неизбежно стремится научный анализ проблемы, не противоречат давно высказанной и наглядно подтвержденной всем опытом художественной литературы мысли об уникальности каждого конкретного случая любви, не повторяющегося и не похожего на все другие. Любовь возникает как самое свободное и непредсказуемое пересечение в одной точке многих глубинных, разноречивых структур и качеств человека, что является причиной ее особой таинственности, «непонятности», труднопостижимости.

«До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, – писал А. П. Чехов, цитируя далее Евангелие, – а именно, что „Тайна сия велика есть“… То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти других, и самое лучшее – это объяснять каждый случай в отдельности, не пытаясь обобщать, а „индивидуализировать каждый отдельный случай“» (Чехов, 1986, с. 66). Не лишено оснований утверждение о том, что существует столько разновидностей любви, сколько на свете влюбленных людей. Отсюда и бесперспективность давних попыток вывести некую единую формулу любви.

Второе, в чем единодушны все авторы в отношении любви, – придаваемая ей очень высокая ценность. В реестре человеческих ценностей она занимает самые высокие позиции, соперничая разве что со счастьем, имея в то же время по ряду оснований даже определенные преимущества перед ним.

И действительно, с древних времен существует тенденция ассоциировать любовь с божественным началом, рассматривать ее как некую космическую силу, не имеющую ограничений ни во вре-

мени, ни в пространстве и причисляемую «к сонму главных сил мирозданья» (Софокл), что «движет солнце и светила» (Данте). По древнегреческому мифу, Эрос, или Эрот – бог любви – мыслится всевластной мировой силой, в которого, по одной из версий, превратился сам Зевс, создавая мир. «Эрос – смелый стрелок, крылатый, многоискусный, владыка ключей эфира, неба, морей, земли, царства мертвых и тартара» (Мифологический словарь, 1991, с. 640).

Космизация и идеализация любви сохранилась и в философской системе Платона, в которой ей придается статус абсолютного блага и абсолютной красоты, и она рассматривается как высшая ступень лестницы духовного восхождения человека. Отсюда и само выражение «платоническая любовь», которая означает максимальную меру духовности. Отметим, что такая абсолютизация любви характерна не только для западной, но и для восточной культуры. С западноевропейским тезисом «сильней любви в природе нет начала» (Лопе де Вега) как и с мнением В. Г. Белинского о том, что нет чего-либо, «что было бы выше любви», перекликается восточное изречение: «Любовь дороже всех сокровищ. Она – целый мир, хотя ее обнимают двумя руками».

Третье, что отмечается во всех работах и размышлениях о любви – это ее ярко выраженная человеческая сущность. По этой своей сущности любовь превосходит, пожалуй, все остальные личностные проявления человеческой натуры.

Не имея любви, я – ничто. Эта мысль, заявленная апостолом Павлом, на протяжении веков в той или иной форме поддерживается и развивается всеми авторами, кто писал или пишет о любви. Приведем только два высказывания, одно из которых принадлежит А. Блоку, а другое – австрийскому ученому-психологу В. Франклу: «Только влюбленный имеет право на звание человека» (Блок); «…только любовь есть то конечное и высшее, что оправдывает наше здешнее существование, что может нас возвышать и укреплять» (Франкл).

Еще более категорично поставлен и решается вопрос о человеческой природе любви в одной из последних статей Б. С. Братуся, специально посвященной этой проблеме. Отталкиваясь от исходного для себя и отечественной психологии тезиса о том, что «без жизни в других и с другими нет личности», он показывает, что любовь, являясь высшим из доступных человеку способов реализации отношения к другому, выступает одновременно и «единственным способом постичь другого человека в глубочайшей сущности его личности». И на поставленный в начале статьи главный вопрос о том, «дано ли человеку непосредственное постижение своей родовой сути, чело-

вечности как таковой в целостном и самоочевидном восприятии, переживания себя?», отвечает утвердительно: «Дано в способности любить, в способности к развитию этого отношения к миру» (Братусь, 2009, с. 31).

Соглашаясь с тезисом о «глубочайшей человеческой сущности любви» (Братусь), нельзя обойти молчанием вопрос о том, что может служить основанием для таких утверждений или, другими словами, что указывает на эту ее сущность. На наш взгляд, на это указывают, прежде всего, те многочисленные достоинства, какими, как никакое другое, обладает чувство любви. «Когда любишь, – писал А. П. Чехов, – то такое богатство открываешь в себе, сколько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить» (Чехов, 1963, с. 482).

О любви как «совокупности совершенств» сказано уже в Библии. И, действительно, трудно перечислить всю эту совокупность высокоценимых человеческих свойств, охватить все то позитивное и добродетельное, на что бывает способен человек, пребывающий в любви. И это позитивное распространяется не только на того, кто любит, но и на того, кого любят, т. е. не только на субъект, но и на объект любви. Среди главных свойств любви правомерно назвать способность «все возвышать и облагораживать» (Майн Рид), творить добро, вызывать чувство «защищенности и безопасности» (К. Э. Изард), безграничную «животворную» (Л. И. Божович) радость и восторг, воодушевление и нежность, сочувствие и чуткость (Э. Фромм) и др.

Отметим, что сочувствие и чуткость, как и непосредственно связанная с ними нежность, – очень важные проявления истинной человечности и подлинного гуманизма. «Сочувствие и чуткость, – пишет Э. Фромм, – означают, что я переживаю в себе самом то, что переживает другой человек, и что в этом чувстве он и я – единое целое» (Фромм, 1999, с. 124). В данном случае, отмечает ученый, речь идет о том, что можно выразить словами «Я есть Он». Аналогичным образом Л. Н. Толстой описывает состояние любви Левина к Кити: «Он понял <…>, что он теперь не знает, где кончается она и начинается он. Она была он сам» (Толстой, 1980, с. 230).

К сожалению, в условиях рыночных отношений с их ориентацией на деньги и максимальную прибыль истинные проявления и значимость сочувствия и чуткости, как, впрочем, и многих других ценных человеческих качеств, все больше девальвируется, заменяясь различного рода эрзацами и суррогатами. Бюрократически отчужденными формами называет Э. Фромм акты филантропии, денежных пожертвований в условиях современного индустриаль-

ного общества, которые очень часто делаются без всякого сочувствия. Более того, даже материальная поддержка государством своих граждан во имя социальной справедливости осуществляется по самым разнообразным мотивам, среди которых нет места сочувствию (Фромм, 1999, с. 127).

Любви всегда сопутствуют вера и надежда, а следовательно, и присущий им оптимизм. Особенно четко оптимистическое начало представлено в такой разновидности любви, как любовь к жизни, которая в литературе чаще обозначается понятием «жизнелюбие», а человек, соответственно, характеризуется как жизнерадостный. Любовь к жизни – это нечто гораздо большее, чем потребность выжить, и смысл ее отнюдь не в удовлетворении этой потребности, выступающей материальной основой жизни человека, направленной на поддержание его физического существования. Любовь к жизни – это сфера человеческого духа, и в основе ее лежит, на наш взгляд, потребность личности максимально реализовать себя, актуализировать свою потенциальность, мобилизовать все свои силы и способности.

Любовь к жизни, которая рассматривается нами как высшая форма любви, наиболее полно выражающая ее человеческую сущность, включает в себя многое из того, что А. Швейцер называл «благоговение перед жизнью» и что было положено в основу его этической концепции и нового миро- и жизнеутверждающего гуманизма. Несмотря на недостаточную определенность этого выражения, что, впрочем, осознавал и сам автор, не дав ему сколько-нибудь полного определения, все же самое главное, как он полагал, – «сострадание, любовь и вообще все, связанное с высоким энтузиазмом, передано в нем адекватно». «С неутомимой жизненной энергией чувство благоговения перед жизнью, – писал он, – вырабатывает в человеке определенное умонастроение, пронизывая его и привнося в него беспокойство постоянной ответственности. Подобно винту корабля, врезающемуся в воду, благоговение перед жизнью неудержимо толкает человека вперед» (Швейцер, 1973, с. 309).

Если отвлечься от той мистической универсальности, а также ссылок на таинственность и иносказательность выражений, которые присущи философскому обоснованию оптимистически-этического мировоззрения автора в целом, то многие конкретные мысли и положения, высказанные ученым в отношении выделенного им феномена «благоговение перед жизнью», могут быть с полным основанием отнесены и к характеристике того чувства, которое мы более привычно называем любовью к жизни.

Прежде всего, это представление о «священности» жизни как таковой, стремление придать ей статус «высшей инстанции» и ценности, что предполагает «внимательное отношение ко всему живому вплоть до низших форм проявления жизни», а также заботу и «ответственность за все, что живет» (там же, с. 307–308), поэтому основной принцип нравственности, утверждает ученый, состоит в том, чтобы считать добрым все то, что служит сохранению и развитию жизни, а злом – все то, что уничтожает жизнь или препятствует ей.

Благоговение перед жизнью, равно как и любовь к ней, имеет своей целью «сохранение, развитие и возвышение жизни в общем процессе мировых событий» (там же, с. 309), и для этого чувства является естественным «стремление прожить жизнь как можно совершеннее», приблизившись к идеалам (там же, с. 281). В то же время ученый признается, что «мы не знаем, каким образом возникает в нас это стремление. Оно дано нам вместе с жизнью» (там же, с. 282).

Любовь к жизни – это содействие жизни, связанное с ответственностью за нее. И подобно этике благоговения перед жизнью Швейцера, она «заставляет нас почувствовать безгранично великую ответственность и в наших взаимоотношениях с людьми», что предполагает необходимость ограничений «в моей жизни, моей собственности, моего права, моего счастья, моего времени, моего покоя…» (там же, с. 317). Другими словами, речь идет о взаимоответственности людей в актах любви в соответствии с принципом «человек – человеку».

Любовь к жизни, о которой мы здесь говорим, по многим своим характеристикам совпадает также с тем чувством жизни, существование которого в психике человека доказывал еще в «Этюдах оптимизма» И. И. Мечников. Заинтересовавшись биографией ряда известных личностей – Шопенгауэра, Гете, Метерлинка и др. (а главное – на примере собственной жизни), которые, как и он, в молодости были выраженными пессимистами, а впоследствии стали оптимистами, ученый объяснил эти душевные перемены естественным развитием с годами чувства жизни, в молодости обычно слабо выраженного. В этом кроется, как он считал, одна из причин распространенного среди молодых людей пессимизма. В своих предположениях Мечников опирался и на авторитетное мнение лейпцигского невропатолога Мебиуса, который в опубликованных им психиатрических очерках писал о том, что пессимизм есть ступень юношеского возраста, уступающая позднее место более светлому мировоззрению. Поэтому, полагал он, чем старше мы становимся,

тем больше дорожим жизнью. И если «пожилой человек не страдает меланхолией, то он не чувствует себя пессимистом» (Мечников, 1987, с. 220).

С наличием у человека чувства жизни и с его эволюцией в процессе взросления Мечников связывает и тот факт, что боязнь смерти ощущается далеко не одинаково в различные периоды жизни. «Ребенок, – пишет он, – не имеет понятия о смерти и не ощущает никакого сознательного страха перед ней. Юноша и молодой человек понимают ужас смерти, но далеко не так сильно боятся ее, как пожилой человек, у которого чувство жизни достигло уже полного развития» (там же).

К сказанному следует добавить, что высказанные Мечниковым в «Этюдах оптимизма» прогрессивные мысли о возможностях и путях совершенствования «природы человека», исправления дисгармоний человеческой жизни и превращения их в гармонии, способные доставлять нам счастье, а также об идеале людей, чувстве жизни, оптимизме и др. определялись его общим интересом к «главным проблемам человеческого существования» с их не только медико-биологическими, душевно-психологическими, но и нравственно-социальными аспектами. Поставив во главу угла тезис о человеке и его жизни как главной ценности на Земле, он доказывал возможность и необходимость нормального развития человека, предполагающего значительное увеличение продолжительности жизни населения, его оздоровление, «достижение долгой, деятельной и бодрой старости, приводящей в конечном периоде к развитию чувства насыщения жизнью» и «более светлому миросозерцанию» (Мечников, 1987, с. 223).

Несомненно, эти и другие идеи великого русского естествоиспытателя и мыслителя конца XIX – начала XX в. стали толчком к развитию в дальнейшем новой комплексной науки о человеке, существенно обогатили гуманистические традиции отечественной науки, развитие которых не прерывалось и на протяжении всех последующих лет, дав новые ростки в творчестве многих наших выдающихся психологов советского периода, особенно Б. Г. Ананьева с его разработками гуманистических основ «нового синтетического человекознания» и интегрирующей роли в нем психологической науки (Ананьев, 1968).

Итак, проведенный нами анализ дает основание сделать вывод о том, что вера, надежда, любовь как высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности образуют своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного че-

ловеческого бытия благотворные, созидательные силы. Триединая сущность этих чувств выражается в том, что каждое из них имеет свои основания в двух других, усиливая жизненный потенциал и способствуя более полной реализации возможностей друг друга. И в соответствии с этой сущностью, а также для достижения наиболее благотворного эффекта в актах любви, кого или что бы мы ни любили, должны присутствовать вера и надежда, а верить и надеяться надо с любовью, прежде всего – с любовью к жизни.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОПТИМИЗМА

Истоки возникновения позитивной психологии

В истории развития научного знания об оптимизме у психологической науки нет своих выраженных исследовательских традиций: оптимизм не был для нее предметом специальных исследований, не представлен концептуально в понятийной системе ее основных школ и направлений, не обсуждался в ходе многочисленных дискуссий по проблемам личности и психологии в целом и т. д. Эти традиции и соответствующие концепции складывались, как известно, в рамках философской науки, где почти три столетия тому назад возник термин «оптимизм», а веком спустя и противоположный ему – «пессимизм» и сформировалось наиболее общее их понимание, представленное в большинстве современных энциклопедических изданий, словарей и справочников.

Однако ситуация заметно изменилась с середины 1980-х годов, когда центр тяжести в изучении этого феномена сместился в сторону психологии и встал вопрос об его операционализации, измерении и психологическом описании. Соответственно сместились и акценты исследования: вместо теоретических рассуждений и логических обоснований на передний план выдвинулся конкретно-научный анализ, опирающийся на эмпирические данные с их многочисленными переменными, индикаторами, корреляционными связями и количественными показателями.

Резко выросший интерес психологов к оптимизму как ценнейшему и уникальному качеству личности, а главное – попытки его конкретно-научного эмпирического изучения оказались в те годы в одном русле с уже начавшимися несколько раньше исследованиями новых для психологии проблем субъективного благополучия, удовлетворенности жизнью, счастья, жизненных целей, самоэффек-

тивности и т. д. Расширяясь и углубляясь в содержательном плане, укрепляясь организационно и являясь представленными новыми именами, все эти исследования к концу прошлого столетия образовали мощное научное движение, получившее название «позитивная психология».

По своему объективному содержанию и смыслу позитивная психология – это закономерный итог отношения новой генерации ученых к сложившейся в предыдущие годы несбалансированности психологической науки, в которой преимущественное внимание уделялось негативным сторонам и проявлениям психики – депрессии, стрессу, страху, алкоголизму, агрессии, тревожности, одиночеству, беспомощности, когнитивным ошибкам и искажениям, неэффективным решениям и т. д. Свою задачу представители этого направления видели в том, чтобы исправить этот дисбаланс, сделать психологическую науку более уравновешенной и гармоничной, сосредоточившись уже на «позитиве» как на наименее изученном, но значимом и востребованном в современных условиях сегменте человеческой жизни и психологии личности. Реализация этой задачи, или «миссии», по словам М. Селигмана, позитивной психологии, зародившейся в США и организационно оформленной благодаря усилиям известных ученых (М. Селигман, М. Чихсентмихали, К. Петерсон, Дж. Вайан, Э. Динер и др.), была обусловлена исторически присущим американской психологии духом прагматизма и бихевиоризма, ее «заселенностью» соответствующими им принципами и постулатами в отличие от традиций европейской науки, более ориентированной на экзистенциальные, духовно-нравственные ценности и качества личности.

Конечно, современная позитивная психология возникла не на пустом месте. Ее предтечами и идейными вдохновителями были выдающиеся представители западной гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Эриксон, В. Франкл, Э. Фромм, Г. Олпорт и др.), которые уже в 1950–1960-е годы говорили о необходимости сделать психологию более «приподнятой», сконцентрировать усилия ученых на изучении позитивной направленности человека. В этой связи А. Маслоу, выражая неудовлетворенность «зауженной» проблематикой современной ему психологии, преобладанием в ней психопатологических понятий и терминов в ущерб исследованиям психологического здоровья, писал: «Где исследования, посвященные силе характера? Дружелюбию? Оптимизму? Самосовершенствованию?» (Маслоу, 2001, с. 405). Однако, создав оригинальные и новаторские для своего времени теории личности,

выдвинув многочисленные идеи и смелые предположения, в которых выделялись духовные, экзистенциальные, «вершинные» качества и характеристики личности, они остались, по существу, учеными-одиночками, не предложившими сколько-нибудь четкой программы для эмпирического обоснования и наполнения своих теоретических проектов конкретно-психологическим содержанием.

В отличие от своих великих предшественников, новое поколение психологов, придерживающихся экзистенционально-гуманистической ориентации в науке, главные свои усилия направило на разработку методического инструментария для диагностирования, измерения и психологической проработки многих позитивных качеств и состояний личности, включая и поиск путей их развития и формирования средствами конкретных практик.

Позитивная психология изучает проблематику наиболее ценных качеств и характеристик личности, сильных черт характера и возвышенных чувств, духовных состояний и высших устремлений – все те добродетели и достоинства, которые способны сделать жизнь человека не просто существованием, а процветанием, не только счастливой, но и осмысленной, духовно-нравственно возвышенной.

Разработка проблемы оптимизма/пессимизма в русле позитивной психологии

К числу этих высших и наиболее жизнеемких качеств личности относится оптимизм. Более того, он может рассматриваться, с нашей точки зрения, в качестве классической модели позитивности, наиболее полно выражающей основной постулат или кредо позитивной психологии: большинство людей способны жить достойно, чувствовать себя уверенными и благополучными даже тогда – или особенно тогда, – когда оказываются перед лицом вызовов, стрессоров, жизненных невзгод, лишений и бедствий. Именно оптимизм, присущий людям, как, может быть, никакое другое качество характера, делает их менее уязвимыми перед ударами судьбы и трудностями жизни, помогает не просто выстоять, но и оставаться стойкими, продолжать добиваться намеченных целей, отстаивать свои идеалы и принципы.

В свою очередь, включенность оптимизма в исследовательскую парадигму позитивной психологии, проблематика которой охватывает большой круг непосредственно сопряженных с ним понятий – «вера», «надежда», «жизнестойкость», «энтузиазм», «витальность», «мужество», «юмор», «самоэффективность», «сила духа» и др., – в боль-

шинстве своем уже операционализированных и успешно разрабатываемых конкретно-психологическими средствами, создает благоприятную основу для более глубокого понимания природы этого феномена. В рамках позитивной психологии исследование оптимизма приобретает целый ряд преимуществ: расширяется эмпирическая база для выделения и сопоставлений его различных характеристик и форм проявления в жизни; обогащается понятийный аппарат для их описания; выявляются новые аспекты и закономерности его функционирования и развития в структуре личности, которые недостаточно полно учитывались или вообще не принимались во внимание в рамках прежних исследовательских традиций и парадигм. Наконец, оптимизм рассматривается в контексте более широкого вопроса: в какой мере и почему оптимистические характеристики благотворно влияют на личность, делают ее жизнь более успешной и благополучной?

В настоящее время в психологической науке разработано и применяется около десятка различных шкал, опросников, тестов, выявляющих общий уровень оптимизма/пессимизма личности, идентифицирующих его отдельные типы и разновидности (социальный оптимизм, реалистический/нереалистический оптимизм, защитный пессимизм и др.), включая и такие феномены, как, например, вера в справедливый мир. Из множества этих методик наибольшую популярность приобрели две, с которых, собственно, и начинались независимо друг от друга эмпирические исследования оптимизма. Это, во-первых, «Тест жизненных ориентаций» (ТЖО), разработанный американскими психологами Ч. Карвером и М. Шейером, и, во-вторых, «Опросник Атрибутивного Стиля» (ОАС), связанный с именем М. Селигмана, известного сегодня не только как автора теории выученной беспомощности, но и бесспорного лидера и одного из главных основателей позитивной психологии.

Уже первое знакомство с этими методиками показывает, что они существенно отличаются друг от друга, исходят из разных теоретических представлений и исследовательских традиций, представляют различные по своей направленности типы утверждений и предлагают собственные способы подсчета баллов для определения итогового индекса.

Тем не менее эти две измерительные модели оптимизма/пессимизма на протяжении всех последних лет мирно сосуществуют друг с другом, имея своих последователей и соответствующую исследовательскую литературу, редко пересекаясь и дискутируя между собой. Лишь в самое последнее время предпринимаются отдельные

попытки критически осмыслить точки конвергенции и дивергенции между ними (Peterson, Chang, 2002).

Первый тест (ТЖО), как в своей первоначальной, так и в пересмотренной, более краткой форме (ТЖО-К), исходит из представления об оптимизме как особой диспозиции личности, выражающей обобщенные экспектации (ожидания). Иногда он определяется и как «взгляд непосредственной веры», поскольку при его измерении используются прямые вопросы о том, что ожидает человек от будущего и насколько сильна его уверенность в том, что оно будет для него хорошим или плохим. Многие авторы отмечают высокую внутреннюю согласованность этого теста (альфа Кронбаха колеблется от 0,7 до 0,8) и его хорошую ретестовую стабильность (после 28 месяцев она составила r=0,79), а также простота и удобство в использовании (Carver, Scheier, 2002). Опросник в своем оригинальном варианте является одномерным, и люди ранжируются вдоль континуума от очень оптимистичных до очень пессимистичных, располагаясь в большинстве случаев где-то посередине.

Второй опросник (ОАС) имеет своим теоретическим основанием личностный атрибутивный стиль – особый когнитивный конструкт, разработанный и заимствованный из теории выученной беспомощности (Abramson, Alloy, Metalsky, 1978). Атрибутивный стиль – это способ, каким люди обычно воспринимают причины событий своей прошлой жизни с учетом трех критериев: внутренние/внешние, постоянные/временные, глобальные/локальные. Предполагается, что от этого способа напрямую зависят и их ожидания, связанные с будущим. Те, кто приписывает своим прошлым проблемам и негативным событиям внешние, временные и локальные причины, являются оптимистами («оптимистический объяснительный стиль»); те же, для кого эти причины имеют внутренний, постоянный и глобальный характер, – пессимисты («пессимистический объяснительный стиль»). В отношении положительных событий имеет место противоположная зависимость.

В соответствии с этими теоретическими позициями оптимизм этой модели, иногда называемый «выученный» (Seligman, 1991), измеряется опосредованным и достаточно сложным способом – через атрибуции, попеременное суммирование и вычитание многих слагаемых. После всех промежуточных подсчетов определяется итоговый индекс, который соответствует выделенным градациям оптимизма и пессимизма. В литературе есть указание на то, что корреляции между основными параметрами объяснительного стиля, особенно между интернальностью и всеми другими, часто являются очень

низкими, что ставит под сомнение правомерность рассмотрения измеряемого этим инструментарием феномена в качестве единого конструкта (Reivich, Gillham, 2003). Неясным в рамках этой модели оптимизма остается и вопрос о механизмах связи каузальных атрибуций и экспектаций. Известно, что некоторые исследователи прямо указывают на то, что каузальные атрибуции и прогнозы могут быть не связанными (Abramson, Alloy, Metalsky, 1989; Hammen, Cochran, 1981). Наконец, вызывает возражение и правомерность применения терминов «оптимизм» и «пессимизм», широко используемых не только в научном, но и в обыденном языке, к такому специфическому психологическому конструкту, как объяснительный стиль, как бы тесно они ни были связаны между собой. Это вводит в заблуждение, создает ненужную терминологическую путаницу и непонимание, поскольку оптимизм не только в массовом, но и научном сознании интуитивно ассоциируется только с тем, что имеет отношение к будущему – ожиданиям, представлениям, надеждам и т. д.

Несмотря на очевидные различия этих двух измерительных методик оптимизма, исследования в рамках каждой из них демонстрируют в целом сопоставимые эмпирические данные и сходные результаты, что пока не имеет убедительного и однозначного объяснения.

Так, например, оптимизм как при одном, так и другом способе измерения надежно коррелирует с рядом положительных личностных переменных – субъективным благополучием, счастьем, настойчивостью, мотивацией достижения, здоровьем, хорошим настроением, проблемно ориентированным, активным копингом и др. В то же время показатели диспозиционного оптимизма и объяснительного стиля, соотнесенные друг с другом в рамках одного и того же исследования (нам известны только две такие работы), коррелируют не совсем надежно и весьма противоречиво, демонстрируя разброс корреляционных связей от 0,2 до 0,77 (Reivich, Gillham, 2003).

Для выявления соответствующих связей между ТЖО-Р и ОАС и уточнения ряда других вопросов А. А. Драгунова под нашим руководством впервые на русскоязычной выборке (n=156) в качестве дипломной работы провела специальное исследование и адаптировала методику ТЖО-Р. Общая корреляция между данными этих измерительных методик оказалась умеренной ($r=0,46$; $p<0,001$), хотя по отдельным показателям она колебалась в диапазоне от 0,49 до –0,24, где самые низкие значения относятся к пессимизму. А в отношении одного показателя ОАС – оценка персонализации (интернальность) нежелательных событий – корреляция вообще не была обнаружена. Однако самые контрастные результаты были выявле-

ны при сравнении средних значений итоговых индексов, поскольку в одном случае (диспозиционный оптимизм) они соответствовали умеренному оптимизму, а в другом (объяснительный стиль) – крайнему пессимизму.

Итак, особенность современного этапа разработки проблемы оптимизма в психологической науке состоит в том, что в ней практически на равных функционируют две его концептуально различные, хотя эмпирически вполне надежно работающие модели со сходной проблематикой и результатами исследований. Одна из них (диспозиционная модель), более традиционная, измеряет присущие оптимизму ожидания непосредственно, другая (объяснительный стиль) – опосредованно, через атрибуции, понимаемые как способ, каким мы обычно объясняем или воспринимаем события и опыт прошлой жизни. Таким образом, атрибутивная модель оптимизма в отличие от диспозиционной выявляет не сами по себе верования и ориентации на будущее, а причины их формирования, коренящиеся в прошлой жизнедеятельности человека. Наличие такого действенного компонента в этой модели позволяет на ее основе при необходимости, как отмечают сами авторы, идентифицировать негативные атрибуции (приписывания) и изменять их через терапию (Gillham, Seligman, 1999).

Развитие конкретно-научной базы и более тщательный анализ эмпирических данных актуализировали в последние годы обсуждение вопроса о том, одномерным или двумерным конструктом является оптимизм. Двумерная структура предполагает наличие в ней относительно самостоятельных подструктур оптимизма и пессимизма, являющихся частично совместимыми характеристиками личности, что предполагает дифференцированный подход к их изучению. Этот подход противостоит более распространенному представлению о биполярной сущности данного конструкта, в котором оптимизм и пессимизм выступают как оппозиция и альтернатива по отношению друг к другу. Идея их биполярности, или взаимоисключаемости, заложена уже в исходном значении этих терминов, ведущих свое происхождение, как известно, от латинского «optimus» – наилучший, и «pessimus» – наихудший. В большинстве современных словарей и энциклопедий фиксируется эта полярность, поскольку в них в основном дается лишь определение оптимизма, а пессимизм чаще всего рассматривается как противоположный ему по содержанию термин.

Следует отметить, что с позиции этих традиционных представлений об оптимизме и пессимизме как альтернативных полю-

сах одной и той же личностной диспозиции был разработан и ТЖО, построенный по типу биполярной Шкалы Безнадежности А. Бека, к этому времени уже широко используемой в психологических исследованиях депрессии (Beck, Weissman et al., 1974). Высокие баллы по этому тесту, как отмечалось, соответствуют высокому оптимизму, средние – среднему, а низкие – низкому; последние идентифицируются как пессимизм.

Однако по мере накопления эмпирического материала и его более тщательного анализа стали появляться сомнения в отношении эффективности одношкального измерения оптимизма и пессимизма, заложенного в методике ТЖО. Так, в ряде исследований было показано, что, хотя пункты оптимизма и пессимизма в ТЖО негативно коррелируют между собой, но эта корреляция не очень высокая. К тому же дифференцирующая способность этого теста является недостаточно выраженной, так как большинство респондентов располагаются в средней части континуума. Очевидным стало и то, что при одномерном подходе к оптимизму/пессимизму приходится ограничиваться «на выходе» простой однотипной закономерностью: оптимизм коррелирует с позитивными последствиями (успешность в различных видах деятельности, долголетие, неподверженность травмам, способность к быстрому выздоровлению, проблемно-ориентированный, активный копинг, широта социальных связей и др.), а пессимизм соответственно – с нежелательными. Однако более тонкие соотношения их функциональности и адаптивных возможностей при этом, к сожалению, не улавливаются.

Многолетний опыт работы с ТЖО убедил некоторых исследователей в целесообразности заменить биполярный метод измерения оптимизма на двумерный, т. е. разбить этот тест на два самостоятельных фактора и подсчитывать оптимизм и пессимизм отдельно, а не на континууме, как предполагается в его исходной версии (Chang, D'Zurilla, Maydeu-Olivares, 1994). Исследования, проведенные на основе этой расширенной, а главное, двумерной версии (ТЖО-Р), вскрыли более сложные соотношения между оптимизмом и пессимизмом. Они не сводятся к привычным представлениям о том, что с уменьшением пессимизма непременно должен наблюдаться рост оптимизма и что, если пессимисты, например, подвержены депрессии и имеют проблемы со здоровьем, то оптимисты – это всегда счастливые и здоровые люди и т. д.

Так, в исследовании Чана (Chang, 1998) было показано, что оптимисты отличаются от пессимистов не столько более интенсивным применением конструктивных и активных стратегий совладания,

как об этом пишут многие авторы, сколько меньшим использованием их пассивных и неэффективных форм. Он также обращает внимание на то, что эмпирические данные ряда исследований свидетельствуют не столько о связи оптимизма с желательными характеристиками – счастьем, настойчивостью, мотивацией достижения, здоровьем и др., сколько о том, что пессимизм более четко коррелирует с нежелательными.

С точки зрения дифференцированного и эмпирически уже более обоснованного подхода к пониманию соотношения оптимизма и пессимизма как противоположных, но не взаимоисключающих характеристик личности, правомерно говорить и о присущем каждому человеку определенном балансе оптимизма и пессимизма, т. е. человек может быть одновременно и оптимистом, и пессимистом, но в разной степени. И этот баланс можно рассматривать как усложненную модель того базового баланса доверия/недоверия миру, который выделял у ребенка Э. Эриксон, относя его к числу адаптивных сил человека.

Ученый полагал, что у детей, которые переживают социальный мир как предсказуемый, развивается чувство «базового доверия», в то время как у других, воспринимающих мир как непредсказуемый, возникает чувство «базового недоверия» (Erikson, 1968).

Вместе с развитием дифференцированного подхода к изучению оптимизма/пессимизма в науке наметился и явный сдвиг в сторону «реабилитации» пессимизма и преодоления распространенного в обыденном сознании мифа о его «вредности». Кроме очевидных и традиционно приписываемых пессимизму «изъянов», в последние годы стало возможным с большей убедительностью и эмпирическим обоснованием говорить и о некоторых «выигрышных» сторонах и даже «пользе» пессимизма. И давний вопрос «Всегда ли пессимизм хуже оптимизма?» имеет уже не столь четкий положительный ответ «Да», а более контекстуальное, предполагающее разные варианты ответов заключение «Нет, не всегда».

Например, в исследованиях показано, что для ситуаций, которые не поддаются личностному контролю, т. е. которые не представляется возможным предотвратить или изменить (смерть близких людей, неизлечимая болезнь, случайная потеря какой-либо дорогой вещи и др.), более эффективными и «психооберегающими» оказываются не активно-оптимистические, а пассивно-пессимистические стратегии совладания: смирение, эскапизм, личностные ограничения и др. Этот эмпирически установленный в современных исследованиях факт засвидетельствован и в народной мудрости. Он

содержится в известной «интеллектуальной» просьбе-молитве, обращенной к Всевышнему:

Дай мне силу, где я могу победить;
Дай мне смирение, где я ничего не могу сделать,
И дай, наконец, разум, чтобы отличить одно от другого.

Есть основания говорить о разных отношениях оптимистов и пессимистов к рискам и опасностям, у пессимистов есть некоторые преимущества перед оптимистами. В отличие от оптимистов, склонных минимизировать эти опасности и риски и не концентрироваться на возможных неудачах в делах и в других сферах жизни, пессимисты в силу своей осторожности и настроенности на худшее реже бывают застигнутыми «врасплох» со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Пессимистические черты характера иногда даже оказываются полезными профессиональными качествами. Так, например, исследования показывают, что в юриспруденции преуспевают именно пессимисты. Как пишет М. Селигман, опираясь на результаты своего масштабного исследования, среди юристов пессимизм негласно считается положительной чертой характера, а негативные повороты в деле или чьей-то судьбе воспринимаются ими как явления, весьма распространенные и, по существу, неизбежные. По мнению ученого, такая благоразумная позиция помогает им «избежать тех ловушек и неприятностей, которыми богат процесс судопроизводства и о которых клиенты даже не догадываются» (Селигман, 2006, с. 234).

О возможной пользе пессимизма свидетельствует и феномен, известный в литературе как «защитный пессимизм». Этот термин использовали в своем исследовании Дж. Норем и Н. Кантор для описания механизма, который помогает студентам справиться с предэкзаменационным страхом и тем самым нейтрализовать его отрицательные последствия. Исследование показало, что студенты, выражавшие пессимизм путем открытых высказываний своих негативных ожиданий, оказались успешнее своих сокурсников, которым по условиям эксперимента этого не разрешалось делать (Norem, Cantor, 1986).

Все приведенные выше факты и свидетельства подтверждают общий тезис о том, что пессимизм не всегда дисфункционален: его роль в жизни и деятельности человека зависит от конкретных обстоятельств.

Наконец, еще одной тенденцией, определяющей современный этап развития психологических исследований оптимизма, является

их социально-культурная ориентация. Включение фактора культуры в исследовательскую проблематику оптимизма имеет своей целью ответить на вопрос, отличаются ли мировые культуры присущим их носителям общим чувством пессимизма и оптимизма, а также уточнить специфику соотношения и проявления оптимизма и пессимизма в разных типах культуры и их психологическую адаптивность. Ученые высказывают предположения о том, что соотношения оптимизма и пессимизма не являются однотипными в разных культурах и что механизмы, связывающие оптимизм и пессимизм с их последствиями (исходами), являются функциями соответствующей культуры. Эти предположения подтверждаются результатами пока еще немногочисленных кросс-культурных исследований.

Так, интересные данные были получены при сопоставлении оптимизма и пессимизма американских студентов европейского и азиатского (японцы, китайцы, кавказцы) происхождения. В исследованиях использовалась как методика ТЖО-Р (Chang, 1996), так и ОАС (Lee, Seligman, 1997) и были получены сходные результаты.

Во-первых, было установлено, что эти две этнически разнородные группы американских студентов не различаются по уровню оптимизма, а по уровню пессимизма выходцы из Азии превосходят испытуемых европейского происхождения.

Во-вторых, пессимизм и оптимизм в этих группах дифференцированно предсказывают адаптивность респондентов – среди американцев-азиатов. Низкие значения по оптимизму предсказывали психологическую и физическую приспособляемость, в то время как среди американцев европейского происхождения высокие значения по пессимизму предсказывали психологическую приспособляемость.

В-третьих, паттерны корреляций, соответствующих пессимизму, отрицательно связаны с проблемным и эмоционально выраженным копингом у европейских американцев, в то время как у азиатских американцев пессимизм положительно связан с использованием этих копинг-стратегий. Другими словами, если высокий уровень активного копинга у американцев-азиатов предсказывается высокими значениями пессимизма, то уменьшение активного копинга у европейских американцев предсказывается высокими значениями пессимизма.

На основании этих и сходных с ними данных можно заключить, что оптимизм и пессимизм в восточных типах культуры по своим значениям, по крайней мере, в отношении таких последствий, как здоровье, активные формы совладания с жизненными труднос-

тями и др., меняются местами: пессимизм выступает в них как защитный фактор, а оптимизм, напротив, как фактор риска.

Таким образом, рассмотренные тенденции современного этапа развития психологических исследований оптимизма отражают сложную, противоречивую природу оптимизма и пессимизма не как единичного, биполярного, а как двумерного психологического конструкта. Их соотношение не однозначно, оно определяется многими факторами, в связи с чем неправомерными являются утверждения, будто бы оптимизм всегда желателен, а пессимизм относится к негативным личностным характеристикам.

Глава 3

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ С. Л. РУБИНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ И ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Сергей Леонидович Рубинштейн принадлежит к числу тех немногих отечественных ученых советского периода, в творчестве которых экзистенциально-гуманистическая проблематика имеет прочные основания. Можно сказать даже больше: если в отношении большинства других известных советских психологов правомерно говорить лишь об открытости их концепций проблематике гуманистической психологии (Леонтьев, 1997, с. 8), то у Рубинштейна она органично вплетена в его представления о субъекте, определяет содержание и конечный смысл разработанного им субъектно-деятельностного подхода к изучению психических явлений и человеческой жизни.

Среди работ о Рубинштейне несомненный интерес для нашего исследования представляет небольшая статья А. В. Брушлинского с выразительным названием – «Андеграунд диамата». Этим непривычным для понятийного «языка» науки термином «андеграунд», используемым обычно в искусстве для обозначения его различных неформальных направлений, Брушлинский хотел, как нам представляется, заострить важную для себя, ученика и последователя Рубинштейна, тему «С. Л. Рубинштейн и марксистская (советская) философия». Конечно, Рубинштейну с его глубоким философским складом ума и широким научным мировоззрением было тесно в узких рамках официальной для того времени философии – диалектического материализма, где все, по существу, было привязано в конечном итоге к так называемому основному вопросу философии о первичности материи и вторичности сознания и проблеме отражения. Ученый искал возможность, особенно в последние для него 1950-е годы, прямо не критикуя и не открещиваясь от марксизма, найти научно более корректный способ раздвинуть эти рамки, открыв дорогу к новой, более широкой проблематике, приближенной

к жизни и реальному живому человеку со всем его богатым и сложным внутренним миром, со всеми мировоззренческими, ценностно-смысловыми проблемами человеческого бытия. И такую возможность он связал с философским понятием онтологии как учения о бытии, о сущем, разработав новейший вариант философской антропологии – единую онтологическую концепцию человека в мире (Абульханова, 2000, с. 22).

Надо отметить, что отношение к онтологии в советской официальной науке было настороженно-критическим как к «термину домарксистской философии» (Краткий философский словарь, 1954, с. 424).

Его использование в тот период, по меньшей мере, не поощрялось, и постепенно онтология как понятие и соответствующее учение практически исчезло со страниц философской литературы. При этом каких-либо серьезных возражений против онтологии не выдвигалось. Все объяснялось предельно просто – ее не было в работах Маркса, Энгельса и особенно Ленина.

Однако Рубинштейн вопреки установившейся практике тех лет берет на себя смелость возродить научный потенциал онтологии и не только первым из советских философов использует это понятие, но и отражает суть его в заглавии своей капитальной философско-психологической монографии «Бытие и сознание» (1957). Появление этой книги своего учителя Брушлинский с полным основанием сравнил с «тихой революцией» в философии и теоретической психологии, разрушившей один из устоев всей тогдашней советской философии (Брушлинский, 2000, с. 11).

И действительно, онтология как учение о бытии, о сущем предполагает и другой, отличный от гносеологического аспект исследования действительности, другой ее ракурс и срез, в основе которого лежит уже не оппозиция таких предельно широких и абстрактных философских категорий, как материя и сознание, а другая пара категорий – человек и мир, взаимодействие которых необходимо предполагает гуманистическую составляющую. Именно так – «Человек и мир» – названа последняя, уже посмертно изданная книга Рубинштейна, которая и сегодня продолжает оставаться одной из наиболее ярких, впечатляющих и новаторских по своим идеям и замыслу работ в нашей философско-психологической литературе.

«Человек и мир» – это глубокие размышления о человеке, о его месте в мире, о бытии, смысле жизни, этике, красоте, любви, счастье и т. д. Книга содержит отрефлексированные мысли о тех феноменах личности и сторонах человеческой жизни, которые представляют

преимущественный интерес и предмет исследования гуманистической психологии, возникшей в западном, прежде всего, американском обществе в самом конце 1950–начале 1960-х годов, а также того новейшего ее ответвления на рубеже XXI в., которое получило название позитивной психологии.

И хотя именно эта книга представляет для нашего анализа наибольший интерес, было бы неправомерно ограничиваться только ею, поскольку гуманизм и позитивность и связанная с ними проблематика характеризуют все творчество и жизненный путь ученого. Он ставит эти проблемы уже в самом начале своей научной деятельности, когда в ранних опубликованных статьях и рукописях говорит о необходимости сохранить реального субъекта из плоти и крови, обретающего право на свое бытие и человечность жизни, говорит о содействии развитию лучшего в человеке и укреплению его душевных и нравственных сил в борьбе за человечность жизни (Славская, 2009). И он делает их центром внимания в последние годы жизни, когда в дневниковых записях заявляет о своем желании и готовности реализовать, наконец, самое главное для себя – написать книгу сердца, его сердца, книгу «о человеке, о жизни, о человеческих отношениях, книгу о человеческом счастье, книгу <…> о больших внутренних движениях», что представлялось ему «еще несравненно важнее» (Из дневников…, 1999, с. 20). Этой книгой, которая родилась, как отмечает сам автор, «в трудное время как плод мужества и силы» и, к сожалению, не была завершена, стала широко известная сегодня монография «Человек и мир».

В истории науки экзистенциально-гуманистическая проблематика и проблематика позитивной психологии, как известно, формировались в противовес бихевиористским, психоаналитическим и позитивистским взглядам на личность с их сциентистски-механистическим подходом к человеку, придававшим главное значение низшим влечениям, «темным сторонам» (К. Юнг) и простейшим механизмам поведения в ущерб «верхним этажам», смысловым образованиям и целостности личности. Весьма показательно в этом отношении уже давно цитируемое психологическим сообществом определение гуманистической психологии как «третьей силы», которое принадлежит А. Маслоу, основателю и бесспорному ее лидеру.

Свое принципиальное несогласие как с «глубинной психологией» фрейдовского толка», так и с «поведенчеством» и другими механистическими трактовками человеческой психики Рубинштейн заявляет уже в начале 1930-х годов, когда закладывались основы его представлений об исторической природе человека, теории сознания,

деятельности и субъекта, а также психологии личности с важнейшей для нее категорией потребности.

В интересе к проблеме потребностей очень наглядно проявился гуманизм научных поисков Рубинштейна уже в первый период его творчества: именно эту проблему он особо выделил при анализе работ К. Маркса с позиций психологической науки.

Его привлекла у Маркса, прежде всего, гуманистическая идея человечности, многообразия и богатства исторически формирующихся потребностей человека. С этих позиций С. Л. Рубинштейн еще задолго до возникновения гуманистической психологии критикует инстинктивные, биологические концепции мотивации, прежде всего фрейдовскую. Его не удовлетворяет в них, в первую очередь, то, что в конечном итоге все они приходят к «представлению об одном-единственном двигателе, к которому сводится все», что крайне обедняет и искажает, по его словам, истинную природу человеческой личности (Рубинштейн, 1973, с. 41–42).

Правомерно сопоставить теории потребностей двух авторов: С. Л. Рубинштейна с его идеей многообразия, богатства и историчности потребностей человека и А. Маслоу, имя которого в мировой науке связывается, прежде всего, с идеей самоактуализации. Именно эта идея определила, как известно, новаторство разработанной им пирамидальной структуры потребностей, вершину которой образуют потребности в самореализации, самовыражении, в творчестве или, используя терминологию самого Маслоу, самоактуализации. Все они выражают в конечном итоге, по мысли автора, необходимость «человека стать тем, чем он может быть» или реализацию заложенных в индивиде потенций и поэтому в наибольшей степени отражают гуманистический смысл его концепции.

Между тем и Рубинштейн, не употребляя термин «самоактуализация», много внимания уделяет в своих работах именно этим потребностям, чаще используя по отношению к ним понятие духовности и связывая с ними творческие и другие возвышающие и облагораживающие человека силы и начала. Проблема духовных потребностей раскрывается им как проблема полноценного развития личности, преодолевающей различные формы отчуждения, как проблема раскрытия и утверждения подлинно человеческого содержания жизни, когда культура становится природой человека.

Вместо самоактуализации как осуществления себя, неприемлемой для Рубинштейна в силу ее односторонности, он предпочитает говорить о процессе постоянного восхождения, когда вершина достижений еще где-то впереди и на пути к ней человек многое претерпе-

вает, преодолевает и побеждает. Дух «борения» и победы, которому предшествует напряженная работа над собой и за пределами себя, жизнеутверждающее начало, ориентация на высшие ценности бытия характеризуют теорию развития человека Рубинштейна. Этим она выгодно отличается, на наш взгляд, от теории самоактуализации, в которой личность центрирована преимущественно на саму себя и замкнута в кругу собственных, подчас эгоистических, интересов. Напротив, для Рубинштейна главное «в мере соотношения самоопределения и определения другим» (Рубинштейн, 1969, с. 358).

Важно подчеркнуть также и то, что в отличие от инстинктоподобного характера системы потребностей у Маслоу, между которыми существует четкая соподчиненность (верхние подчиняются низшим), потребности в концепции Рубинштейна принципиально открыты для своего развития, приумножения и «очеловечивания», поскольку «в историческом развитии не только надстраиваются новые потребности над первичными инстинктивными потребностями, но и преобразуются эти последние, многократно преломляясь сквозь изменяющуюся систему общественных отношений» (Рубинштейн, 1973, с. 41). Для ученого самой важной является мысль о том, что в процессе становления «природы человека потребности человека становятся человеческими потребностями», «в истории все по-новому опосредуемыми и перестраивающимися» (там же). В свою очередь, богатство исторически развивающихся потребностей – все более многообразных и создающихся на все более высоком уровне – открывает, по его словам, перспективу и для богатства человеческой личности, и для более высокого уровня стимуляции ее деятельности. Все эти теоретические положения и логика размышлений ученого дают основание называть теорию потребностей Рубинштейна не только общественно-исторической (Джидарьян, 1989), но и глубоко гуманистической.

Общегуманистическая идея «человеческого в человеке», или «очеловечивания», предполагающая наличие также «духа подлинности и правдивости», заявленная Рубинштейном уже в первых его трудах и пронесенная через все последующие годы научных размышлений над природой человеческого бытия, находит свою специальную разработку в этической проблематике последней книги «Человек и мир» уже собственно как проблема отношения к другому человеку, как проблема «Я и другой». Для человека, подчеркивает он принципиальную для себя мысль, «другой человек – мерило, выразитель его человечности. То же для другого человека мое „Я“» (Рубинштейн, 1973, с. 338).

Эти взаимоотношения людей являются для Рубинштейна, как известно, определяющими при анализе человека и при характеристике его как субъекта жизни, поскольку «человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку» (там же, с. 255), а «большая подлинная этика – это не морализирование извне, а подлинное бытие (жизнь) людей» (там же, с. 261).

Свое жизненное кредо, которое лежит в основании этих теоретических разработок и размышлений о взаимоотношениях людей друг с другом, Рубинштейн выразил в дневниковых записях следующими словами: «Достойно жить, жить так, чтобы, глядя на тебя, рядом с тобой легче и лучше было жить по-настоящему другому» (Из дневников…, 1999, с. 19). И несмотря на то, что его основное дело как ученого – научная работа, жить именно так, чтобы делать людям добро, для него – «нечто несравненно лучше и больше», чем писать ученые книги. И уже в заключении рукописи «Человек и мир» он напишет о том, что главная цель проведенного им анализа человека и его отношения к другим людям, как и к миру в целом, состоит не в морализировании, а в ответе на вопрос о том, «как верно жить» (Рубинштейн, 1973, с. 384).

Отвечая на этот вопрос, Рубинштейн полемизирует, прежде всего, с идеей экзистенциалистов о самосовершенствовании как главном предназначении человека и смысле жизни. Несмотря на популярность этой идеи не только у основателей экзистенциализма, но в дальнейшем также и у многих представителей гуманистической и позитивной психологии, он решительно не соглашается с ней. Главное возражение вызывает у него все те же чрезмерная замкнутость и направленность человека на самого себя, как и в теории самоактуализации. «Не себя нужно делать хорошим, а сделать что-то хорошее в жизни – такова должна быть цель, а самоусовершенствование – лишь ее результат» (там же, с. 386). С точки зрения ученого, высшее оценивается не по отношению к самому человеку, не просто как самосовершенствование, а с позиции того, как оно и что оно изменяет и усовершенствует в других людях.

Следует отметить, что аналогичные возражения в адрес этой, на первый взгляд, весьма «соблазнительной» идеи звучали и в трудах такого известного ученого экзистенциально-гуманистического направления, как В. Франкл. Причем его с Рубинштейном сближает не только критическое отношение к идеям самоактуализации и самоусовершенствования, поскольку они наделяются основной смысложизненной функцией, но и общность постановки и близость решения многих других проблем человека и его бытия: чело-

век и мир, добро и зло, ответственность и свобода, совесть и долг, ценности и счастье, жизнь и судьба, любовь и смерть, вера и смысл, созидательный труд, духовность, трансцендентность и др. Совпадение взглядов этих двух выдающихся мыслителей-гуманистов XX в. по многим перечисленным проблемам объясняется, прежде всего, тем, что для В. Франкла, как и для С. Л. Рубинштейна, изначальным является направленность человека на мир, на других людей, что оба они исходят из рассмотрения реальных субъектов конкретного общества и конкретной исторической эпохи. Поэтому в определении места человека в мире и специфики человеческого бытия эти ученые шли – независимо друг от друга – очень близкими дорогами.

Сошлемся на одну только выдержку из работы Франкла: «Лишь в той мере, в какой мы забываем себя, отдаем себя, жертвуем себя миру, тем его задачам и требованиям, которыми пронизаны наша жизнь, лишь в той мере, в какой нам есть дело до мира и предметов вне нас, а не только до нас самих и наших собственных потребностей, лишь в той мере, в какой мы выполняем задачи и требования, осуществляем смысл и реализуем ценности, мы осуществляем и реализуем также самих себя». И далее: «Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» (Франкл, 1990, с. 119–120).

В своей этике как части онтологии Рубинштейн развивает тезис, который несколькими десятилетиями спустя, на рубеже веков, будет положен в основу новой гуманистической дисциплины – позитивной психологии. Суть этого тезиса, как и смысл развиваемой им этики в целом, состоит в том, чтобы, не закрывая глаза на все трудности, тяготы, беды и передряги жизни, в то же время «открыть глаза человеку на богатство его душевного содержания, на все, что он может мобилизовать, чтобы устоять, чтобы внутренне справиться с теми трудностями, которые еще не удалось устранить в процессе борьбы за достойную жизнь» (Рубинштейн, 1973, с. 350).

В этой связи ученый полемизирует с одним из идеологических мифов советского прошлого, пропагандировавшего полное благоденствие и чуть ли не райскую, безбедную жизнь для каждого в будущем коммунистическом обществе. Заблуждением, иллюзией называет он такие представления, которые с «высоты в бесконечность и недосягаемость изгнанного идеала» лишь оправдывают бессердечие к людям в настоящем, в действительности. Никакой общественный строй, конечно, не устранит «всех горестей человеческого сердца», не ликвидирует все жизненные проблемы, всю проблематику человеческой жизни.

Поэтому не обещаниями и посулами, как, впрочем, и не одним только проявлением сострадания к человеку, его бедам и несчастьям, должна заниматься подлинная (позитивная) этика. Ее главная задача – «показывать человеку все богатство его жизни, поскольку этим больше всего можно его укрепить и ему душевно помочь жить полной жизнью в данных условиях» (там же, с. 351).

С этих позиций основная этическая задача выступает для ученого и как основная онтологическая задача – учет и реализация всех возможностей, которые создаются жизнью и деятельностью человека, что необходимо предполагает борьбу за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Но это не простое самоусовершенствование человека, подчеркивает он снова, а признание ценности морального уровня его жизни с точки зрения того, что она изменяет, усовершенствует и значит для других людей. В соответствии со всеми этими положениями смысл этики для него – не «сострадательное», как в христианском гуманизме, а «воинствующее» добро.

Гуманизм, реализуемый в работах Рубинштейна, выходит за рамки того, по выражению самого ученого, «куцего антропологизма», который не распространяется на мир вокруг человека, на природу, на то, что дано первично, естественно и при котором все превращается в нечто «сделанное», сфабрикованное, «как будто мир действительно является продуктом производства», а природа только материалом или «полуфабрикатом производственной деятельности людей» (там же, с. 342). Против такого «вещного», прагматического отношения, «приводящего к изничтожению действительности» и принявшему уже в наши дни, к сожалению, еще более глобальные, катастрофические масштабы, грозящие уничтожить все живое на земле, как и планету в целом, была направлена гуманистическая мысль ученого, когда он, размышляя о соотношении человека и бытия, говорит о необходимости правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию, чтобы сохранить их первозданную красоту.

Для обозначения такого «правильного, человеческого отношения к миру», способного не только преобразовать его в соответствии с его сущностью, но и сохранить саму эту сущность, Рубинштейн обращается к идее о созерцании, несмотря на в целом критическое к ней отношение в нашей философско-психологической литературе тех лет в связи с марксистской критикой созерцательности как главного недостатка всего предшествующего ему материализма. Он восстанавливает в научных правах это понятие, связывая с ним особый способ отношения и приобщения человека к миру, другим людям,

природе, – отношения, отличного от действий, производственной деятельности, практических преобразований, прагматических интересов. Однако созерцание понимается им не в смысле пассивности, страдательности, бездейственности человека, которые привычно связываются у нас с этим понятием.

Для Рубинштейна созерцание – не антипод активности и действенного начала человека, а лишь другая форма этой активности, реализуемая через познание и эстетическое переживание, т. е. идеально. Утверждая созерцательное, непрагматическое отношение человека к миру, пишет он, мы утверждаем вместе с тем и эстетическое отношение к человеку, и необходимость этого отношения как «условие полноценного, радостного человеческого существования» (там же, с. 380).

Развиваемая Рубинштейном идея созерцательности направлена не только против хищнического, прагматического отношения к природе и миру в целом, но и против соответствующего отношения к человеку, против использования его только в качестве орудия, средства при достижении определенной цели, а также против отношения к нему лишь как к носителю одной какой-либо общественной функции, роли, против сведения его к «маске» (там же, с. 364). Необходимость преодоления всех этих функционально-ролевых трактовок личности, лишающих человека возможности быть субъектом жизни, творцом своей истории и судьбы, является для Рубинштейна первейшим условием для реализации гуманистического подхода к нему во всей полноте бытия.

В контексте развития идеи о созерцательности рассматривается Рубинштейном и проблема любви как первейшей, острейшей, по его определению, потребности человека, обладающей действенностью «воспитанного гуманным правом чувства» (там же, с. 375).

Обращение к этой человечнейшей и одновременно очень личностной проблеме – тоже неординарный шаг для ученого в условиях чрезмерно идеологизированного мышления и общей заданности проблематики человека в философско-психологической литературе тех лет, не оставлявшей места для «лирических» тем. Рубинштейн делает этот шаг, посвящая различным аспектам и ипостасям любви специальный параграф своей последней, плотно насыщенной мыслью книги «Человек и мир».

В разработке темы любви находит свою реализацию стержневая для ученого идея «человеческого в человеке». Являясь важнейшей потребностью человека, любовь выступает как оценка чувством, способная выявить подлинную сущность человека. Именно в любви,

подчеркивает Рубинштейн, в полной мере проявляется человечность (этичность) человека в его отношении к другому и он, сохраняя свою единичность, поднимается до уровня всеобщности (там же, с. 377).

Три главные мысли определяют гуманистический смысл этой философско-психологической концепции любви:

1. Любовь есть нечто высшее, позитивное в утверждении бытия человека, выражение новой модальности в человеческом существовании – радости от самого существования другого человека как такового.
2. Любовь – «проявитель» всех лучших качеств человека не только в любовных отношениях, но и «во всех планах жизни, во всех сферах человеческой деятельности».
3. Любовь – выражение особого творческого отношения к человеку, способствующего «утверждению бытия человека все более высокого плана, все большего внутреннего богатства» (там же).

С позиций реального гуманизма и практики жизни решается Рубинштейном и проблема «ближнего» и «дальнего», индивидуальности и общности в любви. В самой постановке, терминологии и понимании им этой проблемы просматривается неудовлетворенность тем, как она решается в религии, некоторых концепциях этического социализма, а главное – как реализуется в самой действительности, в том числе и в обществе, в котором жил и работал ученый.

Решение проблемы любви, связанной с неприемлемым для Рубинштейна противопоставлением любви к «ближнему» и любви к «дальнему», он видит в том, чтобы «в ближнем увидеть идеал человека, но не в его абстрактном, а конкретном выражении» и, что особенно важно, способствовать его созданию (там же). Решительно возражая против любви к абстрактному человечеству «поверх и вне живых людей» и называя ее худшим врагом подлинно живой человеческой любви к людям, Рубинштейн пишет: «Любить человечество надо в людях, с которыми связывает тебя жизнь, и в них надо любить человечество таким, как оно есть, и таким, каким оно будет, таким, как оно становится и каким мы же должны его сделать» (Из дневников…, 1999, с. 20). Противопоставление любви к «ближнему» и «дальнему» означает для него не что иное, как идеалом прикрытые и оправданные безразличие, сухость, черствость и жестокость по отношению ко всем людям, с которыми человек реально соприкасается и которым он мог бы реально помочь.

Сравнительный анализ показывает, что позитивная трактовка любви в концепции Рубинштейна по ряду позиций очень близка

взглядам тех зарубежных и весьма авторитетных психологов западной ветви гуманистической и позитивной психологии. Среди них правомерно назвать прежде всего Э. Фромма, автора фундаментальной монографии «Искусство любви», в работах которого феномену любви уделяется особенно много внимания и подчеркивается ее особая значимость для понимания всех проблем человеческого существования. В этой связи отметим, например, лишь тот факт, что, как и для С. Л. Рубинштейна, любовь для Фромма – конечная и самая глубокая потребность каждого человека, которая в его концепции «гуманистического психоанализа» лежит в основе всех других человеческих потребностей и тем самым определяет процесс создания человеком самого себя (Фромм, 1991).

Несмотря на признание этими учеными высшей значимости любви как потребности человека, их взгляды на природу любви и ее предназначение в жизни тем не менее существенно отличаются друг от друга.

Если для Рубинштейна любовь «есть потребность совсем фундаментально существовать для другого», когда один человек существует для другого в полноте своего бытия, в своей особой неповторимой сущности, а ее главное предназначение – выявление в любимом всех лучших качеств, то, по Фромму, любовь выступает как та активная сила в человеке, посредством которой он освобождается из темницы одиночества и оказывается способным преодолеть чувство изоляции и отделенности (Фромм, 1991).

В этих определениях, как мы видим, представлен разный вектор любви, акцентируется ее разная направленность: у Рубинштейна, как всегда, это, прежде всего, позитивная направленность на другого, на того, кого любишь, и поэтому смысл любви – «в радостном утверждении самого существования другого человека», выявление особого неповторимого существа любимого человека; у Фромма, напротив, это направленность на себя, на того, кто любит и кто в любви оказывается способным достичь необходимой для себя гармонии.

Налицо две гуманистические позиции в трактовке любви, представляющие разные культурно-исторические и мировоззренческие традиции в развитии мировой социогуманитарной мысли и научных взглядов на природу человека и его существование в мире.

Для стиля мышления и научного мировоззрения Рубинштейна были характерны не только широта мысли, не только акцент на том, что определяет истинную человечность в человеке и возвышает, поднимает личность на новую высоту, но и позитивный, оптимистический взгляд на многие самые сложные и «мучительные» пробле-

мы бытия, человека, отношения к жизни. И это не только проблема наличия зла и его соотношения с добром, но и страдания и смерти, несвободы и принуждения, конечности и бесконечности человеческой жизни, ее трагизма и др.

Не останавливаясь на всех этих проблемах, отметим лишь интересную, непривычную для психологической науки постановку Рубинштейном проблемы трагизма. Она рассматривается им не в плане страдания, психологических переживаний, не в плане умирания как неизбежной биологической смерти человека, а в широком жизненном контексте применительно к конкретным историческим и личным ситуациям – соответствующей человеческой судьбы, сплетения добра и зла, противоречий жизни, необходимости идти к добру через зло, гибели добра и т. д. «Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло» (Рубинштейн, 1973, с. 353).

Рассматривая трагическое в контексте различных мировоззренческих чувств, понимаемых как обобщенное, рефлексивное отношение к жизни (трагическое, комическое, ироническое и т. д.), Рубинштейн отмечает известное преобладание именно трагического отношения. Это преобладание, пишет он, «оправдано в виде своей связи с духом серьезности или серьезного, т. е. ответственного реалистического отношения к жизни, соответствующего всей ее исторической и личной конкретности» (там же, с. 354).

В связи с чувством трагического (а не наоборот) рассматривается им и такая фундаментальная проблема человеческого бытия, как проблема жизни и смерти, различные аспекты которой в той или иной степени затрагиваются в работах многих известных психологов экзистенциально-гуманистической ориентации и в целом близки взглядам Рубинштейна.

Согласно Рубинштейну, реальная диалектика жизни и смерти, в которой коренится чувство трагического, предполагает и соответствующее отношение человека к смерти. В его рассуждениях о смерти акцентируется мысль о жизни как ответственности, поскольку для человека в отношении самого себя реально существует не смерть, а завершение жизни: жизнь не только кончается, но и превращается в нечто, чему подводится итог и что ставит вопрос о ее внутренней содержательности и значительности.

Другими словами, чувство трагического и соответствующее отношение к смерти особенно наглядно выявляет степень ответственности человека за жизнь (поскольку после уже ничего не ис-

правишь и не наверстаешь), повышает ответственность за все содеянное и все упущенное. Это делает жизнь более осмысленной и значительной для других людей, для человечества. В свою очередь, «жить с таким пониманием жизни и смерти – значит жить в вечности, воспринимать своих друзей в аспекте вечности» (Из дневников…, 1999, с. 20).

Отношение человека к собственной смерти, определяющее меру ее трагичности, зависит, прежде всего, согласно Рубинштейну, от двух обстоятельств: во-первых, насколько завершенной и законченной в смысле реализованности ее замысла, решения главного дела жизни окажется жизнь к моменту наступления смерти и, во-вторых, в какой мере эта смерть не оставляет на произвол судьбы тех людей, которые в тебе нуждались и за которых ты был в ответе. Как видим, мысль о другом и здесь оказывается для него наиважнейшей.

Размышления ученого о жизни и смерти приобретают особую ценность ввиду беспредельной искренности и личностной тональности, поскольку отражают его думы и чувства на завершающем этапе собственной жизни, когда перед ним отчетливо встала «мысль о приближающемся конце». И как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, жизнь с появлением этой мысли наполнилась для него «большой и прекрасной, затаенной патетикой» (там же, с. 21).

Сергей Леонидович пишет, что эту пору завершения даже можно сравнить со взлетными годами ранней молодости, поскольку она делает человека больше всего человеком, требуя от него «собрать все помыслы, все силы воедино и бросить их на завершение и оправдание жизни» (там же, с. 20). И если для людей обычно смерть свидетельствует о бренности жизни, то ему она говорит, прежде всего, о ее значительности и невозможности уйти из нее «с чем попало». Поэтому умереть ученый хотел бы, «благословляя жизнь», а главное – «что-то хорошее оставить людям на прощание» (там же).

Этическая и жизненная позиция Рубинштейна весьма оптимистична и светла. В этой связи правомерно соотнести, например, его взгляды с утверждением Э. Фромма о трагичности существования и одиночестве человека во Вселенной, поскольку он, обладая разумом и способностью осознания, оказался отделенным от всего остального мира природы непроходимой пропастью (Фромм, 1995). Рубинштейн, напротив, пишет о своем чувстве единения со Вселенной, которое способно сделать жизнь не суровой и не одинокой для него на завершающем ее этапе. В дневниковых записях ученого

последних лет жизни есть удивительные по позитивному настрою строчки, раскрывающие это его мироощущение: «Живу я не в Дубултах, не в Москве, а во Вселенной силой и полнотой ее несокрушимой, вечной и величавой жизни. И душе моей просторно и светло» (там же, с. 19). И хотя с этим чувством приобщенности ко Вселенной живется и дышится безбрежной жизнью, тем не менее, замечает ученый, «Вселенная без человека пустота! Лишь в единении с человечеством ты человек» (там же).

Эту масштабную гуманистическую идею единения человека, человечества и Вселенной Рубинштейн включает в свою итоговую формулировку смысла человеческой жизни, которой совершенно логично и заканчивается книга «Человек и мир». Смысл человеческой жизни – делает он свой главный вывод – не только быть источником света и тепла для других людей, не только быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные, не только быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь, но и быть сознанием Вселенной и совестью человечества (Рубинштейн, 1973, с. 385).

Итак, при рассмотрении научного творчества Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии видны не только линии их соприкосновения, пересечения, совпадения, не только линии разъединения, расхождения и разногласия, но и линии совершенно самостоятельных и оригинальных его идей. И важно подчеркнуть, что все эти идеи, мысли и суждения сходятся у Рубинштейна в единый центр – философско-психологическую концепцию человека как субъекта.

Такая теоретическая основательность выгодно отличается от концепции известной нам западной гуманистической психологии, не имеющей такого единого стержня и представленной весьма разными в теоретико-методологическом отношении работами, принадлежащими крупным ученым, каждый из которых вполне самодостаточен, независим и вместе с тем совершенно уникален по своим идеям и вкладу в психологическую науку.

В одной из своих статей, посвященной гуманистической психологии, Д. А. Леонтьев совершенно справедливо из всей психологической литературы советских лет выделил книгу С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», содержащую, как он считает, удивительные по глубине и изяществу мысли по широчайшему спектру проблем экзистенциально-гуманистического плана. И остается лишь недоумевать, резонно замечает в этой связи автор статьи, «почему эта книга оказала столь незначительное влияние на работы психоло-

гов 1970–1980-х гг.» (Леонтьев, 1999, с. 8). Отвечая на этот вопрос, правомерно предположить, что наше психологическое сообщество к тому времени оставалось все еще весьма «зашоренным» прежними установками и взглядами и не готовым необходимым образом осознать, а тем более адекватно оценить и развить дальше эти новые идеи и мысли, резко контрастирующие со всем, что составляло содержание и определяло стиль мышления отечественных ученых в те годы. Выражаясь фигурально, «зерно» упало на еще не подготовленную почву.

В отечественной психологической науке середины XX в. Рубинштейн оказался впереди своего времени совсем не случайно.

Получив фундаментальное европейское образование по философии и осуществив к 1930-м годам глубокий анализ мирового состояния психологической науки, он и в последующие годы, несмотря на опустившийся в стране «железный занавес», продолжал оставаться, пожалуй, более других советских психологов интегрированным в мировую психологическую науку, хорошо чувствовал тенденции ее развития, в том числе и наметившийся в 1950-е годы поворот философско-психологической мысли в сторону гуманистических и экзистенциальных проблем. В силу этих же причин он не мог с годами не осознавать все острее неправомерную зауженность проблематики советской психологической науки, ее замкнутость на ограниченном круге проблем и необходимость «выхода» на широкие просторы «онтологии человека» в другой масштаб измерения – целого мира, в котором человек ищет и находит (или не находит) свое место, в котором он одно теряет, а другое приобретает взамен, что и составляет содержание человеческой жизни.

И как только появились первые признаки «оттепели», Рубинштейн осуществляет, по его словам, прорыв через все навязанное ему прихотливым и суетным ходом жизни к этим просторам философской мысли и человеческого бытия, чтобы по-настоящему понять человека и межлюдские отношения и сделать их совершеннее. В этом заключалась для него «самая человечная и самая прекрасная из всех задач» (Из дневников…, 1999, с. 20).

К сожалению, скоропостижная смерть не позволила ему в полной мере осуществить все задуманное. Жизнь оборвалась на «полуслове» в ответственный, завершающий период работы над самой главной для ученого книгой, которую он называл книгой «своего сердца», посвященной всему, что есть в жизни мужественного и великодушного.

Но и то, что успел Рубинштейн сделать и что оставил нам в наследство, имеет огромную научную и гуманистическую ценность в системе современной психологической науки.

В заключение выделим мысль, обоснованную всем проведенным выше анализом творчества Рубинштейна и в то же время акцентирующую более широкий, исторически выраженный аспект затронутой проблемы.

Речь идет о все еще не преодоленной традиции связывать гуманистическую психологию второй половины XX в. лишь с именами известных западных ученых, с тематикой и содержанием разработанных ими концепций и изданных работ. Хотя гуманистическая психология, как и более поздние ее ответвления – экзистенциальная и позитивная психология, действительно возникли и институционально оформились в новое научное направление на Западе, точнее, в американской психологии без какого-либо видимого участия наших ученых, сам по себе данный факт еще не означает, что все эти дисциплины являются чисто западным явлением, к которому наша отечественная наука якобы не имеет отношения, для которого не представляет интереса.

Как показывает соответствующий анализ работ не только Рубинштейна, но и некоторых других ученых, живших и трудившихся в советский период нашей истории, в частности, например, Б. Г. Ананьева (см. Джидарьян, 2008), в их творчестве также разрабатывалась современная им гуманистическая проблематика, разрабатывался позитивный взгляд на человека, его возможности и перспективы развития. Поэтому нет никаких оснований не учитывать в истории гуманистической психологии, наряду с ее бесспорными западноевропейскими корнями и традициями, также и те, которые формировались в рамках отечественной науки.

При рассмотрении и оценке гуманистической направленности психологической науки в советский период ее развития надо, конечно, исходить не столько из позиций ее близости соответствующим западным теориям (поскольку общая идеологическая ориентация тех лет предполагала обязательную конфронтацию и критику «буржуазной» науки), сколько из реального гуманистического смысла развиваемых отечественными учеными концепций и взглядов на конкретные проблемы человека и личности, актуальных в условиях современной им социальной действительности. О гуманизме в работах Рубинштейна свидетельствует их направленность на все то, что приносит самоутверждение жизни, возрождение ее радости, инициативу и ответственность личности, а так-

же на то, что подчеркивает не страдательное, а действенное начало человека.

Видимо, речь должна идти о признании существования не какого-то одного, а разных вариантов гуманистического подхода в психологической науке, обусловленных особенностями историко-культурной среды и социума, в которой они формировались. И тогда более очевидным станет также вклад и наших ученых, прежде всего, конечно, Рубинштейна, в развитие мировой гуманистической мысли XX в.

Имя Сергея Леонидовича Рубинштейна как ученого и гуманиста вполне сопоставимо с такими всемирно признанными и авторитетными именами, как А. Маслоу, В. Франкл, Э. Фромм, К. Роджерс и др.

Глава 4

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ИДЕИ Б. Г. АНАНЬЕВА О СИСТЕМНОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ

Гуманизм (*лат.* humanus – человечный, человеческий), от которого получило название одно из самых влиятельных и передовых направлений в развитии мировой научной и общественной мысли, не является узко научным понятием с четко очерченными границами и критериями употребления. Его зарождение и распространение связано с эпохой Возрождения, когда возникла необходимость обозначить этим латинским термином новые человекоцентрированные тенденции в философии, поэзии, зодчестве, этике и т. д., возникшие в Западной Европе в противовес религиозно-аскетическому мировоззрению Средневековья. Эти тенденции с их идеей человеколюбия и уважения к человеческому достоинству в своем дальнейшем развитии проявились в различных идейных формах и социальных оттенках, выражая в целом прогрессивные для своего времени учения и научные подходы.

Со второй половины XX в. это название начинает впервые использоваться и применительно к одному из новых движений психологической мысли в США, противопоставившему себя в качестве «третьей силы» (А. Маслоу) бихевиоризму и фрейдизму, безраздельно господствовавшим в ней на протяжении предшествующих десятилетий. Гуманистическое движение, как известно, не представляло собой единого учения со своей четкой методологией и программой исследования, а объединяло ряд вполне самодостаточных и оригинальных по своим идеям теорий личности таких выдающихся ученых XX в., как Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и др.

Главным для гуманистической психологии было обращение к конструктивным началам человеческой психики, к неисчерпаемым внутренним потенциям человека, к идее свободного развития и саморазвития личности, возможности ее самоактуализации, достижения «идеального Я», принципиальной открытости миру и т. д.

В этой новаторской по содержанию и гуманистической по направленности проблематике, как и в своих общих мировоззренческих установках, представители гуманистической психологии опирались, прежде всего, на философию экзистенциализма, поставившую в центр внимания индивидуальные смысложизненные вопросы человеческого существования, бытия-в-мире.

Отношение советских ученых к гуманистической психологии, возникшей в рамках западной научной мысли в 1950–1960-е годы, не было, согласно нашему анализу, столь однозначно отрицательным и «разгромным», как это практиковалось тогда в отношении «буржуазных» идеалистических учений.

Конечно, не могла не располагать к себе, прежде всего, «живая», приближенная к реальному человеку проблематика гуманистической психологии, в связи с чем отмечалась даже необходимость рассмотрения некоторых из этих проблем в советской науке. Кроме того, в работах гуманистических психологов присутствовал, как известно, протестный элемент, выражалась критическая позиция к различным аспектам традиционной западной психологии и многим установкам современного буржуазного общества, что также, видимо, сдерживало критическую остроту в ее оценке со стороны наших ученых. В то же время в советские годы трудно было согласиться с притязаниями «буржуазной» науки на гуманизм в решении актуальных проблем эпохи, права на которые все больше закреплялись за обществом победившего социализма и марксистски ориентированными науками, поэтому гуманистическая психология, о содержании различных концепций которой нашим ученым тогда по вполне объективным причинам было известно крайне мало, за исключением, пожалуй, теории самоактуализации А. Маслоу, тем не менее критиковалась по сложившемуся уже стереотипу за абстрактный гуманизм, антиисторизм, преувеличение роли биопсихологического фактора в ущерб социальной детерминации в формировании и жизнедеятельности личности.

В отечественной психологии развитие гуманистических идей имело свои особенности и, к сожалению, ограничения, неизбежные в чрезмерно идеологизированном обществе, каким оно было в советский период. Парадоксальность ситуации состояла в том, что высокий гуманизм в теории и пропагандистско-публицистической литературе, особенно с провозглашением в 1960-е годы коммунистического принципа «Все во имя человека, все для блага человека», во многом расходился с реальной жизнью, по крайней мере, на уровне конкретного человека. И чем очевиднее становилось это

расхождение между лозунгами и действительностью, между идеалом и его реальным воплощением внутри страны, чем активнее заявляла о своем гуманизме западная наука, тем сложнее оказывалась позиция наших ученых-гуманитариев в разработке конкретных гуманистических проблем, выдвигаемых жизнью и потребностями развития самой науки.

В связи с этим при рассмотрении гуманистического содержания психологических концепций известных отечественных ученых второй половины XX в. – С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, Д. Н. Узнадзе, В. Н. Мясищева, А. Н. Леонтьева и др. – следует руководствоваться не формальным критерием их принадлежности или близости к соответствующему направлению западной науки, тем более интегрированности с ним. Представляется важным учитывать и собственные гуманистические традиции, сложившиеся в истории отечественной науки, на которые опирались наши ученые, а главное – исходить из реального гуманистического смысла развиваемых ими идей и взглядов на конкретные проблемы личности и человека, актуальные в условиях современной им социальной действительности, а также намечаемых перспектив развития психологической науки. Как показывает соответствующий анализ содержания работ многих отечественных психологов, живших и работавших в советский период нашей истории, они были не только выдающимися учеными, но и великими гуманистами своего времени. Среди них уникальное место бесспорно принадлежит Б. Г. Ананьеву.

В истории отечественной психологии имя Б. Г. Ананьева связано со многими фундаментальными разработками и новаторскими идеями. Одной из них является идея антропологически центрированной системы современного научного знания и интегрирующей роли в ней психологической науки. Эта идея, ставшая, по сути, итоговой в творческой биографии ученого, и, как можно предположить, наиболее продуманной и выстраданной им, представляется нам и наиболее интересной и важной с точки зрения своей четко выраженной гуманистической направленности.

При рассмотрении и анализе антропологической концепции Ананьева, в которой реализована обозначенная выше идея, большинство авторов главное внимание уделяют ее научному содержанию и теоретико-методологическому значению для комплексного изучения человека. При этом часто недооценивается или даже упускается из виду ее гуманистический аспект.

На наш взгляд, гуманистическая составляющая антропологического принципа, которая после долгого забвения усилиями Ана-

ньева вновь возвращается в науку на новом уровне развития знания (несмотря на настороженное и даже явно негативное к нему отношение ряда других ученых), была для него не менее важной, чем все остальные. Показателен в этом отношении, например, тот факт, что, приступая к рассмотрению и обоснованию своей концепции, он прежде всего обращается к таким авторитетным сторонникам антропологического принципа в отечественной науке, как Н. Г. Чернышевский, К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт. И хотя труды этих ученых, как он пишет, весьма отличны по своим общественно-политическим и философским основам, их объединяет «стремление к целостному научному знанию о человеке, продиктованное страстным гуманизмом» (Ананьев, 1968, с. 18).

Особенно авторитетным было для него имя Н. Г. Чернышевского, революционного демократа и гуманиста, автора «Антропологического принципа в философии», оказавшего огромное влияние на развитие гуманистических основ российского общества, духовное состояние и прогресс научной мысли целой исторической эпохи.

Ананьев особо выделяет мысль о том, что идея гуманизма впервые была распространена Чернышевским «на весь народ, на каждого человека во имя блага всего народа» (там же). В приведенной цитате обращают на себя внимание выделенные авторским курсивом слова «каждого человека», выражающие понимание Ананьевым подлинного гуманизма и ставшие ключевыми в его концепции человека.

Продолжая гуманистические и антропологические традиции в отечественной науке, проанализировав современные тенденции развития научного знания и опираясь на опыт и результаты своих собственных комплексных исследований человека и развития личности, Ананьев намечает контуры «нового синтетического человекознания», объединяющего в себе научный и гуманистический подходы. Главный вывод всего проведенного им анализа состоит в утверждении, что только на основе системы синтетического человекознания может быть построена теория человеческой индивидуальности (Ананьев, 1977, с. 335).

Бесспорно, проблема индивидуальности является «живым нервом» антрополого-психологической концепции Ананьева, выражает специфику его антропологизма. С ней он связывает, на наш взгляд, не только научные перспективы психологии в целом и реализацию ее роли как интегратора всех сфер человекознания, но и возможность преодоления «схематизма» в личностной проблематике психологической науки тех лет, отказа от обтекаемости и общих слов в рассуждениях о советском человеке, выступающем скорее в виде

некоей идеальной модели, чем живой конкретной личности. Более того, через проблему индивидуальности он мог опосредованным способом не только дистанцироваться по ряду позиций от официальной идеологии и многочисленных абстрактно-теоретических работ о новом человеке и его формировании, но и противостоять практике отношения к человеку как «винтику», производительной силе, средству повышения эффективности социалистического труда и т. д.

Конечно, Б. Г. Ананьев – не единственный ученый и даже не один из первых отечественных психологов, кто обратился к проблеме индивидуальности в своих работах. Об индивидуальности в разные годы и особенно после возвращения личности в психологическую науку в конце 1950-х – начале 1960-х годов писали и многие другие наши авторы. В признании индивидуальности человека, как справедливо отмечает К. А. Абульханова-Славская, находил свою преимущественную реализацию гуманистический подход в психологических исследованиях тех лет (Абульханова-Славская, 1997, с. 346). Тем не менее, ни у кого из отечественных авторов феномен индивидуальности не был обозначен в такой четкой концептуальной значимости и гуманистической насыщенности, как в работах Б. Г. Ананьева, особенно в последний период его жизни в связи с разработкой им основ современного человекознания.

В своем понимании индивидуальности Б. Г. Ананьев выходит за рамки ее традиционного понимания как только особенного, единичного, неповторимого, что выражает индивидуальные различия между людьми, т. е. такой ее трактовки, которой придерживались и продолжают придерживаться, несмотря на отдельные различия, большинство авторов. «Единичное не становится индивидуальностью потому лишь, что оно отличается от других в однородном ряду (по полу, возрасту, статусу и личности, мотивации и т. д.). Это отличие, – подчеркивает он, – еще не составляет феномена индивидуальности» (Ананьев, 1968, с. 93). Феномен индивидуальности ученый связывает «с образованием синтеза свойств как замкнутой саморегулирующейся системы» (там же).

Индивидуальность, в понимании Б. Г. Ананьева, – не столько характеристика человека, сколько одна из его сущностей, отличающаяся от трех других феноменов человека – индивид, личность, субъект – своей особой организацией. Об этих сущностях (феноменах) человека ученый говорит как об объективном факте, объясняя ими многообразие подходов современной науки к изучению человека. Это многообразие, пишет он, – не только следствие все большего расчленения теоретический мысли; оно «есть отражение много-

образия самих феноменов человека, выступающего как вид Homo sapiens и индивид, как человечество в его историческом существовании и личность, как субъект и индивидуальность» (Ананьев, 1968, с. 24). Между выделенными феноменами существуют сложные субординационные, «иерархические» связи, которые схематично представлены у него в виде следующей цепочки понятий: индивид → личность → субъект → индивидуальность.

Как видим, индивидуальность, выступая завершающим звеном в этой цепочке феноменов человека, имеет, как и все другие, не определительный или описательно-обозначаемый, а проблемный и даже концептуальный статус. Эта проблемность выражается в том, что «единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» (Ананьев, 1968, с. 334).

В синтезе свойств индивида, личности и субъекта приобретается такое качество индивидуальности, как уникальность. В аспекте нашего анализа важно подчеркнуть, что для Ананьева каждый человек уникален именно потому, что он – индивидуальность, поскольку «обладает собственным внутренним миром, самосознанием и саморегуляцией поведения, складывающимися и действующими как организатор поведения – „я“» (Ананьев, 1968, с. 93).

Признавая вслед за Б. Г. Ананьевым уникальность феномена человеческой индивидуальности, мы, в свою очередь, хотели бы подчеркнуть уникальность самой его теории индивидуальности. Важно отметить, что на основе этой теории просматривается теоретически наиболее оптимальный, с нашей точки зрения, вариант решения все еще безуспешно дискутируемого вопроса о соотношении понятий «индивид», «личность», «индивидуальность», к которым в 1970–1990-е годы присоединилось еще и понятие «субъект». К сожалению, методологический потенциал теории Ананьева остается пока недостаточно оцененным в нашей литературе, поскольку не совсем адекватно во многих случаях интерпретируется его понимание индивидуальности в ряду других феноменов человека, тем самым от внимания ускользает новый аспект в соотношении обозначенных им выше понятий.

Источник возникновения подобной неадекватности чаще всего связан с тем, что индивидуальность в соответствующей цепочке понятий, последовательность которых обозначена однонаправленными линиями стрелок, помещена в конце ряда, что дает основание отнести ее к высшему уровню развития человека и даже трак-

товать «как самое позднее приобретение человека» (Меньшикова, 2007, с. 70). В действительности стрелками, как уже отмечалось выше, ученый выражает не уровни онтогенеза или этапы жизненного пути, а сложные субординационнные, «иерархические» связи в системе феноменов целостного человека. На наш взгляд, представленная ученым последовательность ряда с индивидуальностью в конце подчеркивает ее интегрирующую функцию по отношению ко всем другим феноменам человека.

Что касается «начала» индивидуальности, то человек обладает ею уже с момента своего рождения, хотя это пока не полный набор свойств и не саморегулирующая система, что достигается позднее, когда «образуется определенное взаимосоответствие тенденций и потенций человека, самосознание и „я“ – ядро личности» (Ананьев, 1968, с. 328).

Как пишет А. В. Брушлинский, «качество высшего уровня» человека является прерогативой субъекта в понимании субъектно-деятельностного подхода, активно развиваемого в последние два десятилетия школой С. Л. Рубинштейна. Этот высший субъектный уровень выступает «таковым по отношению к предшествующим (т. е. до-субъектным) стадиям индивидуального и исторического развития, а также по сравнению со всеми остальными определениями людей (как личностей, индивидов, индивидуальностей и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 9). Определение субъекта в школе Рубинштейна как неразрывно развивающегося единства «всех качеств человека: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д.» (там же) представляется нам максимально приближенным к понятию индивидуальности в концепции Ананьева. Тем не менее индивидуальность для Ананьева – не субъект, представляющий высший уровень развития, и не «яркая» личность, характеризующаяся особенными, единичными, неповторимыми свойствами или, как писал Рубинштейн, проявляющая минимум нейтральности, безразличия по отношению ко всему общественно значимому, тем более не индивид как носитель определенных природных свойств, а именно *«общий эффект, интеграция всех свойств человека как индивида, личности и субъекта деятельности с целостной организацией этих свойств и их саморегуляцией»* (курсив мой. – *И. Д.*) (Ананьев, 1968, с. 274).

Другими словами, индивидуальность одновременно вбирает в себя проявления человека и как личности, и как субъекта, и как индивида. И подобно тому, как психология является, по мысли ученого, интегратором наук о человеке в общем человекознании, так и инди-

видуальность выступает интегратором всего множества состояний и свойств в каждом отдельном, единичном человеке.

Для уточнения своей позиции в понимании индивидуальности в ряду других феноменов человека Б. Г. Ананьев использует метафору «вершина – глубина», которая встречается и в работах многих других известных психологов. Вот как расставлены у него акценты: «Если личность – „вершина“ всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность – это „глубина“ личности и субъекта деятельности» (Ананьев, 1968, с. 329).

Сравнение индивидуальности с «глубиной» порождает непростые вопросы исследовательского плана, многие из которых продолжают оставаться актуальными и в наши дни: можно ли заглянуть в эту глубину, как ее измерить; как идентифицировать всю совокупность интегрированных в индивидуальности человеческих свойств (индивида, личности, субъекта), какие выбрать основания для выделения их комплексов, взаимосвязей и т. д.?

Конечно, не на все эти вопросы можно пока полностью и убедительно ответить, но Б. Г. Ананьев был оптимистом в науке, глубоко убежденным в ее способности все успешнее постигать глубины и тайны человеческого бытия, раскрывать сущность и индивидуальность человека. Поэтому он был убежденным критиком всех тех, кто выражал скептицизм и сомнение в их познаваемости. Именно агностическая позиция экзистенциализма, связанная с утверждениями «о принципиально якобы непознаваемой (все более непонятной, непостижимой) сущности человека» вызывает у Ананьева наибольшие возражения, и он солидаризуется с ее критикой в советской философской литературе тех лет. В то же время нельзя не обратить внимания и на высказанные им серьезные упреки в адрес некоторых философов-марксистов, допускающих в этой своей критике декларативные утверждения и порождающих «иллюзии решенности пока еще нерешенных проблем человекознания и нередко сводящих всю совокупность наук, необходимую для их решения, лишь к социологии» (Ананьев, 1968, с. 16).

В своей уверенности «найти возможности объективного исследования человеческой индивидуальности» и акценте на том, что «измерение этой… глубины возможно лишь объективными методами современной науки, в системе человекознании» (Ананьев, 1968, с. 329). Ананьев явно дистанцируется от каких-либо возможных параллелей с «глубинной психологией» и пессимизмом ее основателя. В этой связи он выражает принципиальную для своей гуманистической антропологии идею о том, «что одним из важных

индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидающей, творческой деятельности человека, воплощение, реализация в ней всех великих возможностей исторической природы человека» (там же).

Оптимизм Ананьева в отношении огромных возможностей науки в целом, а также его убежденность в исторической миссии психологии как интегратора наук в синтетическом человекознании нашли свое воплощение не только в масштабности задуманной им программы комплексного психолого-антропологического изучения человека и в «идеале и в соответствующем обследовании населения страны с целью узнать ее человеческий потенциал, эффективно использовать и развивать его» (Логинова, 2007, с. 46), но и в тех циклах исследования индивидуальности и развития человека, которые он успел реализовать в последний период своей жизни и обобщить в монографиях, ставших для него итоговыми – «Человек как предмет познания» (1968) и «О проблемах современного человекознания» (1977).

Конечно, гуманизм Б. Г. Ананьева как ученого-исследователя нашел свое яркое воплощение не только в его оригинальной теории индивидуальности, являющейся «осью и вершиной» всей разработанной им концепции человека; духом гуманизма проникнуты и многие другие научные разработки, идеи, темы, высказывания этого выдающегося отечественного психолога.

Как известно, первоначальный смысл понятия гуманизма, истоки которого уходят в эпоху Возрождения, имеет непосредственное отношение к проблемам образования, что зафиксировано в термине «humanitas» (образованность), имеющем общий корень с «humanus», так что некоторые современные словари, наряду с его значением «человеческий», приводят и значение «образованный». В связи с этим в контексте нашего анализа не меньший интерес представляют и психолого-педагогические исследования Б. Г. Ананьева, направленные на гуманизацию системы образования и создание новой педагогической антропологии в русле идей К. Д. Ушинского. Она предполагает уважительно-доброжелательное отношение к личности воспитуемого, знание о внутреннем мире и поведении отдельного ребенка, «педагогическую организацию образа и режима жизни подрастающего поколения», а также «сближения со всей системой охраны и укрепления здоровья и обеспечения долголетия» (Ананьев, 1968, с. 14).

В этой связи уместно напомнить, что уже первая монография ученого – «Психология педагогической оценки» (1935) – включала

богатый фактологический материал психолого-педагогических характеристик учащихся разных классов и по своей сути содержала модель организации конкретно-психологического исследования.

Б. Г. Ананьев относит работу педагога, как, впрочем, и врача, к наиболее гуманным видам деятельности общества. Соответствующие им науки отличаются от всех других своим специфическим подходом к изучению человека, который основан на «диагностике состояний, свойств и возможностей „единичного“ человека, практической работе с каждым отдельным человеком в целях его воспитания и обучения, профилактики и лечения» (Ананьев, 1968, с. 91).

Для подлинного воспитателя отдельный ребенок, как и для опытного профессионального врача – каждый пациент, подчеркивает ученый, перестает быть лишь одним из многих, лишь носителем имени и фамилии, своего рода «экземпляром» или «штукой» в массе других, а предстает как индивидуальность в собственном смысле слова. «Индивидуальность – это и предмет воспитания, и его условие, а тем более его продукт» (Ананьев, 1968, с. 93).

В системе комплексного человекознания, замечает Ананьев, неизмеримо возрастают педагогические приложения многих наук о человеке, и прежде всего, психологии, физиологии, социологии и др., к которым в последние годы присоединились физико-математические и технические. И в этом факте он видит наглядное подтверждение процесса гуманизации наук.

Отмечая важность единой, научно обоснованной системы учебно-воспитательной работы с детьми, Б. Г. Ананьев в то же время подчеркивает необходимость создания оптимальных режимов обучения и воспитания взрослых людей на разных ступенях и периодах их развития, в которых учитывалась бы сочетаемость умственного воспитания с нравственным, нравственного – с физическим и т. д., а также особенности природы и истории жизни воспитуемых. Эффекты учебно-воспитательных воздействий, пишет он, никогда не бывают прямыми, а опосредуются «глубокими структурными особенностями самого индивидуального развития (онтогенеза) человека и историей его воспитания, образования и обучения, опосредующей это развитие» (Ананьев, 1968, с. 32).

Подлинным гуманизмом проникнуты не потерявшие актуальности и сегодня размышления ученого о возможности использовать в процессе обучения уже в ближайшие годы новых технических средств, программированного обучения, обучающих машин и т. д.

Ссылаясь на прогнозы ряда американских ученых и допуская теоретическую возможность изобретения множества подобных

средств, Б. Г. Ананьев тем не менее воздерживается от поспешных выводов и весьма радужных перспектив, намеченных зарубежными коллегами в отношении их повсеместного и быстрого внедрения в практику обучения, особенно в плане их воспитательного эффекта, возможности якобы превратить обучение из долгого и трудного процесса умственной работы в приятное времяпрепровождение. В этой связи он решительно настаивает на том, что многообразные социальные и психофизиологические изменения, которые влекут за собой такие крупные научно-технические преобразования, не только в умственном, но также в нравственном и физическом развитии человека, не всегда носят положительный характер. «Определение меры полезности для развития человека того или иного средства обучения, – пишет он, – возможно только при учете целостной системы воспитания, взаимозависимостей между умственной, физической, чувственной и другими частями воспитания» (Ананьев, 1968, с. 101). Особенно он подчеркивал необходимость взаимосогласования в процессе воспитания умственного и физического развития, учета не только прямых влияний тех или иных вводимых средств умственного образования на умственное развитие, но и косвенного – на физическое развитие.

Таким образом, система образования в школе и высших учебных заведениях в соответствии с антропологическим принципом и идеей целостности человеческого развития должна быть по самой своей сути ориентирована в конечном итоге на формирование оптимальной для каждого конкретного воспитуемого структуры индивидуальности, способной к сознательному саморегулированию и саморазвитию, а также к расширению всех внутренних резервов и ресурсов развития личности.

Четкая гуманистическая позиция выражена Б. Г. Ананьевым и при обсуждении проблемы человека как субъекта труда в условиях интенсивного развития технических средств производства и инженерной психологии. Ученый решительно выступает против одностороннего подхода к изучению человека в системе «человек – машина» в плане так называемых «человеческих факторов техники».

Для него более важной является «другая, психолого-антропологическая сторона, связанная с ролью техники в развитии самого человека» (Ананьев, 1968, с. 27), а также с процессом гуманизации этой техники. При этом он значительно расширяет проблематику изучения человека как субъекта труда, включая в нее различные биологические и социальные аспекты гуманистического характера: механизмы работоспособности и отдыха, факторы утомления и вос-

становления функциональной работоспособности, а также связи этих явлений с типологическими особенностями нервной системы, с общим состоянием человеческого организма и т. д. Речь идет у него также о важности научных разработок в области гигиены труда, с которой, в свою очередь, связаны профилактика и терапия профессиональных заболеваний, требования к нормативам рабочего времени, соотношения работы и отдыха, регулирования нагрузок, эффективных условий преодоления утомлений и т. д.

Сегодня, увы, приходится только сожалеть, читая эти давно написанные строчки, что многое из этой намеченной и реализуемой в условиях социалистического общества программы превращения «обстоятельств жизни в „человеческие“, соответствующие всем антропологическим характеристикам человека» (Ананьев, 1968, с. 21–22) оказалось в условиях современной российской действительности с ее рыночными отношениями и капиталистическим принципом наживы и выгоды любой ценой ненужной «утопией» и анахронизмом.

К числу гуманистических проблем, введенных Б. Г. Ананьевым в широкий контекст психологических исследований, правомерно отнести, на наш взгляд, также проблему ресурсов, резервов и потенциалов человека. Прежде всего, он подчеркивает «гигантский потенциал исторической природы человека» (Ананьев, 1968, с. 15), что предполагает бережное отношение к нему, развитие и рациональное его использование в деле формирования людей будущей эпохи.

Марксистский тезис об исторической природе человека, объединяющий в себе законы истории и природы человека, был особенно близок мировоззрению Ананьева, поскольку соответствовал его собственной идее о целостности человека и необходимости единой науки о нем. Этой целостностью обладают также резервы и ресурсы человека как индивида, субъекта и личности, «между линиями развития которых не только допустимы, но и необходимы аналогии» (Ананьев, 1968, с. 325). На основе выявления этих аналогий и взаимосвязей ученый считал возможным построить в будущем «некоторую общую модель резервов и ресурсов личности, которые проявляют себя в самых различных направлениях в зависимости от реального процесса взаимодействия человека с жизненными условиями внешнего мира и от структуры личности самого человека» (там же).

Рассматривая ресурсы и резервы как потенциальные силы человеческого развития, он в то же время дифференцирует их на разные классы. Наряду со специальными способностями, одаренностью и трудоспособностью, Б. Г. Ананьев в числе основных потенциалов

развития выделяет и совершенно новый класс – жизнеспособность и непосредственно связанную с ней жизнестойкость.

Несмотря на широкое использование этого понятия, Б. Г. Ананьев не дает ему конкретного определения. Можно допустить, что имеется в виду общая способность человека к эффективному функционированию, которая соотносится с высоким уровнем жизненных функций, с наиболее активными и продуктивными фазами человеческой жизни. Нам представляется особенно важным подчеркнуть, что понятие жизнеспособности используется им в одной связке с понятиями долголетия и здоровья.

Как справедливо отмечает К. А. Абульханова-Славская, одним из проявлений гуманистического подхода в отечественной психологии в 1980–1990-е годы было нарастающее внимание к проблемам здоровья и болезни человека (Абульханова-Славская, 1997, с. 332). В этом она видит одну из новых тенденций развития личностного направления в тот период по сравнению с предыдущими годами. Полагаем, что в этом общем тезисе поправка должна быть сделана, пожалуй, в отношении Б. Г. Ананьева, который уже в 1960-е годы обратился к проблеме здоровья и долголетия, включив их в структуру психологического знания, прежде всего, с связи с введенным им новым понятием жизнеспособности. Последнее может быть идентифицировано и измерено не только через показатели общей трудоспособности, но и на основе учета активного долголетия и здоровья.

В своем рассмотрении жизнеспособности главное внимание Б. Г. Ананьев уделяет факторам сохранения, воспроизводства и повышения ее уровня. Одним из таких факторов является, конечно, сформированная индивидуальность с ее целостной организацией свойств и саморегуляцией, обеспечивающая единое направление развития и стабилизирующая общую структуру человека (Ананьев, 1977, с. 274).

Другим важным фактором сохранения жизнеспособности и жизнестойкости, а следовательно, и общего долголетия, особенно когда речь идет о современном человеке, является «постоянная тренируемость интеллектуальных функций». Основываясь на данных современной психофизиологии и геронтологии, Ананьев из всей совокупности обстоятельств, влияющих на физическое долголетие человека, в качестве центрального звена выделяет «воспитанность интеллекта и способность к постоянному интеллектуальному напряжению» (Ананьев, 1968, с. 102).

Конечно, жизнеспособность, как и долголетие, является продуктом не только онтогенетической эволюции, но и жизненного

пути человека как личности и субъекта деятельности. В этой связи внимание ученого привлекает феномен замедления процессов старения, наметившийся за последние десятилетия. Считая его не результатом генетически мутационных изменений, а прижизненным приобретением индивидуального развития современного человека, Б. Г. Ананьев связывает этот эффект с факторами социального характера. Это определенный образ жизни и деятельности человека, мера его социальной активности, живая связь с современностью, наличие или отсутствие стрессоров, главными из которых являются конфликтные ситуации, и др.

Анализируя проблему старения и отмечая фазный характер истории личности – старт, кульминация («пик») и финиш, – ученый с чувством озабоченности и тревоги выделяет в этом процессе явления деперсонализации и деформации личности, возникающие в связи с прекращением профессиональной трудовой деятельности в той или иной области общественной жизни, производства и культуры. Он пишет о том, что внезапное блокирование всех потенциалов трудоспособности и одаренности в связи с прекращением многолетнего труда, которое у многих связано с выходом на пенсию, образует в жизни людей своеобразный вакуум, и для них «начинается драматический период у м и р а н и я личности» (Ананьев, 1968, с. 110). Это, в свою очередь, приводит к функциональным нервным и сердечно-сосудистым заболеваниям – в общем, к психогенным заболеваниям (там же). Как видим, Б. Г. Ананьев со всей остротой ставит эту жизненно важную для многих миллионов людей проблему, привлекая к ней внимание общественности и соответствующих государственных органов.

Но сам он как ученый и гражданин был настроен оптимистически, полагая, что уже в скором времени станет возможным противостоять инволюционным процессам и деформациям личности такого рода. «Мы не можем считать все потенциалы личности и субъекта „исчерпанными” в процессе старения индивиды, – отмечает он, – против этого говорят факты, которые мы рассматривали раньше. Поэтому в ближайшем будущем человечество, надо полагать, найдет более рациональные способы использования этих потенциалов в такие моменты жизненного пути, которые в наибольшей степени характеризуются накоплением жизненного опыта» (Ананьев, 1968, с. 161).

К сожалению, проблема жизнеспособности, как и общая идея Б. Г. Ананьева о необходимости создания системы научных знаний о резервах и ресурсах человеческого развития, о его истинных потенциалах, которые еще крайне недостаточно используются обществом,

не получили пока успешной реализации и дальнейшего развития в отечественной психологии. Сегодня эта проблематика является одной из приоритетных в западной гуманистической и позитивной психологии. В последние годы, например, плодотворно разрабатывается концепция жизнестойкости, в рамках которой американским психологом Сальваторе Мадди предложен специальный опросник «Hardiness Survey», на основе которого проведена целая серия эмпирических исследований (см.: Леонтьев, Рассказова, 2006).

Полагаем, что в ближайшие годы усилиями отечественных психологов будет операционализировано и понятие жизнеспособности, к рассмотрению которого более полувека тому назад обратился Б.Г. Ананьев, описана психологическая структура этого феномена и формы его проявления в жизни и, как надеялся он сам, раскрыты связи между этим и другими потенциалами человека, такими, например, как общая трудоспособность и специальные способности (Ананьев, 1968, с. 326).

Итак, для Б.Г. Ананьева, убежденного гуманиста, укрепившего гуманистические позиции отечественной психологии по целому ряду научных направлений, проблема человека – великая, вечная и универсальная проблема. К ней он обращается и в своей публичной лекции о Ф.М. Достоевском, прочитанной незадолго до смерти, заключительные слова которой воспринимаются сегодня как его напутствие будущим поколениям психологов. «И вот Достоевский, который так высоко ценил эту соборность, эту необычайную широту социальных связей человека, в то же время показывал на каждой странице своего произведения, как нужно ж а д н о всматриваться в другого человека, как нужно видеть в этом другом человеке ценность, независимо от того, что такое этот человек по своему статусу и по своим интеллектуальным возможностям. Высшая ценность – человек. Да, действительно, поэтому можно сказать, что Достоевский принадлежит человечеству и в нем выражено максимально человеческое» (Ананьев, 2007, с. 37).

Последние слова с полным основанием можно отнести и к самому Б.Г. Ананьеву как личности и как ученому, оставившему глубокий след в истории современной психологической науки и ставшему примером высокого служения науке и своему народу.

Литература

Абульханова К. А. Рубинштейн С. Л. – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.

Абульханова-Славская К. А. Проблема личности в психологии // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. С. 270–374.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.

Ананьев Б. Г. Публичная лекция, посвященная 150-летию Ф. М. Достоевского // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5.

Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003.

Борунков Ю. Ф. Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971.

Братусь Б. С. Любовь как психологическая презентация человеческой сущности // Вопросы философии. 2009. № 12.

Брушлинский А. В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.

Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.

Гримак Л. П. Вера как составляющая гипноза // Прикладная психология. 2001. № 6.

Двойнин А. М. Идеи К. К. Платонова о вере сквозь призму современной психологии // К. К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб: Алетейя, 2001.

Джидарьян И. А. Развитие С. Л. Рубинштейном общественно-исторической концепции потребностей // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 4. С. 57–66.

Джидарьян И.А. Гуманистический смысл идеи Б.Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология. М., 2008.

Из дневников Сергея Леонидовича Рубинштейна // Психологический журнал. 1999. №4. С. 18–23.

Козырева А.К. Вера и знание // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1971. Т. 444. Вып. 1.

Краткий философский словарь. М., 1954.

Леонтьев Д.А. Возвращение к человеку // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива. М.: Смысл, 1997. С. 3–18.

Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

Логинова Н.А. Феномен человека: жизнь и творческая индивидуальность Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №5.

Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001.

Меньшикова Л.В. Прикладное значение концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №5.

Мечников И.И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1987.

Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991.

Муздыбаев К. Феноменология надежды // Психологический журнал. 1999. №3.

Писарев Д.И. Схоластика XIX века. Избр. философские и общественно-политические статьи. М.: Госполитиздат, 1949.

Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир (Отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969. С. 348–374.

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1990.

Селигман М. Новая позитивная психология. М., 2006.

Славская А.Н. Ранний период научного творчества С.Л. Рубинштейна (методологический, теоретический, биографический анализы) // Психологический журнал. 2009. №5.

Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994.

Украинка Л. Избранное. М.: Правда, 1984.

Унамуно М. О трагическом чувстве жизни. Киев: Символ, 1996.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Франкл В. Сказать жизни «Да». М.: Смысл, 2004.

Фромм Э. Искусство любви. Исследование природы любви. Минск: Полифакт,1991.

Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995.

Фромм Э. Революция надежды. СПб.: Ювента, 1999.

Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973.

Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.

Юнг К. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992.

Abramson L. Y., Seligman M. E. P., Teasdale J. D. Learned helplessness in humans: Critique and reformulation // Journal of Abnormal Psychology. 1978. V. 87. P. 49–74.

Abramson L. Y., Alloy L. B., Metalsky G. L. Hopelessness depression: A theory-based subtype of depression // Psychological Review. 1989. V. 96. P. 358–372.

Beck A. T., Weissman A., Lester D., Trexler L. The measurement of pessimism: The hopelessness scale // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. V. 42. P. 861–865.

Carver C. S., Scheier M. F. Optimism // Handbook of Positive psychology / Eds C. R. Snyder, J. Lopez. N. Y., 2002.

Chang E. C. Cultural differences in optimism, pessimism, and coping: Predictors of subsequent adjustment in Asian American and Caucasian American college students // Journal of Counseling Psychology. 1996. V. 43. P. 113–123.

Chang E. C. Dispositional optimism and primary and secondary appraisal of a stressor: Controlling for confounding influences and relations to coping and psychological and physical adjustment // Journal of Personality. 1998. V. 74. P. 1109–1120.

Chang E. C., D'Zurilla T. J., Maydeu-Olivares A. Assessing the dimensionality of optimism and pessimism using a multimeasure approach // Cognitive Therapy and Research. 1994. V. 18. P. 143–160.

Chang E. C., Maydeu-Olivares A., D'Zurilla T. J. Optimism and pessimism as partially independent constructs: Relations to positive and negative affectivity and psychological well-being // Personality and Individual Differences. 1997. V. 23. P. 433–440.

Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. N. Y., 1968.

Gillham J. E., Seligman M. E. P. Footsteps on the road to a positive psychology // Behavior Research and Therapy. 1999. V. 37. P. 163–173.

Hammen C., Cochran S. Cognitive correlates of life stress and depression in college students // Journal of Abnormal Psychology. 1981. V. 90. P. 23–27.

Hendrick C., Hendrick S. S. Research on love: Does it measure up? // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. V. 56. P. 784–794.

Lee Y. T., Seligman M. E. P. Are Americans more optimistic than the Chinese? // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. V. 23. P. 32–40.

Norem J. K., Cantor N. Defensive pessimism: Harnessing anxiety as motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 51. P. 1208–1217.

Peterson C., Chang E. C. Optimism and Flourishing // Flourishing. Positive Psychology and the Life well-lived / Eds C. M. Keyes, J. Haidt. Copyright by American Psychological Association, 2002.

Reivich K., Gillham J. Learned Optimism: The Measurement of Explanatory Style // Positive Psychological Assessment. A Handbook of Models and measures / Eds S. Lopez, C. R. Snyder. Copyright by American Psychological Association, 2003.

Seligman M. E. P. Learned optimism. N. Y., 1991.

Источники цитирования художественных текстов

Беккет С. В ожидании Годо // Иностранная литература. 1966. № 10.

Гончаров И. А. Обломов // Собр. соч. В 8 т. М.: Худ. лит., 1979. Т. 4.

И будет вечен вольный труд…: Стихи русских поэтов о Родине. М.: Правда, 1988.

Лермонтов М. Ю. Избр. соч. В 2 т. М., 1970. Т. 1.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Л.: Наука, 1977.

Толстой Л. Н. Собр. соч. В 22 т. М.: Худ. лит., 1980. Т. 5.

Чехов А. П. Собр. соч. В 12 т. М., 1961–1963. Т. 4, 10.

Чехов А. П. Соч. В 18 т. М.: ГИХЛ, 1986. Т. 10.

При подготовке книги были использованы следующие публикации автора:

Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001.

Джидарьян И. А. Гуманистический смысл идеи Б. Г. Ананьева о системном человекознании // Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Джидарьян И. А. Оптимистические основания веры, надежды и любви // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Джидарьян И.А. Философская концепция С.Л. Рубинштейна в контексте гуманистической и позитивной психологии // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Джидарьян И.А. Современные тенденции в психологических исследованиях оптимизма // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. Ч. 1.

Научное издание
Серия «Достижения в психологии»

Джидарьян Инна Аршавировна

ПСИХОЛОГИЯ СЧАСТЬЯ И ОПТИМИЗМА

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-61-02. E-mail: vbelop@ipras.ru. www.ipras.ru

Сдано в набор 20.02.13. Подписано в печать 05.03.13
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура CharterC. Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 14,5
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, МО, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

Книги издательства «Институт психологии РАН»

Юревич А. В. Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 447 с. (Методология, теория и история психологии)

Дифференциально-интеграционная теория развития: Философское осмысление и применение в психологии, языкознании и педагогике. Тезисы докладов Второй научно-практической конференции. 4 марта 2013 г., Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 45 с.

Пономаренко В. А. На чьих плечах стоим? М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 145 с.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 413 с. (Психология социальных явлений)

Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 828 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 341 с. (Экспериментальные исследования)

Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 468 с. (Методология, теория и история психологии)

Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с. (Труды Института психологии РАН)

Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.

Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 528 с. (Достижения в психологии)

Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 828 с.

Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 696 с.

Алмаев Н. А. Применение контент-анализа в исследованиях личности: Методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 167 с. (Методы психологии)

Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 341 с. (Фундаментальная психология – практике)

Человек в экономических и социальных отношениях: Материалы Всероссийской научной конференции. 4–5 октября 2012 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 418 с.

Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с.

Психологические исследования. Вып. 6 / Под А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 187 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)

Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 392 с. (Труды Института психологии РАН)

Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: На путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 288 с. (Методология, теория и история психологии)

Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 5 / Под ред. А. А. Кибрика, Т. В. Черниговской, А. В. Дубасовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 295 с.

Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 426 с.
Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 575 с. (Психология социальных явлений)
Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 496 с.
Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 206 с. (Перспективы психологии)
Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 400 с. (Труды Института психологии РАН)
Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 368 с. (Труды Института психологии РАН)
Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 440 с. (Психология социальных явлений)
Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой, С.В. Тихомировой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 432 с. (Методология, теория и история психологии)
Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (24–25 февраля 2011 г.) / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.И. Артемьевой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 216 с.
Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 736 с. (Научные школы ИП РАН)
Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 512 с. (Психология социальных явлений)
Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 560 с.
Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 464 с. (Экспериментальные исследования)

Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с. (Труды Института психологии РАН)

Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 480 с. (Психология социальных явлений)

Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 284 с.

Психология – наука будущего: Материалы IV международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» 17–18 ноября 2011 г. Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 540 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Занковский А.Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 296 с.

Современная экспериментальная психология: В 2 т. / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 555 с., 493 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Познание в деятельности и общении: От теории и практики к эксперименту / Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 527 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Гуцыкова С.В. Метод экспертных оценок: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 144 с. (Методы психологии)

Баканов А.С., Обознов А.А. Эргономика пользовательского интерфейса: от проектирования к моделированию человеко-компьютерного взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 176 с.

Ермолаева Е.П. Оценка реализации профессионала в системе «человек–профессия–общество». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 176 с. (Методы психологии)

Ларионова Л.И. Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с.

Волкова Е.В. Психология специальных способностей: дифференционно-интеграционный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 320 с.